

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

На правах рукописи

Поповская Анна Яковлевна

**ИНТЕРФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ
ВАРИАТИВНОСТЬ СОЦИОЛЕКТА НОСИТЕЛЕЙ
БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ**

(НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛЕКТА ИДИШ-НЕМЕЦКИХ БИЛИНГВОВ)

Специальность: 10.02.04 – Германские языки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Петренко Александр Демьянович

Симферополь – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОЛЕКТА В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА	16
1.1. Детерминанты языкового контакта.....	16
1.2. Детерминанты билингвизма.....	19
1.3. Развитие социолингвистического направления исследований языковой вариативности.....	22
1.4. Понятие социолекта и дискурсивного сообщества как коллектива носителей социолекта.....	29
1.5. Факторы фоностилистической вариативности в социолекте.....	37
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	45
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА ИДИШ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЫ И ГЕРМАНИИ	48
2.1. Материал и программа исследования.....	48
2.2. История миграции и формирования еврейской диаспоры на территории Европы и Германии и ее языки.....	53
2.2.1. Ранний период эволюции еврейской диаспоры на территории Германии и особенности языковой коммуникации.....	54
2.2.2. Теории возникновения языка идиш.....	55
2.2.3. Образование восточного ареала языка идиш.....	59
2.3. Формирование гибридного характера языка идиш.....	61
2.4. Сопоставление фонетических систем немецкого языка и идиша.....	64
2.5. Социолингвистическая идентификация языка идиш.....	72

2.5.1. Идиш и контингентные беженцы в современной Германии..

74

2.5.2. Особенности идишского произношения: диалектные различия на рубеже XIX-XX вв.

78

2.6. Современный социолект языка идиш и дискурсивные сообщества идиш-немецких билингвов в Германии.....

81

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....

85

**ГЛАВА 3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-СОЦИОФОНЕТИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ
РЕЧИ ИДИШ-НЕМЕЦКИХ БИЛИНГВОВ НА ЯЗЫКЕ ИДИШ..... 91**

3.1. Программа проведения и задачи эксперимента. Основные понятия. Обзор частотных изменений гласных и согласных фоностилистических переменных в речи идиш-немецких билингвов.....

91

3.2. Фоностилистические переменные в подготовленной речи..... 97

3.2.1. Гласные фоностилистические переменные.....

97

3.2.1.1. Монофтонги.....

97

3.2.1.1.1. Лабиализация-делабиализация..... 98

3.2.1.1.2. Изменение по признаку подъема.....

99

3.2.1.1.3. Переход в долгий гласный.....

101

3.2.1.2.	Дифтонги.....	102
3.2.1.2.1.	Монофтонгизация в долгий гласный.....	103
3.2.1.2.2.	Переход в другой дифтонг.....	105
3.2.2.	Согласные фоностилистические переменные.....	107
3.2.2.1.	Изменение места образования.....	107
3.2.2.2.	Аффрикатизация и деаффрикатизация.....	108
3.2.2.3.	Озвончение.....	109
3.2.2.4.	Количественная характеристика.....	109
3.3.	Фоностилистические переменные в спонтанной речи.....	110
3.3.1.	Условия проведения и задачи эксперимента.....	110
3.3.2.	Гласные фоностилистические переменные.....	112
3.3.2.1.	Краткие монофтонги.....	112
3.3.2.1.1.	Лабиялизация-делабиализация.....	112
3.3.2.1.2.	Изменение по признаку подъема.....	116
3.3.2.2.	Дифтонги.....	119
3.3.2.2.1.	Монофтонгизация в долгий гласный.....	119
3.3.2.2.2.	Переход в другой дифтонг.....	124
3.3.3.	Согласные фоностилистические переменные.....	127
3.3.3.1.	Изменение места образования.....	127
3.3.3.2.	Аффрикатизация и деаффрикатизация.....	129
3.3.3.3.	Озвончение.....	133
3.4.	Сопоставление реализаций фоностилистических переменных в	

подготовленной и спонтанной речи.....	132
3.4.1. Гласные.....	132
3.4.1.1. Фоностилистические переменные гласного монофтонга /i/ → [y:].....	132
3.4.1.2. Фоностилистические переменные гласных монофтонгов /ɔ/ → [a] или [o:], /ʊ/ → [ɔ], /ɛ/ → [ɪ].....	133
3.4.1.3. Фоностилистические переменные дифтонгов /ã/ → [ɔ̃], /ɔ̃/ → [ã], /ɛ̃/ → [ɛ:], /ɛ̃/ → [ø:] или [ɛ], /ɔ̃/ → [o:].....	134
3.4.1.4. Сравнительная репрезентация средней частоты реализации гласных монофтонгов и дифтонгов	136
3.4.2. Согласные.....	137
3.4.2.1. Фоностилистические переменные согласной /ʃ/ → [s].	137
3.4.2.2. Фоностилистические переменные согласных /m/ → [n], /f/ → [pf], /dʒ/ → [s] или [z], /t/ → [d].....	138
3.4.2.3. Фоностилистические переменные согласной /tʃ/ → [ʃ].	139
3.4.2.4. Сравнительная репрезентация средней частоты реализации согласных и аффрикат.....	140
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3.....	141
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	146
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	152
БИБЛИОГРАФИЯ.....	153
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	184

Приложение I. Территориальные варианты языка идиш в Европе на рубеже XIX-XX

вв..... 184

Приложение II. Фонемный состав немецкого вокализма и консонатизма.....
186

Приложение III. Список участников эксперимента.....
190

Приложение IV. Фрагменты текста.....
191

Приложение V. Фрагменты интервью.....
193

ВВЕДЕНИЕ

Одной из основных проблем, рассматриваемых современной социолингвистикой, является проблема социально обусловленной вариативности языка, пути исследования которой были заложены в трудах выдающихся российских и зарубежных языковедов: И. А. Бодуэна де Куртэне [Бодуэн де Куртэне 1963], В. В. Виноградова [Виноградов 1963], В. М. Жирмунского [Жирмунский 1977], Л. В. Щербы [Щерба 1957], У. Вайнрайха [Вайнрайх 1979], У. Лабова [Лабов 1975], Дж. Фишмана [Фишман 1967] и др.

Значимость явлений вариативности в общей картине гетерогенности языковой структуры, проявляющейся в многообразии типов социальной и территориальной дифференциации языка, обуславливает внимание исследователей к статусу его вариантов, диалектов и социолектов. Развитие социолингвистической науки характеризуется поиском путей методологического построения теории языковой вариативности, которая подвергается всестороннему изучению в работах П. Керсуилла [Керсуилл 2010], У. Лабова [Лабов 1975], Д. Хаймса [Хаймс 1964], Э. Хаугена [Хауген 1972], В. И. Беликова [Беликов 2001], А. И. Домашнева [Домашнев 2000], Л. П. Крысина [Крысин 2004], Н. Д. Мечковской [Мечковская 2004], А. Д. Петренко [Петренко 2013] и др.

В условиях интенсивных языковых контактов в круг интересов социолингвистики включается определение статуса социально-территориальных разновидностей контактирующих языков, используемых в коммуникации представителей различных лингвокультурных сообществ. Подобные разновидности отличаются наборами внеязыковых переменных, которые коррелируют с языковыми фактами, создавая тот или иной социальный/этнический акцент, что неоднократно подчеркивали такие

зарубежные и отечественные ученые, как, например, У. Вайнрайх [Вайнрайх 1979], Д. Вайсберг [Вайсберг 1988], У. Лабов [Лабов 1975], Дж. Фишман [Фишман 1967], М. Фрайданк [Фрайданк 2001], Н. Якобс [Якобс 2005], Н. Б. Вахтин [Вахтин 2004], Е. В. Головкин [Головкин 2004], Т. Б. Заграевская [Заграевская 2013], Е. А. Коломиец [Коломиец 2011], Г. М. Скуланова [Скуланова 1987], С. Г. Тер-Минасова [Тер-Минасова 2000], А. Д. Швейцер [Швейцер 1983], К. А. Шишигин [Шишигин 2015] и др. Детерминация социолектов, возникающих в условиях языковых контактов, закрепление их территориально-социального статуса – это результат действия социально-политических, экономических, географических и др. факторов. Наряду с этим возрастает научный интерес к контактам близкородственных языков, результатом которых является билингвизм, например, нидерландско-фризский [Kramer 1984], франко-немецкий [Храбскова 2007], бурско-английский [Устинович 2007], украинско-русский [Курохтина 2010], русско-белорусский [Дубинина 2010; Маслова 2015], скотс-английский [Евстафьева 2017].

Значительное место в современной социолингвистике отводится социофонетическим исследованиям вариативности произносительных стилей, их сегментных и просодических коррелятов в различных языках (Л. В. Бондарко [Бондарко 2004], В. М. Бухаров [Бухаров 1995], С. М. Гайдучик [Гайдучик 1981], Л. Р. Зиндер [Зиндер 1941], А. Д. Петренко [Петренко 2013], Р. К. Потапова [Потапова 2001], Л. И. Прокопова [Прокопова 2001], Д. М. Храбскова [Храбскова 2007], Т. Беккер [Беккер 2012], В. Дресслер [Дресслер 1982], П. Керсуилл [Керсуилл 2010], П. Традгилл [Традгилл 1974], П. Фоукс [Фоукс 2010], М. Халле [Халле 1963] и др.). В этом направлении работают и последователи научной школы социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко, к числу которых принадлежит и автор настоящей диссертации.

Исходной точкой нашего исследования является тезис о том, что перераспределение сфер и сред употребления языка в условиях языковых контактов, появление новых типов его социальной и территориальной

дифференциации приводят к формированию сбалансированной экзогlossной ситуации, когда составляющие ее коммуникативные подсистемы сосуществуют в условиях функционального распределения.

Актуальность исследования определяется недостаточной разработанностью вопросов реализации фоностилистических переменных в современных социолектах, функционирующих в Германии, и необходимостью анализа путей взаимодействия фоностилистических факторов литературной нормы немецкого языка и социально-территориальных диалектов. Непосредственное изучение произносительных тенденций и инноваций, наблюдаемых в среде различных дискурсивных сообществ, является актуальным в плане внесения корректив в представления о системе немецкого вокализма и консонантизма, которая в настоящее время претерпевает значительные изменения, вызванные социально-демографическими переменами в немецком обществе.

В качестве **объекта исследования** избрана речь идиш-немецких билингвов, представляющих два дискурсивных сообщества Германии, члены которых используют современный социолект языка идиш.

Предметом исследования является фоностилистическая вариативность сегментного состава современного социолекта языка идиш в функционально-стилистически маркированных коммуникативных ситуациях речи идиш-немецких билингвов.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении социофонетических особенностей современного социолекта языка идиш и установлении параметров его фоностилистической вариативности на сегментном уровне с учетом социолингвистических факторов, регулирующих реализацию фоностилистических переменных. Эта цель достигается путем решения следующих теоретических и практических **задач**:

– обосновать использование методологических принципов и базовых для проведенного исследования понятий: а) *языкового контакта*, служащего предпосылкой возникновения социолекта билингвов, б) *социофонетической и*

фоностилистической вариативности, обусловленной влиянием фонетики интерферирующего контактирующего языка на социолект, оформившийся на базе другого – интерферируемого – языка, в) *социолекта и дискурсивного сообщества*;

– провести последовательный анализ социолингвистического статуса, этапов становления, эволюции и современного состояния языка идиш, с учетом особенностей формирования соответствующих дискурсивных сообществ в Германии;

– охарактеризовать факторы, формирующие языковую ситуацию в Германии, где проживают носители языка идиш, а также сопоставить фонетические системы немецкого языка и языка идиш;

– смоделировать структуру экспериментальной группы дискурсивного сообщества языка идиш и обеспечить достоверную трехступенчатую процедуру отбора информантов, которая базируется на приемах анализа социальных сетей;

– выделить корпус фоностилистических переменных сегментного уровня, обусловленных интерференциальным влиянием немецкого языка и реализуемых в условиях заданных коммуникативных ситуаций подготовленной и спонтанной речи на социолекте языка идиш;

– систематизировать существенные позиционные различия реализации фоностилистических переменных в подготовленной и спонтанной речи идиш-немецких билингвов на идише и охарактеризовать набор интерферированных немецкой фонетикой фоностилистических переменных в сопоставлении со стандартной идишской произносительной нормой и интерферирующей стандартной немецкой произносительной нормой.

Методика исследования. Выбор методов, последовательность и техника их применения диктуются целью и задачами исследования. Теоретическая платформа исследования подготовлена на основе аналитического обзора социолингвистической литературы. Приемы анализа социальных сетей используются для формирования целевой группы информантов, моделирующей

социально-демографическую структуру дискурсивных сообществ. На этапе сбора и систематизации материала используются методы опроса, анкетирования и интервьюирования, направленные на получение фоностилистических данных в различных коммуникативных контекстах. Для отбора реализаций фоностилистических переменных используется метод компьютерной обработки текста с помощью программы Word Smith Tools. С целью установления фоностилистической вариативности речи информантов и определения соответствия ее норме стандартного идишского произношения в исследовании был применен метод аудиторского анализа, в ходе которого была проведена экспертная оценка образцов подготовленной и спонтанной речи информантов, необходимая для последующей идентификации и интерпретации полученного корпуса фоностилистических переменных.

Материалом исследования послужили аудиозаписи произношения идиш-немецких билингов в двух заданных коммуникативных ситуациях – подготовленной и спонтанной речи. В качестве носителей социолекта языка идиш привлекались идиш-немецкие билингвы, проживающие в Германии. Целевую группу информантов составили 44 идиш-немецких билингва, в числе которых были 18 представителей религиозной иудейской общины в Германии, 10 студентов немецких университетов и 16 представителей социокультурных сообществ городов Берлина, Аугсбурга, Дюссельдорфа и Регенсбурга. Общая длительность аудиозаписей – 6 ч. 25 мин.: 198,4 мин. подготовленной речи и 220 мин. спонтанной речи, объем информации – 429,5 Мб. Перенос аудиозаписей в текст выполнялся с использованием программ компьютерной обработки звукового сигнала для Windows XP: MediaCoder 0.7.1.4433, Soni Sound Forge 8.0, Chrome Speech Recognizer, HTML5 Speech Recognition и программ автоматического распознавания речи для iPhone: Dragon Dictation, Dragon NaturallySpeaking, Dragon Go!, Dragon Mobile Assistant. Для осуществления экспертного анализа аудиозаписей были привлечены 6 аудиторов, фонетистов, преподавателей Иерусалимского и Регенсбургского

университетов, носителей идиша и немецкого языка. Перед экспертами была поставлена задача – прослушать представленные аудиозаписи и отметить те реализации гласных и согласных, в которых, по их мнению, имеются отклонения от кодифицированной нормы произношения языка идиш. В ходе аудиторского анализа эксперты зафиксировали 17850 случаев подобных реализаций 15 фоностилистических переменных: 6 согласных, 7 гласных, 2 дифтонга

Теоретико-методологической базой настоящей работы послужили исследования отечественных и зарубежных ученых в области социолингвистики, социальной и территориальной дифференциации языка, теории языковых контактов, билингвизма, социофонетики и фоностилистики: В. А. Аврорина [Аврорин 1972], Л. В. Бондарко [Бондарко 2004], В. М. Бухарова [Бухаров 1995], Н. Б. Вахтина [Вахтин 2004], Е. М. Верещагина [Верещагин 1973], С. М. Гайдучика [Гайдучик 1981], А. И. Домашнева [Домашнев 2000], В. М. Жирмунского [Жирмунский 1977], Л. Р. Зиндера [Зиндер 1941], А. Д. Петренко [Петренко 2013], Р. К. Потаповой [Потапова 2001], В. М. Солнцева [Солнцев 1986], С. Г. Тер-Минасовой [Тер-Минасова 2000], Д. А. Шахбаговой [Шахбагова 1986], А. Д. Швейцера [Швейцер 1990], В. Н. Ярцевой [Ярцева 1971], Т. Беккера [Беккер 2012], Б. Бернштейна [Бернштейн 1964], У. Вайнрайха [Вайнрайх 1972], Дж. Гамперца [Гамперц 2008], В. Дресслера [Дресслер 1982], П. Керсуилла [Керсуилл 2010], Д. Крэмера [Крэмер 2008], У. Лабова [Лабов 1975], Дж. Суэлза [Суэлз 1990], П. Традгилла [Традгилл 1974], Ч. Фергюсона [Фергюсон 1959], Дж. Фишмана [Фишман 1967], П. Фоукса [Фоукс 2010], М. Фрайданка [Фрайданк 2001], Д. Хаймса [Хаймс 1964], М. Халле [Халле 1963], Н. Якобса [Якобс 2005] и др.

Гипотеза исследования заключается в допущении наличия в речи билингвов (в настоящем исследовании – носителей близкородственных языков) вариативности фоностилистических переменных сегментного уровня, служащих специфическими маркерами социолекта. Фоностилистическая

вариативность этих маркеров предопределяется зависимостью от типа дискурсивного сообщества и изменения социальной ситуации общения.

Научная новизна настоящей диссертации состоит в том, что: а) впервые осуществлен комплексный анализ социально и ситуативно обусловленной реализации фоностилистических переменных современного социолекта языка идиш в произношении идиш-немецких билингвов, б) исследуются ранее не рассматриваемые лингвистической наукой фонетические характеристики функционирующего в Германии социолекта языка идиш идиш-немецких билингвов, который представляет собой результат как исторического взаимодействия двух близкородственных языков, так и современной интерференции идиша немецким языком, в) раскрыта направленность развития произношения в современном социолекте языка идиш. Анализ результатов длительного контакта языка идиш и немецкого языка на фонетическом уровне может привести к переоценке ряда произносительных тенденций, наблюдаемых в условиях быстро меняющейся языковой ситуации в Германии, и динамики языковых изменений в целом.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что она: а) вносит вклад в развитие теории современных социолектов, б) уточняет теоретические основы классификации разновидностей билингвизма, в) дополняет теорию социофонетической и фоностилистической вариативности путем решения конкретной проблемы, а именно – установления взаимозависимости социальных факторов и выбора вариантов реализации фоностилистических переменных в подготовленной и спонтанной речи носителей социолекта, г) на новом языковом материале описывает теоретические аспекты функционирования социально-территориальных разновидностей языка, проблем языковых контактов на примере конкретного лингвокультурного сообщества – идиш-немецких билингвов – носителей социолекта языка идиш.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в теоретическом курсе социолингвистики, спецкурсах по социофонетике и фоностилистике, в лекционных курсах

теоретической фонетики немецкого языка, лингвострановедения Германии, в теории и практике преподавания идиша и немецкого языка, в частности при изучении фоностилистической вариативности речи на занятиях по разговорной практике, для оптимизации методики изучения произношения в обоих языках при написании курсовых, выпускных квалификационных и дипломных работ. Разработанные в диссертации исследовательские приемы могут найти применение при дальнейшем изучении билингвизма и социолектов в различных регионах современных языковых контактов.

Научная достоверность выводов, сделанных в работе, обеспечивается глубокой проработкой обширного теоретического материала по рассматриваемой проблематике, применением комплексной методики исследования социальной стратификации языка, фоностилистической вариативности и социальных аспектов взаимодействия языков и репрезентативным экспериментальным материалом.

Соответствие паспорту научной специальности. Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности 10.02.04 – Германские языки:

- основные переходы германских языков к их современным особенностям;
- общие и индивидуальные тенденции развития германских языков;
- исследование особенностей использования сопоставлений на разных уровнях, выявление особенностей восприятия, употребления, типичных лингвокультурных ошибок и особенностей использования в разных языковых общностях.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Язык идиш в Германии представлен в качестве социолекта и используется в коммуникации членами двух дискурсивных сообществ идиш-немецких билингвов, объединенных совокупностью социальных и этнических признаков.

2. Между большинством элементов сегментного уровня фонетических систем идиша и немецкого языка сложились диафонные отношения, и

значительное количество выявленных диафонов реализуется как социально маркированные аллофоны, частота использования которых варьируется в зависимости от социальных и этнических факторов и параметров коммуникативной ситуации.

3. Функционально-стилистически обусловленные диафоны составляют корпус фоностилистических переменных социолекта, которые реализуются в речи коллектива билингвов. Фоностилистические переменные представляют собой устойчивые количественные и качественные отклонения от произносительного стандарта идиша, обусловленные интерференциальным влиянием немецкого произношения на сегментном уровне.

4. Социолект языка идиш в условиях его функционирования в Германии демонстрирует существенные позиционные различия реализации гласных и согласных в произнесении различными группами информантов в заданных коммуникативных ситуациях подготовленной и спонтанной речи.

5. Члены дискурсивных сообществ реализуют весь диапазон вариативности фоностилистических переменных для создания стиля речи, соответствующего коммуникативным ситуациям подготовленной и спонтанной речи. При всех различиях социальных характеристик представителей двух дискурсивных сообществ они используют идиом, который определяется как современный социолект языка идиш.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования, фрагменты его содержания освещены в докладах на всероссийских и международных научных конференциях: на Научной конференции по иудаике в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова (Москва, 2011 г.); на Международной конференции «Сучасна філологія: тенденції і пріоритети розвитку» в Одесском национальном университете им. И. И. Мечникова (Одесса, 2012 г.); на Международном научном конгрессе «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы» (Симферополь, 2016 г.); на Международной конференции «Ломоносовские чтения на Алтае:

фундаментальные проблемы науки и образования» в Алтайском государственном университете (Барнаул, 2017 г.); на Международной научно-практической конференции «Междисциплинарный вектор развития современной науки» (Петрозаводск, 2019 г.); неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры теории и практики перевода и социолингвистики Института иностранной филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (2017–2019 гг.); на семинарах и конференциях научной школы социофонетики и фоностилистики проф. А. Д. Петренко (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», 2015–2019 гг.); отражены в 7 публикациях по теме исследования (в том числе три в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации).

Цель и задачи диссертации определили общую логику исследования и **структуру работы** общим объемом 194 страницы, которая состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и 5 приложений. Во введении определяются объект и предмет исследования, обосновываются его актуальность и научная новизна, формулируются цель и основные задачи, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, излагаются положения, выносимые на защиту, описывается структура диссертации. Глава 1 «Теоретические основы исследования социолекта в условиях языкового контакта» посвящена описанию теоретических и методологических основ диссертационного исследования, обзору научных трудов в области социолингвистики, социальной и территориальной дифференциации языка, теории языковых контактов, билингвизма, социофонетики и фоностилистики. В главе 2 «Особенности функционирования языка идиш на территории Европы и Германии» характеризуются социолингвистический статус языка идиш, этапы его эволюции и современное состояние, определяемое демографическим распределением контингента дискурсивных сообществ. Уточняются факторы, формирующие языковую ситуацию в Германии и других странах Европы, где

присутствуют носители идиша, проводится сопоставление фонетических систем немецкого языка и языка идиш. В главе 3 «Экспериментально-социофонетическое исследование фоностилистической вариативности речи идиш-немецких билингвов на языке идиш» представлен анализ фоностилистических переменных, обусловленных интерференциальным влиянием немецкого языка, раскрываются позиционные различия реализации гласных и согласных в современном социолекте языка идиш. В заключении подводятся основные итоги проведенного исследования. Библиография представлена 264 наименованиями на русском и иностранных языках. В приложении приведены образцы скриптов аудиозаписей, моделирующих коммуникативные ситуации подготовленной и спонтанной речи.

Глава 1

Теоретические основы исследования социолекта в условиях языкового контакта

1.1. Детерминанты языкового контакта

При лингвистическом изучении языковых контактов преобладает два подхода: в основу первого кладется допущение о дивергенции контактирующих языков, в основу второго – допущение об их конвергенции [Зиндер 1941: 56]. Неизбежным следствием дивергенции и конвергенции в процессе языковых контактов является межъязыковая интерференция, то есть «те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных билингвов в результате того, что они знают больше языков, чем один, т. е. вследствие языкового контакта <...>» [Вайнрайх 1979: 22]. Наряду со сравнительно-историческим сопоставлением генетически родственных языков и типологическим сопоставлением языков независимо от их родства И. А. Бодуэн де Куртенэ предложил также «сравнительное обозрение двух или нескольких даже разнородных по своему первоначальному историческому источнику языковых областей, в которых вследствие их территориальной близости замечаются сходные языковые явления» [Бодуэн де Куртэне 1963: 30].

Как известно, в речи билингвов неизменно наблюдается переключение кода, под которым обычно понимают «переход говорящего с одного языка на другой в рамках одного высказывания» [Елоева 1990: 54]. Переключение кодов необходимо отличать от термина «смешение кодов». Термин «переключение кода» понимается всеми исследователями более или менее одинаково, как переход с одного языка на другой в рамках одного предложения. Если переключение кодов мотивировано, то смешение кодов не имеет мотивировки, т. е. это произвольный переход с одного языка на другой [Байкова 2012: 34]. Кодовое смешение имеет место, когда билингв обращается ко второму языку, не меняя ситуации. Граница кодов может проходить не только внутри тесно связанного словосочетания, но и внутри слова. Таким образом, «смешение кодов» обозначает включение в речь на одном языке элементов другого языка в практически неограниченном объеме и неадаптированном виде [Bechert 1991: 59].

Этот период фактически знаменует начало изучения языковых контактов. По мнению Г. Шухардта, речевое общение между двумя языковыми коллективами ввиду затрудненности акта коммуникации ведет к конвергентному переустройству контактирующих языков. Г. Шухардт впервые рассмотрел конвергенцию языков как естественное и необходимое проявление коммуникативной функции языка, как удовлетворение «потребности в установлении взаимопонимания» [Шухардт 1950: 78].

Итог дискуссии о смешении языков подвел Л. В. Щерба в статье «О понятии смешения языков», предложив заменить термин «смешение языков» термином «взаимное влияние языков», так как «смешение» подразумевает, что оба языка, находящиеся в непосредственном контакте, могут в равной степени участвовать в образовании нового языка [Щерба 1958: 42].

Л. В. Щерба разграничил во взаимном влиянии языков два различных процесса, зависящих от типа сосуществования двух языков в индивидуе:

заимствование и смешение. Заимствование характерно для двуязычия, под которым Л. В. Щерба понимал существование в сознании индивида двух отдельных систем ассоциаций, не имеющих между собой контакта. Смешение характерно для ситуации, когда два сосуществующих языка образуют только один язык, который Л. В. Щерба называет смешанным языком. При этом подчеркивалось, что смешанный язык – это не гибридный новый язык, образовавшийся путем слияния контактирующих языков, а промежуточная система между двумя языками с одним рядом означаемых, которому соответствует два ряда означающих.

Разъясняя суть смешения языков, В. Н. Ярцева отмечает, что смешение сравнительно легко может происходить в тех языках, системы которых не имеют достаточного внутреннего сцепления, но язык тем более сопротивляется смешению, чем более развитые и более соразмерные системы он в себе заключает [Ярцева 1971: 12].

Исследователь взаимодействия языков А. Е. Карлинский настаивал на том, что, билингвизм и языковые контакты – две стороны этого процесса. Билингвизм – отражение экстралингвистического аспекта, языковые контакты – отражение внутрilingвистического аспекта взаимодействия языков. В центре внимания исследований по проблемам билингвизма – двуязычный индивид (психоллингвистический аспект явления) или двуязычное общество (социоллингвистический аспект явления). В фокусе исследований по теории языковых контактов – собственно языковые особенности взаимодействия языков [Карлинский 1980: 48].

Классиком исследования билингвизма и языковых контактов в зарубежной лингвистике является У. Вайнрайх. В его трудах суммируется весь опыт изучения языковых контактов, подробно и комплексно рассмотрены вопросы, связанные с изучением билингвизма. По мнению У. Вайнрайха, проблема изучения двуязычия как результата языковых контактов заключается в том, «<...> чтобы описать те несколько языковых систем, которые оказываются в контакте друг с другом; выявить те различия между этими

системами, которые затрудняют одновременное владение ими, и предсказать таким образом наиболее вероятные проявления интерференции, которая возникает в результате контакта языков, и, наконец, указать в поведении двуязычных носителей те отклонения от норм каждого из языков, которые связаны с их двуязычием» [Вайнрайх 1979: 264].

«Еще одна устойчивая тенденция современной эпохи – социокультурная интерференция. Она связана с процессами смешения либо двух языков (родного и неродного), либо двух коммуникационных кодов (официального и неофициального, литературного и жаргонного и т. д.) в рамках одного языка, либо с временным включением в “речевое поле” инородных элементов. <...> Типичным примером <...> сегодня является широкое включение англицизмов/американизмов на уровне отдельных слов и фраз в другие языки мира, что приводит к смешению различных коммуникативных кодов» [Морозова 2011].

На рубеже XIX–XX вв. основной проблемой в лингвистике в свете теории языковой конвергенции была проблема возможности или невозможности так называемого «смешения языков».

1.2. Детерминанты билингвизма

В научной литературе понятие билингвизма толкуется неоднозначно, что находится в прямой зависимости от контекста исследования проблемы, так как проблему двуязычия и многоязычия рассматривают в нескольких аспектах: в собственно лингвистическом, педагогическом, психологическом, лингвосоциологическом и т. д. По мнению Е. М. Верещагина, лингвистическая типология билингвизма рассматривает проблему двуязычия с точки зрения взаимодействия языков, изучения механизма переключения с одного языка на другой, слияния языков в одну языковую систему, что объясняется единством принципов организации языковых систем [Верещагин 1973: 19].

«<...> Билингвизм есть результат межцивилизационного взаимодействия различных культур народов, одна из форм адаптации совершенно иной или

родственной языковой культуры. Поскольку язык является составной частью национальной культуры, реальное содержание двуязычия в первую очередь отражает лингвокультурные и психологические ценности и ориентиры его носителя» [Багироков 2005: 216].

Очевидно, что в речевой деятельности билингвизм детерминирован именно социальными факторами, которые требуют не менее пристального изучения, чем сам механизм попеременного использования личностью или определенной языковой общностью двух (или более) языков и сопряженные с ним процессы. Исследователь афроамериканского этноварианта английского языка Т. Б. Заграевская отмечает, что при социально-лингвистическом исследовании билингвизма на макроуровне исходной точкой являются социально-демографические группы информантов. Такое исследование на микроуровне предполагает выявление связи билингвизма и отдельного индивида – влияние билингвизма на языковую личность, на языковую картину мира, на речевое поведение человека. На макроуровне внимание уделяется интерференции, которая должна быть исследована особо тщательно на лексико-семантическом, синтаксическом, текстовом уровнях. На микроуровне лингвистический аспект изучения билингвизма предполагает исследование влияния билингвизма на язык и речь индивидуума [Заграевская 2013: 5].

По мнению Х. З. Багирокова, для билингва родной язык – это исторически сложившееся средство общения этнической группы, к которой относит себя индивид, а функционально активный язык – это средство повседневного общения, орудие выражения мыслей и чувств, ставшее более необходимым в процессе социально-экономической и даже частной жизни индивида [Багироков 2005: 9].

В настоящей работе автор придерживается определения М. Сигуана и У. Макки, которые предлагают называть билингвом, или двуязычным, «того человека, который кроме своего первого языка в сравнимой степени компетентен в другом языке, способен со схожей эффективностью

пользоваться в любых обстоятельствах тем или другим из них» [Сигуан 1990: 11].

Н. Б. Вахтин и Е. В. Головки выделяют несколько основных типов билингвизма (см.: [Вахтин, Головки 2004: 36]:

1) *билингвизм от рождения*, когда ребенок вырастает в семье, где родители говорят с ним на разных языках;

2) *социально вынужденное двуязычие*, возникающее в том случае, когда иммигранты вынуждены изучать язык страны своего проживания;

3) *территориальное двуязычие*, возникающее в результате межъязыковой интерференции у народов-соседей, проживающих рядом издавна;

4) кроме того, В. А. Аврорин полагает возможным выделить еще один вид двуязычия – *профессиональный билингвизм*, при котором второй язык является продуктом целенаправленного изучения с целью осуществления профессиональной деятельности с высоким уровнем владения вторым языком (в нашем случае – идишем), когда «<...> степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого» [Аврорин 1972: 51]).

В лингвистической типологии билингвизма выделяется также *продуктивный билингвизм*, который может быть в форме как правильной речи, так и неправильной, и подразделяется на субординативный и координативный. При *субординативном билингвизме* в речевых произведениях, порожденных на его основе, устанавливаются нарушения языковой системы, относящиеся, как правило, к вторичной языковой системе. Под *координативным билингвизмом* понимается такой билингвизм, который обеспечивает порождение правильной речи [Вахтин, Головки 2004: 42–50].

Как писал У. Вайнрайх, «<...> многоязычие, несомненно, представляет собой явление не только значительное, но и достаточно обычное и распространенное <...>», хотя долгое время было «<...> принято, в том числе и среди лингвистов, рассматривать одноязычие как правило, а многоязычие – как нечто исключительное» [Вайнрайх 1972]. В связи с этим изучение

функционирования двух языков в пределах одной этнической общности, а также процессов и результатов их взаимодействия и взаимовлияния является актуальной проблемой социолингвистики.

1.3. Развитие социолингвистического направления исследований языковой вариативности

Социолингвистика как научная дисциплина развивается на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии и изучает широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества [Швейцер 1990: 481].

По определению С. Г. Тер-Минасовой, социолингвистика – это «раздел языкознания, изучающий обусловленность языковых явлений и языковых единиц социальными факторами: с одной стороны, условиями коммуникации (временем, местом, участниками, целями и т. п.), с другой стороны, обычаями, традициями, особенностями общественной и культурной жизни говорящего коллектива» [Тер-Минасова 2000: 9].

В. М. Жирмунский, формулируя задачи социолингвистики, называл две главные: 1) изучение социальной дифференциации языка (в связи с социальным расслоением общества) и 2) изучение социальной обусловленности развития языка [Жирмунский 1968: 14]. Проблемы, о которых писал В. М. Жирмунский, являются ключевыми, поскольку, решая их, социолингвистика отвечает на два кардинальных вопроса: как функционирует язык и как он развивается в различных социумах, то есть раскрывает механизм взаимодействия социальных и языковых факторов, обуславливающих контакты между представителями различных социальных групп [Конецкая 1997: 4].

Одна из основных областей, изучаемых социолингвистикой, – это формы существования языка, рассматриваемые как «системы регулярных и

взаимосвязанных вариантов реализации языковых возможностей, достаточных для коммуникации в том или ином социуме» [Мечковская 2000: 30]. Варианты языка могут быть обусловлены следующими социальными переменными: этническое происхождение, религия, социальный статус, пол, образовательный уровень, возраст и т. п., а также тем, как эти особенности способствуют идентификации социальных или социально-экономических классов. Точно так же, как использование языка варьируется от региона к региону, оно отлично и в разных социальных классах, и именно эти языковые варианты изучает социалингвистика [Gumperz, Cook-Gumperz 2008: 533].

По утверждению Дж. Джозефа, социалингвистике как самостоятельной отрасли лингвистики, исследующей социальную мотивацию языковых изменений, предшествовала разработанная в XIX веке волновая модель распространения индоевропейской семьи языков [Joseph, Hodson 2004]. Социалингвистика в современном виде утвердилась во 2-й половине XX века [Paulston, Tucker 1997; Nida 1949; Currie 1952]. Канадский историограф лингвистики К. Кернер находит ее истоки в тезисе американского филолога XIX века У. Д. Уитни, который заявлял, что речь принадлежит человеку не как индивидууму, а как члену общества. Любое изменение, даже если оно регистрируется в речи одного человека, становится фактом языка только после того, как его принимает и использует все сообщество [Koerner 1991: 57]. К. Кернер прослеживает линию преемственности этой идеи – от У. Д. Уитни к Ф. де Соссюру и его ученику А. Мейе, затем от А. Мартине к У. Вайнрайху и его ученику У. Лабову.

В своей докторской диссертации «Social Stratification of English in New York City» («Социальная стратификация английского языка в Нью-Йорке») У. Лабов приводит тезис о социальном характере языковой вариативности, изложенный А. Мейе в 1905 году: «<...> из того факта, что язык – это социальный институт, следует, что лингвистика – это социальная наука, и единственная переменная, к которой мы можем обратиться, чтобы объяснить языковые изменения, – это социальные изменения, следствием которых,

собственно, и является языковая вариативность. Мы должны определить, какая социальная структура соответствует данной языковой структуре и как в общем виде изменения в социальной структуре транслируются в изменения в языковой структуре» [Labov 2006: 15].

Выдвинутая А. Мейе идея взаимосвязи социальных и языковых феноменов не получила в то время теоретического обоснования, так как в XIX веке область интересов лингвистов была ограничена вопросами этимологии, родства и эволюции языков, а в начале и первой половине XX века внимание исследователей сосредоточилось на проблемах культурного релятивизма и структурной организации универсалий языка [Shuy 1997: 6]. Кроме того, что касается серьезных социолингвистических исследований в области фонетики, то, как указывает У. Лабов, они требовали разработки эксплицитной теории фонологической структуры, использования магнитофонов, спектрограмм, процедур отбора образцов, компьютерных технологий, способных обрабатывать большие массивы данных [Labov 2006: 16].

Мысль о преемственности социолингвистических исследований поддерживает и развивает Р. Шай, автор «Краткой истории американской социолингвистики 1949–1989 гг.», отмечая, что предшественниками социолингвистики следует считать наряду с лингвистикой антропологию и социологию [Shuy 1997: 4].

Американские антропологи, изучавшие индейскую культуру, включали исследования языков индейцев в область «этнологической филологии», или «лингвистической этнологии», которую в XX веке стали называть «этнолингвистикой» и «антропологической лингвистикой» [Shuy 1997: 5].

В 1960-х гг. Д. Хаймс предложил термин «лингвистическая антропология», определив ее как изучение языка в антропологическом контексте. Автор отмечал, что объекты антропологии и лингвистики могут пересекаться, но не совпадают, так как антропология использует знания о языке для решения своей задачи – изучения человеческого сообщества, а задача

лингвистики – координировать знания о языке под углом зрения культуры данного сообщества [1964: 92].

Еще одним основанием социалингвистики была социология, где интерес к языку усилился в 60-ые годы прошлого столетия в связи с расширением зарубежных социалингвистических исследований, таких, например, как исследования Ч. Фергюсона в Бенгалии и арабских странах и Дж. Гамперца в Южной Азии [Shuy 1997: 10]. В университетских программах появились курсы социологии языка, и один из первых таких курсов прочел в 1960 году Дж. Фишман в Пенсильванском университете [Shuy 1997: 6].

В 1960-х годах для наименования нового научного направления, изучавшего взаимодействие языка и общества, в американском языкознании равным образом использовались термины «социалингвистика» и «социология языка». Позднее определились их конкретные интересы, и к области социалингвистики стали относить описания изменений в структуре языка, а к области социологии языка – языковые явления, вызванные изменениями в структуре общества [Paulston, Tucker 1997].

В 2010 году был издан сборник трудов «Справочник по социалингвистике издательства ‘SAGE’» [The SAGE Handbook], который сразу же получил статус социалингвистической энциклопедии. В предисловии к сборнику один из его составителей П. Керсуил приводит имена шести основоположников социалингвистики: У. Лабова, Б. Бернштейна, Д. Хаймса, Дж. Гамперца, Ч. Фергюсона и Дж. Фишмана [B. Bernstein; Ch. Ferguson; J. Fishman; J. Gumperz; D. Hymes; W. Labov] [P. Kerswill, Introduction 2010: 1–2].

Как отмечал У. Лабов, целью его исследований было «не столько дать новую теорию языка, сколько снабдить ее новым методом работы» [Лабов 1975: 118]. Однако им была не только разработана новаторская техника исследования языковой дифференциации, но и обоснован понятийный аппарат для описания языковых вариаций [Labov 1975: 168–178]. Так, У. Лабов вводит понятия индикатора и маркера. Индикаторы коррелируют с социальным статусом говорящего и не подвержены стилистическому варьированию, то есть

являются относительно постоянными характеристиками речи, проявляющимися в любой ситуации одинаковым образом. Маркеры не только обладают социальной обусловленностью, но и стилистически дифференцированы. Маркеры и индикаторы – это типы языковых вариаций, которые У. Лабов определяет как социолингвистические переменные – величины, зависящие от нелингвистических переменных социального контекста [Лабов 1975: 150].

«Хотя У. Лабов рассматривает в основном фонетические изменения, их интерпретация представляет интерес и в более широком плане, с точки зрения эволюции языка вообще» [Беликов, Крысин 2001: 78]. Труды этого исследователя оказались чрезвычайно важными для становления и развития социолингвистики во многих странах. Наряду с ним, как полагает Б. Сполски, список основателей социолингвистики должен также включать имена У. Вайнрайха, Э. Хаугена и С. Эрвин-Трипп [Spolsky 1991: 4–5]. Так, работа У. Вайнрайха «Языковые контакты» [Вайнрайх 1979: 264 с.], основанная на его полевых исследованиях двуязычия в Швейцарии и написанная под руководством А. Мартине, стала первой монографией, специально посвященной явлению интерференции и положившей начало контактной лингвистике. У. Вайнрайх оказал сильное влияние на многих ведущих социолингвистов и, в частности, на своего ученика У. Лабова [Labov 1997: 147]. В соавторстве с У. Лабовым и М. Херцогом была написана работа «Эмпирические основы теории языковых изменений» [Weinreich 1968, Labov 1968, Herzog 1968], которая определила необходимость социолингвистического подхода для объяснения изменений в языке.

Общим для всех основателей социолингвистики было понимание необходимости изучать язык в связи с социальными условиями его существования, под которыми понимался комплекс внешних обстоятельств, в которых язык реально функционирует и развивается. Этот комплекс включает сообщество людей, использующих данный язык, социальную структуру данного общества, этнические особенности, различия в социальном статусе,

уровне культуры и образования, возрасте, месте проживания, а также параметры речевого поведения, определяемые ситуацией общения. Таким образом, учитываются все экстралингвистические факторы, влияющие на использование языка, – от различных характеристик самих говорящих (их возраста, пола, уровня образования и культуры, профессии и т. п.) до особенностей конкретного речевого акта. При этом формируется сам механизм отбора социально значимых вариантов, устанавливаются критерии, лежащие в основе выбора. Конечной целью анализа является выявление социальных норм, детерминирующих речевое поведение индивида.

Как заметил в 1962 г. Д. Хаймс, социалингвистика изучает словесное поведение в кругу отношений между обстановкой, участниками общения, темой беседы, функциями и формой контакта, а также той оценкой, которую всем этим компонентам дают участники общения [Hymes 1962: 25]. Междисциплинарный статус социалингвистики находит выражение в используемом ею понятийном аппарате. Так, языковой коллектив, рассматриваемый в качестве исходного понятия социалингвистического анализа, определяется на основе как социальных, так и языковых признаков (наличие социального взаимодействия и единство языковых признаков).

Социальная стратификация как социологическое понятие обозначает дифференциацию общества (или отдельного его слоя) по определенным признакам на «высший», «средний» и «низший» классы [Кузнецова 2009: 84]. Признание социальной дифференциации языка потребовало новых методологических установок: от выявления системности языковых средств – к интерпретации их функционирования в живой речи; от обнаружения социальной детерминированности языковых фактов – к установлению сложного вероятностного характера их зависимости от совокупности экстралингвистических факторов (социальных, биологических, психологических, пространственных) [Ерофеева 2002].

Рассмотрение языка не с точки зрения системы, представляющей продукт языкового развития, но с точки зрения функционирования (речи и речевой

деятельности), позволяющей описать язык как процесс, разработка идей неоднородности и гетерогенности структуры языка как совокупности различных по своей природе образований в трудах В. В. Виноградова, В. М. Жирмунского, Л. Р. Зиндера, Л. В. Щербы и др. [Виноградов 1990, Жирмунский 1968, Зиндер 1941, Щерба 1957] послужили основанием нового лингвистического направления в российской науке – социальной диалектологии, в которой социальная вариативность подразделений языка пришла на смену географической. Предметом изучения социальной диалектологии явилась устная обиходная речь, представленная разговорно-литературной речью, нелитературным городским и сельским просторечием, профессиональными языками и территориально-социальными диалектами. Речь носителя социального диалекта рассматривается как продукт социальных взаимоотношений, в которых психологическая сторона обусловлена социальной [Ерофеева 2002: 12; Ерофеева 2002: 3–4].

Занимаясь описанием социально-функциональной специфики устной речи (как малых групп, так и одного индивида), социальная диалектология способствовала осознанию природы языка как общественного явления, исследованию локально-социальных и всякого рода переходных явлений, которые до этого в значительной степени оставались в тени, а также установлению связи с другими дисциплинами в плане междисциплинарного изучения личности [Бродович 1991: 5; Векшин 2006: 15].

Социальная диалектология отражает активизацию диффузных процессов между центром и периферийными языковыми подсистемами, а гносеологические установки современного языкознания создают предпосылки для изучения реальной динамики социального взаимодействия [Хорошева 2003: 8, 9]. При этом все более широкое применение в современных исследованиях по социальной диалектологии методов экспериментально-статистического моделирования обусловлено новым пониманием лингвистического объекта этой науки – как континуума, как вероятностной динамической системы [Ерофеева 2002: 12].

В современных исследованиях социально-территориальных разновидностей языка идеи классика социолингвистики У. Лабова становятся очень актуальными. Их суть в сжатом виде сформулировал Дж. Гамперц: социолингвистика – это учение о воздействии всех и каждого аспекта общества, включая культурные нормы, ожидаемые результаты и контекст, на то, как используется язык и как использование языка воздействует на общество [Gumperz, Cook-Gumperz 2008: 532].

Вслед за Д. А. Шахбаговой варьирование мы понимаем как процесс, явление, сопровождающее развитие языка, вариативность – как свойство языка, служащее условием этого процесса, а вариантность – как результат этого процесса, выражающийся в существовании различных вариантов языка [Шахбагова 1986: 6].

Одна из определяющих характеристик каждого нового варианта языка – это его нативизация, то есть процесс ассимиляции в культуре и обществе. Каждая новая языковая модель может быть признана в случае соответствия трем критериям: понятности, уместности и эффективности общения [Kachru 1986: 91], с учетом всех инноваций, то есть отклонений, встречающихся в речи не отдельных носителей, а целого социума.

Инновации (фонетические, грамматические, лексические и стилистические) – составная часть своеобразия новых вариантов – принимают системный характер, сигнализируя об институционализации данной разновидности языка, и служат лингвистическим показателем нового варианта языка. Языковая реальность заключается в том, что функциональный принцип становления новых разновидностей приходит на смену географическому [Erling 2004: 40].

Социолингвистические тенденции сглаживания специфических особенностей территориальных разновидностей языка путем взаимовлияния и взаимопроникновения их форм приводят к появлению новых социально-территориальных диалектов, или социолектов.

1.4. Понятие социолекта и дискурсивного сообщества как коллектива носителей социолекта

Исторически, политически и экономически обусловленные процессы дивергенции и конвергенции языков знаменуются появлением их многочисленных разновидностей, приспособленных функционировать в новых социально-культурных условиях в том или ином регионе [Домашнев 2000: 90; З. Попова, Стернин 2002: 7]. Соединение интересов лингвистики, социолингвистики, культурологии приводит исследователей к необходимости решения ряда вопросов, среди которых, в частности, определение статуса новых социально-территориальных разновидностей, которые формируются и развиваются по своим правилам, приемлемым для коммуникации представителей конкретных лингвокультурных сообществ. Благодаря возрастающей мобильности людей, язык делает проницаемыми для межличностных отношений региональные и государственные границы, сглаживает национальные и культурные различия и служит инструментом коммуникации между людьми, принадлежащими к различным национальным и лингвокультурным сообществам [Howatt, Widdowson 2004: 361]. Реально используемые ими формы языка следует признать легитимной разновидностью и легитимным фактором развития языка, при этом нередко полагается, что допускаемые в речи отклонения не следует считать ошибками и что эти «ошибки» являют собой лингвистические инновации, социокультурные особенности языковых сообществ (см., например: [Jenkins 2007: 17; Mauranen, Metsä-Ketelä 2006: 1]).

Вариантность социально-территориальных диалектов может быть описана в таких терминах представлений о разных способах выражения какой-либо языковой сущности, как ее модификации, разновидности или отклонения от некоторой нормы. Отметим, что в трудах А. И. Домашнева, Ю. А. Жлуктенко, А. Д. Петренко, В. М. Солнцева, Д. А. Шахбаговой, разработавших теорию языковой вариативности, понятие варианта языка определяется не только наличием у него своих специфических черт и

особенностей, но и его нормированным характером, наличием собственной кодифицированной нормы [Домашнев 1990; Жлуктенко 1974; Петренко 2011; Солнцев 1998; Шахбагова 1986].

Лингвокультурные особенности социолектов, формирующихся в ареалах традиционных языков, получают легитимный статус идентифицирующих признаков без какой-либо негативной коннотации, ранее возникавшей при сравнении с литературными стандартами [Trudgill 2001: 6–7; Watt, Milroy 1999: 43].

Ключом к пониманию вариантности новых территориально-социальных диалектов может служить выдвинутый Б. Зайдльхофер тезис о том, что традиционное содержание терминов «вариант языка» и «языковое сообщество» не соответствует тенденциям развития языков, оформившимся к XX веку. По ее мнению, устарели представления о языковом сообществе как о коллективе, основанном на постоянных контактах между людьми, живущими в непосредственной территориальной близости друг от друга [Seidlhofer 2009: 238]. Автор предлагает квалифицировать сообщества пользователей территориально-социальными диалектами как дискурсивные сообщества [Seidlhofer 2007: 308].

В понимании социолекта мы следуем дефиниции А. Д. Петренко, который определяет социолект как «основную единицу социальной стратификации языка», «языковой вариант, типичный для определенной социальной группы носителей языка», «некодифицированную норму языкового общения, реализуемую в разнообразных коммуникативных ситуациях коллективом говорящих, объединенных совокупностью общих социальных признаков» [Петренко 2013: 86]. Таким образом, социолект есть разновидность, или форма, существования языка, «<...> типичная для определенной группы носителей в пределах данного языкового коллектива и определяемая социально-экономическими, а также ситуативными и региональными признаками» (Бауш, цит по: [Schmidtová 2014: 15]). Понятие «социолект», таким образом, «<...> вписывается в триаду “диалект” (общность территории) – “социолект”

(общность фактора) – “идиолект” (общность языковых актов). В философских категориях <...> язык есть общее, социолект – особенное, идиолект – отдельное» [Ерофеева 2010: 22].

Носителями социолекта как «социально-маркированной подсистемы языка» [Ерофеева 2010: 21] является не весь языковой коллектив, а лишь его определенная часть, которую, вслед за Дж. Суэлзом, в социалингвистике принято называть дискурсивным сообществом (см.: [Swales 1990]). Дискурсивное сообщество представляет собой группу людей, характеризуемых общими деятельностными нормами и объединяемых тем, что они сообща владеют определенным количеством типов или жанров дискурса, при помощи которых они осуществляют коммуникацию. Данный дискурс отражает общие коммуникативные особенности дискурсивного сообщества, особые условия коммуникации конкретных участников [Swales 1990: 58].

Для дискурсивного сообщества характерен особый институциональный образ мышления группы людей, создающих этот дискурс, разделяющих знания о каких-либо темах и владеющих общим словарем, чтобы обсуждать эти темы [Swales 1990: 58]. Таким образом, в языковом аспекте дискурсивное сообщество представляет собой языковой коллектив, вырабатывающий языковые маркеры групповой идентификации.

В пределах дискурсивного сообщества его языковая вариативность определяется функционально, то есть по своему использованию в коммуникации, а не по соотнесенности с географическим ареалом. Следовательно, лингвофункциональный принцип описания вариативности приходит на смену лингвогеографическому, и новый вариант оставляет за собой функцию языка коммуникации для представителей данного сообщества без того, чтобы выступать в качестве языка их территориальной идентификации. Представители дискурсивного сообщества активизируют языковые средства, участвуя в совместной коммуникативной практике, которая предусматривает процесс социализации, необходимой для осуществления совместной деятельности [Wenger 1998: 72].

Социологи определяют социализацию как «всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть» [Бергер 1995: 212]. В этом вхождении следует различать первичную социализацию, которой индивид подвергается в детстве, становясь членом конкретного национального лингвокультурного сообщества, и вторичную социализацию. Вторичная социализация представляет собой интернализацию новых институциональных или институционально обоснованных сообществ: это каждый последующий процесс, позволяющий уже социализированному индивиду входить в новые секторы объективного мира [Бергер 1995: 213–214].

Интернализация определяется как внесение некоторых аспектов внешнего мира в личную психическую жизнь человека, приводящее к тому, что внутренняя репрезентация внешнего мира оказывает влияние на его мышление и поведение. Интернализация относится к ситуациям, в которых убеждения, ценности и стиль поведения одних индивидуумов перенимаются другими [Психологическая энциклопедия].

При всех специфических различиях содержания, интернализуемого в процессе первичной и вторичной социализации в разных сообществах, язык – это обязательный фактор, который должен быть интернализован в первую очередь. Вместе с языком и посредством языка усваиваются различные мотивационные и интерпретационные схемы. Для того чтобы быть успешной, вторичная социализация требует интернализации структуры и семантики языковых средств, позволяющих идентифицировать и интерпретировать факты в рамках новой институциональной сферы [Бергер 1995: 226].

В отличие от первичной социализации, имеющей универсальный характер, вторичная социализация является ситуативной. Это, например, социализация в интернациональном сообществе студентов, деловых людей, блогеров и т. п. Соответственно, изучение их социолектов предопределяется подходом, который раскрывает, как участники ситуативно-обусловленной

коммуникации используют языковые средства для достижения взаимопонимания.

Люди, говорящие на социолекте, полностью вовлечены в речевое взаимодействие и, по словам Б. Зайдльхофер, используют свой потенциал языковых средств и коммуникативных стратегий, концентрируя внимание не на правильном применении языкового кода, а на доведении смысла до собеседников [Seidlhofer 2009: 242]. Функционируя в реальной повседневной практике людей, принадлежащих к различным социальным, профессиональным и территориальным стратам общества, социолект является формой вариативности языка. Опираясь на положение С. Г. Тер-Минасовой, можно утверждать, что социолект одновременно выполняет *интегрирующую* функцию по отношению к представителям говорящего на нем дискурсивного сообщества и *разобщающую* функцию по отношению к тем, кто к данному сообществу не принадлежит [Тер-Минасова 2000: 15].

«Социолектом называют совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной и т. п. – в пределах той или иной подсистемы национального языка. Примерами социолектов могут служить особенности речи солдат (солдатский жаргон), школьников (школьный жаргон), уголовный жаргон, арго хиппи, студенческий сленг, профессиональный “язык” тех, кто работает на компьютерах, разнообразные торговые арго (например, “челноков”, торговцев наркотиками) и др.» [Беликов 2001: 30], то есть дискурсивных сообществ.

Рассматривая те или иные языковые явления в рамках социолектов, необходимо учитывать, что «социолекты не представляют собой целостных систем коммуникации. Это именно особенности речи – в виде слов, словосочетаний, синтаксических конструкций» [Беликов 2001: 30], а также, как будет представлено на примере социолекта языка идиш идиш-немецких билингвов, фонетические особенности речи его носителей (см. также: [Коровушкин 2002: 12; Петренко 1998: 35–36; Русакова 2007: 4]).

Т. И. Ерофеева включает в социолект также и понятие социального типа, который проявляется у человека под влиянием черт, свойственных его расе, этнической группе, национальности, социальному статусу. С этой стороны исследователи определяют социолект как речь «среднего индивида», представляющего свою социальную группу, культуру, то есть рассматривают социолект как инвариантную социально маркированную подсистему языка [Ерофеева 2010: 21].

Одновременно понятие «социолект» трактуется шире, чем понятие «социальный тип», так как первое понятие включает в себя еще и систему речевых средств определенной группы, детерминированных рядом страт, имеющих не только социальный, но и биологический и психологический характер: местом рождения, специальностью, уровнем образования, возрастом, полом, темпераментом и т. п. Таким образом, анализ закономерностей речевого поведения человека в реальных жизненных условиях может проводиться с учетом стратификации, и с этой точки зрения социолект может трактоваться как совокупность языковых кодов, которыми владеют индивиды, объединенные какой-либо стратой [Ерофеева 2002: 21; Третьякова 2005: 14–15; Bright 1992: 3].

Целесообразно было бы дополнить характеристику социолекта формулировкой исследователя современных немецких социолектов А. Д. Петренко: в рамках конкретной социально-речевой общности ее социолект представляет собой некодифицированную норму языкового общения, реализуемую в разнообразных коммуникативных ситуациях коллективом говорящих, объединенных совокупностью общих социальных признаков [Петренко 1998: 35].

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что социолект реализуется в ограниченных наборах коммуникативных контекстов, представляющих практику взаимодействия членов дискурсивных сообществ. При этом социолект дискурсивного сообщества предполагает равные коммуникативные права для всех своих пользователей, которые участвуют в процессе вторичной социализации. Опираясь на представленное выше понимание социолекта как

функционально-прагматической разновидности языка, мы можем утверждать, что, будучи инструментом вторичной социализации, социолект выполняет лингвокультурную функцию и способствует лингвокультурной идентификации, в первую очередь, по определенным языковым признакам.

Кроме того, как указывает Ю. Хауз, социолект служит для говорящих инструментом репрезентации специализированного культурного опыта и поведения [House 2007: 11]. Следовательно, пользователи социолекта должны владеть социолингвистическими наборами языковых средств, в том числе средств фоностилистических, с помощью которых они могут варьировать свое речевое поведение в ситуациях специализированной и бытовой коммуникации.

Основные операционные единицы исследования социолекта – это социолингвистические переменные. Социолингвистические переменные характеризуются соотнесенностью, с одной стороны, с определенным уровнем языковой структуры (фонологическим, морфологическим, синтаксическим, лексико-семантическим), а с другой – с варьированием социальной структуры или социальных ситуаций [Швейцер 1990: 481–482].

В связи с этим А. Д. Петренко указывает, что в кругу проблем социолингвистики одной из центральных является проблема социально обусловленной вариативности речи, характеризующейся наличием двух измерений – стратификационного и ситуативного [Петренко 2011: 23]. В свою очередь, А. Д. Швейцер отмечает, что стратификационная вариативность непосредственно связана с социальной структурой общества и проявляется в языковых и речевых различиях, которые характерны для представителей разных социальных слоев и групп. Ситуативная же вариативность проявляется в преимущественном использовании тех или иных языковых средств в зависимости от социальной ситуации [Швейцер 1976: 31–42].

Оба вида вариативности тесно связаны друг с другом. Различия, обусловленные социальной структурой общества, накладываются на различия, обусловленные социальной ситуацией [Петренко 2011: 23]. При этом, как демонстрируют исследования У. Лабова, модели ситуативной вариативности,

отражающие закономерности в распределении конкурирующих языковых форм по социальным ситуациям, являются едиными для конкретного языкового или речевого коллектива. Для всех членов данного коллектива характерны одни и те же закономерности, проявляющиеся в выборе тех или иных произносительных форм в зависимости от социальной ситуации общения [Labov 1966: 168].

Общая модель ситуативной вариативности может при этом по-разному реализоваться в различных социальных группах [Петренко 2008: 8]. В том случае, когда, по словам У. Лабова, социолингвистические переменные «становятся неоспоримым достоянием общественного сознания» [Лабов 1975: 160], они превращаются в стереотипы. Стереотипы можно интерпретировать и как особый тип социолингвистической переменной, представляющий собой «<...> зеркальный образ индикаторов, так как они не связаны с социальными факторами <...> но подвержены стилистическому сдвигу» [Белл 1980: 54], в том числе в сфере фонетики. Так, применительно к языковой ситуации в Великобритании в 60–70-е годы XX века Р. Белл отмечает, что «примером может служить употребление увулярного ‘r’ на северо-востоке Англии. Большинство исконных носителей английского языка в Соединенном Королевстве, если попросить их передразнить «Geordie» (ироническая кличка шотландца-углекопа <...>), прибегнет к такому ‘r’; точно так же лица, живущие в указанном районе, будут использовать этот звук, рассказывая традиционные истории или воспроизводя местные песни, несмотря на то, что [r] вышел из употребления, сохраняясь лишь в речи старшего поколения <...>» [Белл 1980: 54].

Основным материалом исследований У. Лабова были именно фонетические переменные, исследование которых и положило начало социофонетике как самостоятельной отрасли социолингвистики (см., в частности: [Лабов 1975; Labov 1963; Labov 1966]).

1.5. Факторы фоностилистической вариативности в социолекте

Социальная вариативность языка и речи характеризуется, как известно, наличием двух измерений – стратификационного и ситуативного. Стратификационная вариативность самым непосредственным образом связана с социальной структурой общества. Ситуативная вариативность, в свою очередь, обуславливается использованием тех или иных языковых средств в зависимости от социальной ситуации общения [Швейцер 1976: 78–79].

По словам А. Д. Швейцера, стратификационная вариативность и проявляется в языковых и речевых различиях, типичных для представителей разных слоев и групп. Ситуативная же вариативность проявляется в преимущественном использовании тех или иных языковых средств – отдельных единиц, их вариантов, целых систем или подсистем – в зависимости от социальной ситуации; она также может проявляться и в смене языка, а также в чередовании диалектов или регистров [Швейцер 1976: 31–42].

«Сосуществование двух видов социальной вариативности языка – стратификационного и ситуативного – лежит в основе регулярной модели двух видов дифференциации речи, выявленной У. Лабовым в его экспериментальном исследовании стратификации английского языка в Нью-Йорке. С одной стороны, автором установлена зависимость выбора информантами языковых средств от места говорящих в социальной структуре данного коллектива: представители низших слоев чаще используют в тех или иных речевых контактах субстандартные формы, нежели представители высших слоев городского общества. С другой стороны, у представителей всех слоев и групп наблюдалась одна и та же ситуативно обусловленная тенденция – заметное приближение к национальной норме в ситуациях официального общения и отдаление от нормы в ситуациях непринужденно-бытового общения. К таким же выводам пришел и П. Традгилл в своем изучении социально обусловленных различий в речи жителей г. Нориджа на юго-востоке Англии <...>» [Жук 2015: 71].

Различные формы разговорного языка связаны, прежде всего, с происхождением носителя языка, а социальный статус варианта воплощен в

социолекте, тогда как характеристики и особенности коммуникативной ситуации отражаются на стилистическом уровне, то есть на уровне произношения соответствующего функционального стиля. Следовательно, стилистика и фоностистика приобретают социолингвистический аспект, на что применительно к немецкому языку указывал С. М. Гайдучик [Гайдучик 1972: 12–16].

Исследуя ситуативную стилистическую вариативность произношения, лингвисты сосредотачивают внимание на изучении фоностилистических переменных, используемых в зависимости от конкретной ситуации межличностного общения. Иначе говоря, «контекстуальный» стиль меняется в зависимости от ситуативных факторов (официальность/неофициальность ситуации, ролевые структуры, тема беседы) и, соответственно, отражает закономерности выбора языковых средств [Мудрик 2011: 62]. Как подчеркивает А. Д. Петренко, ситуативно обусловленное варьирование предполагает исследование языка в конкретных социальных ситуациях общения. Ситуативную вариативность, которая проявляется в преимущественном использовании тех или иных языковых средств, часто связывают со стилистической дифференциацией языка, с противопоставлением различных функциональных и произносительных стилей [Петренко 2008: 7].

Функциональный стиль, по мнению В. В. Виноградова, является языковым коррелятом социальных сфер коммуникации; это – «<...> общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в [определенной. – А. П.] сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов 1955: 73]. В. В. Виноградов отмечает далее, что «при выделении таких важнейших общественных функций языка, как общение, сообщение и воздействие, могли бы быть в общем плане структуры языка разграничены такие [функциональные.

– А. П.] стили: обиходно-бытовой (функция общения); обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения); публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия)» [Виноградов 1963: 6].

Различия, связанные с экстралингвистическими сферами использования и функциями языка, обнаруживаются на всех языковых уровнях, в том числе в фонетике. Так, например, фонетические характеристики подготовленного чтения, с одной стороны, и спонтанного интервью, с другой (соответственно официально-документальный и обиходно-бытовой/обиходно-деловой в терминах В. В. Виноградова), результаты исследования которых на материале идиша представлены в настоящей работе, различаются. При этом, в частности, «различение произносительных стилей признается существенным для теории и практики преподавания языка <...> Считается, что противопоставление “полного” и “разговорного” стилей, введенное в обиход Л. В. Щербой еще в 1915 г. [Щерба 1957: 21–25], находится в том же ряду, что и различение стилей торжественного, ораторского, официального, фамильярного и т. п.» [Бондарко и др. 1974: 65]. Л. В. Щерба полагал: «Практически достаточно различать два типа произношения, которые назовем один – полным стилем, а другой – разговорным» [Щерба 1957: 154].

Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина, Л. Р. Зиндер и В. Б. Касевич в своей основополагающей для социофонетики статье «Стили произношения и типы произнесения» отмечают, однако, что Л. В. Щерба, применительно к фонетике «<...> употребив термин “стиль” <...> сам провоцировал слишком широкое и даже неверное истолкование рассматриваемого им явления» [Бондарко и др. 1974: 65].

С целью уточнения отдельных положений щербовской концепции произносительных стилей авторы названной статьи выдвигают следующие тезисы, которые можно назвать программными для социофонетики и которые полностью принимаются нами:

1. Вводится понятие «*функциональный стиль произношения*», который «<...> находит свое выражение и в фонетических характеристиках – в частности в относительной доле сегментов полного и неполного типов произнесения, а также, возможно, в их особом качестве и в распределении их в синтаксической ткани высказывания» [Бондарко и др. 1974: 65].

2. Разграничиваются два терминологически «неравнозначных» [Бондарко и др. 1974: 65] понятия:

а) *стиль произношения* как «<...> нечто постоянное для данного индивида или коллектива <...>» [Бондарко и др. 1974: 65] и

б) *произнесение* «<...> как отдельный акт говорения, рассматриваемый с чисто звуковой стороны <...>» [Бондарко и др. 1974: 65].

3. Соответственно выделяются [Бондарко и др. 1974: 65]:

а) *стиль произношения* как общая фонетическая характеристика высказывания и

б) *тип произнесения* как детальная фонетическая характеристика элементов речи, вплоть до сегментов фонемной протяженности, т. е. то, что Л. В. Щерба и именовал «стилем произношения».

4. Различаются два основных *типа произнесения: полный и неполный* (соответствующие полному и разговорному стилям Л. В. Щербы). Критерием их разграничения является «<...> возможность фонемной интерпретации соответствующего отрезка речи: о полном типе произнесения следует говорить тогда, когда данный отрезок получает вполне определенную фонемную интерпретацию. Если же однозначная фонемная интерпретация невозможна, то перед нами неполный тип» [Бондарко и др. 1974: 65].

5. Доказывается, что «<...> ни одно высказывание не может принадлежать целиком неполному типу (за исключением, вероятно, реплик, полностью предсказуемых контекстуально и ситуативно). Иначе говоря, полный тип обязательно должен характеризовать произнесение по крайней мере некоторых частей любого высказывания. Если бы это не было так, если бы все сегменты высказывания одновременно допускали множественность интерпретации,

восприятию не на что было бы опереться в понимании текста», «в то же время даже поверхностные наблюдения над связной речью свидетельствуют, что далеко не все ее сегменты реализуются как принадлежащие к полному типу произнесения» [Бондарко и др. 1974: 65].

б. Выявляется языковой механизм восприятия неполного типа произнесения, при котором распознавание фонетически редуцированной речи осуществляется благодаря контекстной избыточности и опорным точкам, к которым относятся ударный слог, ритмическая структура слова в целом, начальный слог слова [Бондарко и др. 1974: 69–70].

Учитывая многообразие трактовок произносительных стилей, отметим, что для достижения практических целей данного исследования мы принимаем классификацию, разработанную представителями Санкт-Петербургской фонологической школой, которые дихотомически противопоставляют следующие типы речи [Бондарко и др. 1974: 69–70]:

- а) подготовленная – спонтанная;
- б) тщательная – непринужденная;
- в) монологическая – диалогическая.

«Монологическая речь предполагает, что говорящий в течение достаточно долгого отрезка времени произносит определенные высказывания. Любая монологическая речь отличается от диалогической, суть которой – обмен сообщениями между двумя или более собеседниками. Подготовленная речь отличается от спонтанной тем, что говорящий уже до акта речевой коммуникации знает не только что, но и как он должен говорить <...> спонтанная речь порождается в момент коммуникации, форма ее не готовится заранее. Тщательная речь предполагает, что говорящий обращает особое внимание на звуковую сторону <...>, например, при диктовке текста, непринужденная речь отличается от тщательной меньшим вниманием к собственно звуковой стороне» [Бондарко и др. 1974: 69–70].

Для целей настоящего исследования идиш-немецкие билингвы в соответствии с заданными нами ситуациями продуцировали:

а) подготовленную тщательную монологическую речь и

б) спонтанную непринужденную монологическую речь, которая в ряде случаев для уточнения некоторых параметров могла переходить в краткий диалог с исследователем.

Фоностилистика изучает, таким образом, пути взаимодействия экстралингвистических факторов в формировании функционального стиля произношения и с целью характеристики определенных типов произнесения. Так, исследователями выделяются следующие экстралингвистические факторы:

1) цель и тема/предмет высказывания [Великая 2010: 9];

2) отношение отправителя к содержанию высказывания [Великая 2010: 9];

3) степень формализованности ситуации/социальные условия общения/общественная сфера общения [Великая 2010: 9];

4) отношения между коммуникантами, их социальный статус [Гайдучик 1972:11];

5) наличие/отсутствие обратной связи между коммуникантами [Троянская 1976:47];

6) степень подготовленности коммуникантов, прежде всего отправителя [Великая 2010: 9];

7) установка на качество речи [Троянская 1976:47];

8) внешние условия общения [Великая 2010: 9].

При этом Е. В. Великая полагает экстралингвистические факторы, указанные нами под номером 1, главными, а остальные «прочими». Е. С. Троянская различает экстралингвистические факторы главные и второстепенные, относя к главным факторы, названные нами под номерами 1, 3 и 7, а остальные к второстепенным.

При анализе факторов, участвующих в формировании фоностиля, необходимо учитывать, что коммуниканты различаются между собой «<...> по социальным ролям по манере исполнения этих ролей. Важным компонентом роли является то, чего от индивида ждут другие члены общества <...>»

[Белорукова 2011], при этом соответствие ролям должно иметь место как на сегментном, так и на просодическом уровнях. В зависимости от цели коммуникации и от ситуации общения сегментные и супraseгментные средства дополняют друг друга, и адекватный выбор говорящим языковых средств неизбежно определен ситуацией общения [Великая 2010: 9].

«С другой стороны, сами речевые ситуации, маркированные стилистическими признаками, могут быть рассмотрены как стилеобразующие факторы, поскольку несут информацию, выступающую в качестве обобщения речевого опыта носителей языка [Колесникова 1994: 68]. Это может относиться и к экстралингвистическим характеристикам контекстов» [Белорукова 2015: 29–30].

За последние десятилетия в трудах представителей социофонетической школы А. Д. Петренко и других ученых оформилось понимание *фонетического стиля* как совокупности сегментных и супraseгментных средств, реализованных в конкретной экстралингвистической ситуации. Одной из главных задач фоностилистики стало выявление различного рода фонетических модификаций, обусловленных внеязыковыми факторами [А. Д. Петренко 2011; Великая 2008; Исаев 1999; Клычмамедова 2002; Прокопова 2001; Родионова 1985, Д. А. Петренко 2003; Сахарчук 2000; Устинович 2008; Храбскова 2006].

В области изучения сегментного уровня произносительных стилей исследование вариативности реализации фонем включает обращение к процессам, которые происходят в отдельных подсистемах вокализма и консонантизма [Бобылева 2004, Куликова 2011, Мележик 2010, Мешкова 2002, Мурай 2005, Нугаманова 2007, Пузикова 1986]. Обращение к региональным стандартам и просторечным формам произношения позволяет исследователям систематизировать особенности функционирования фоностилистических переменных в различных социолингвистических контекстах, уточнить фонологический статус исследуемых единиц и выявить тенденции, определяющие дальнейшие пути развития языка [Кузьмина 2007, Марцинкус

1984, Михалева 2007, Травкина 2001], «<...> ибо именно в них действие общеязыковых тенденций проявляется более полно и четко, чем в языке литературном, скованном нормой» [Бубенникова 1988: 77]. Настоящее же диссертационное исследование направлено на изучение фоностилистической вариативности речи идиш-немецких билингвов, рассматриваемой нами как социолект, носителями которого являются представители идишговорящих дискурсивных сообществ Германии.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Неизбежным следствием языковых контактов является межъязыковая интерференция, то есть те случаи отклонения от норм любого из контактирующих языков, которые происходят в речи билингвов в результате того, что они знают более одного языка.

2. Как свидетельствуют материалы многочисленных исследований билингвизма, проблема изучения двуязычия как результата языковых контактов заключается в следующем:

а) описать те несколько языковых систем, которые оказываются в контакте друг с другом,

б) определить основные различия между этими системами, затрудняющие одновременное владение ими,

в) выявить наиболее вероятные проявления интерференции, которая возникает в результате контакта языков, и

г) установить в речи билингвов конкретные отклонения от норм каждого из языков, связанные с их двуязычием.

3. В настоящей работе принято определение М. Сигуана и У. Макки, которые предлагают называть билингвом такого индивида, который кроме

своего первого языка в сравнимой степени компетентен в другом языке, способен со схожей эффективностью пользоваться в любых обстоятельствах тем или другим из них.

4. Исследователями выделяется несколько основных типов билингвизма:

а) билингвизм от рождения, когда ребенок вырастает в семье, где родители говорят с ним на разных языках,

б) социально вынужденное двуязычие, возникающее в том случае, когда иммигранты вынуждены изучать язык страны своего нового проживания,

в) территориальное двуязычие, возникающее в результате межъязыковой интерференции у народов-соседей, проживающих рядом издавна,

г) профессиональный билингвизм, при котором второй язык является продуктом целенаправленного изучения с целью осуществления профессиональной деятельности, уровень владения вторым языком при этом высокий.

Кроме того, выделяется также:

д) продуктивный билингвизм, существующий в форме как правильной речи, так и неправильной, подразделяемый, в свою очередь, на:

- субординативный билингвизм, когда в речевых произведениях, порожденных на его основе, устанавливаются нарушения языковой системы, как правило, относящиеся к вторичной языковой системе, и

- координативный билингвизм, который обеспечивает порождение правильной речи.

5. Социолект представляет собой основную единицу социальной стратификации языка, языковой вариант, типичный для определенной социальной группы носителей языка, неcodифицированную норму языкового общения, реализуемую в разнообразных коммуникативных ситуациях коллективом говорящих, объединенных совокупностью общих социальных признаков.

6. Носителями социолекта является определенная часть языкового коллектива, которую в социолингвистике принято назвать дискурсивным

сообществом. Дискурсивное сообщество представляет собой группу людей, характеризуемых общими деятельностными нормами и объединяемых тем, что они сообща владеют определенным количеством типов или жанров дискурса, при помощи которых и осуществляют коммуникацию. В языковом аспекте дискурсивное сообщество представляет собой языковой коллектив, вырабатывающий языковые маркеры групповой идентификации.

7. Социолекты не представляют собой целостных систем коммуникации, но в них проявляется ряд особенностей речи: в виде слов, словосочетаний, синтаксических конструкций. У билингвов это также фонетические особенности.

8. Социолект реализуется в ограниченных наборах коммуникативных контекстов, представляющих практику взаимодействия членов дискурсивных сообществ. Социолект дискурсивного сообщества предполагает равные коммуникативные права для всех своих пользователей, которые участвуют в процессе вторичной социализации. Будучи инструментом вторичной социализации, социолект выполняет лингвокультурную функцию и способствует лингвокультурной идентификации, в первую очередь, по определенным языковым признакам.

9. Основные операционные единицы исследования социолекта – социолингвистические переменные, которые характеризуются соотносительностью, с одной стороны, с определенным уровнем языковой структуры (фонологическим, морфологическим, синтаксическим, лексико-семантическим), а с другой – с варьированием социальной структуры или социальных ситуаций. В связи с этим в кругу проблем социолингвистики одной из центральных является проблема социально обусловленной вариативности речи, характеризующейся наличием двух измерений – стратификационного и ситуативного. В свою очередь, стратификационная вариативность непосредственно связана с социальной структурой общества и проявляется в языковых и речевых различиях, которые характерны для представителей разных социальных слоев и групп. Ситуативная же вариативность проявляется

в преимущественном использовании тех или иных языковых средств в зависимости от социальной ситуации. При этом модели ситуативной вариативности, отражающие закономерности в распределении конкурирующих языковых форм по социальным ситуациям, являются едиными для конкретного языкового или речевого коллектива.

10. В области изучения сегментного уровня произносительных стилей исследование вариативности реализации фонем включает обращение к процессам, которые происходят в отдельных подсистемах вокализма и консонантизма. Настоящее диссертационное исследование направлено на изучение фоностилистической вариативности речи идиш-немецких билингвов, рассматриваемой как социолект, носителями которого являются представители идишговорящих дискурсивных сообществ Германии.

Глава 2

Особенности функционирования языка идиш на территории Европы и Германии

2.1. Материал и программа исследования

В социалингвистике языковые факты сталкиваются с социальными факторами, и предметом ее изучения остается язык – в его взаимовлияниях, взаимосвязях и взаимодействиях с социальным контекстом в самом широком толковании этого понятия, поэтому она должна пользоваться всем широким ассортиментом методов, применяемых в лингвистических исследованиях. Задачи, которыми занимается социалингвист, всегда привязаны к определенному социуму. Социалингвисты называют членов этого социума генеральной совокупностью, которая представляет собой множество всех индивидов, чьи языковые особенности являются объектом конкретного социалингвистического анализа [Беликов 2001: 268].

Выбор методов, последовательность и техника их применения диктуются объемом, характером фактического материала и условиями проведения исследования. Анализ социальных сетей используется для исследования и

моделирования процессов социального обмена, в том числе и языкового [Gruber 2011]. Анализ социальных сетей позволяет изучать дискурсивное сообщество (в нашем случае – языка идиш), относящееся к разряду автономных сообществ, для членов которых определяющими являются не факторы исходной социальной стратификации [Milroy 1987: 35], а их социолингвистическая идентификация.

Для отбора информантов в исследовании одновременно используется три вида выборки: а) случайная выборка (random sample), б) представительная выборка (representative sample) и в) структурированная сознательная выборка (peer-group sample). Такой отбор облегчается идентификацией отдельных групп людей, т. к. считается, что, объединенные, они будут представлять единую выборку или основу выборки (sampling frame); для того чтобы по данным выборки можно было достаточно уверенно судить об интересующем признаке генеральной совокупности, необходимо, чтобы выборка была репрезентативной [Словарь социол. терм. 2006: 119].

Отбор информантов производился нами следующим образом.

В первую очередь с помощью Интернета был определен круг участников опроса. В качестве носителей социолекта языка идиш к работе привлекались идиш-немецкие билингвы. Таким образом, основанием включения в число опрашиваемых было владение как идишем (в качестве родного или выученного), так и немецким языком. Сложилась группа из 50 информантов, в которой были 24 женщины и 26 мужчин. Их возраст: от 20 до 25 лет – 10 человек, от 26 до 35 лет – 15 человек; от 36 до 55 лет – 14 человек; от 56 до 85 лет – 11 человек; все информанты являлись гражданами Германии.

В процессе проведения эксперимента отказались делать аудиозапись шесть информантов, занимавших изолированную структурную позицию, которая отражала их маргинальный лингвосоциальный статус: «<...> маргинал в терминологии теории социальных сетей – это индивид, не взаимодействующий с другими членами группы <...> что, однако, не исключает взаимодействия с ним» [Чураков 2001: 110]. Представители этого сектора

опрашиваемой группы, как правило, прекращают взаимодействие после или в ходе участия в одном опросе, как это имело место в нашем эксперименте.

Общая длительность аудиозаписей – 6 ч. 25 мин.: 198,4 мин. подготовленной речи и 220 мин. спонтанной речи, объем информации – 429,5 Мб. В отборе, систематизации и аудиторском анализе полученных данных принимали участие 6 носителей идиша и немецкого языка, специалистов в области фонетики. Основная часть материала была собрана в 2012–2016 гг. на территории Германии. Обработка записей коммуникативных ситуаций осуществлялась с использованием программ компьютерной обработки звукового сигнала для Windows XP: MediaCoder 0.7.1.4433, Soni Sound Forge 8.0, Chrome Speech Recognizer, HTML5 Speech Recognition, а также программ автоматического распознавания речи для iPhone: Dragon Dictation, Dragon NaturallySpeaking, Dragon Go!, Dragon Mobile Assistant.

В ходе исследования было выявлено и проанализировано 15 фоностилистических переменных: 6 согласных, 7 гласных, 2 дифтонга. Всего в аудиозаписях было зафиксировано 17850 случаев возможного использования изученных реализаций, что в среднем соответствует 10–15 примерам социофонетических переменных в двух ситуациях общения в произношении каждого информанта.

Поэтапность исследования фоностилистической вариативности предполагает выбор методов в соответствии с конкретной задачей данного этапа [Конецкая 1997: 182]. Среди многочисленных приемов исследования такого сложного лингвистического (в том числе социолингвистического) явления, каким является идиш, необходимо выделить систему научно-исследовательских приемов, используемых для изучения его фоностилистической вариативности. В этой системе – методика наблюдения и описания, приемы анкетирования, интервью (опроса), методика статистического анализа, методика сопоставления, инструментальная методика, методика устного речевого эксперимента и др. Наряду с обычным наблюдением социолингвисты нередко применяют метод включенного

наблюдения. Этот способ изучения поведения людей заключается в том, что сам исследователь становится членом наблюдаемой им группы.

«Как при внешнем, так и при включенном наблюдении исследователь должен фиксировать наблюдаемый речевой материал. Фиксация может осуществляться двумя основными способами: вручную и инструментально» [Беликов 2001: 202], т. е. с применением инструментальной техники – главным образом магнитофона, диктофона и/или видеокамеры.

На этапе сбора фактического материала и его первичной систематизации используются методы опроса, анкетирования и интервьюирования. Целью социолингвистического опроса является получение данных о характеристиках информантов, определяющих их отнесенность к соответствующей социальной группе и о предпочтениях речевой нормативности, т. е. это – получение социально значимой информации и ее оценки, когда ответы интерпретирует сам исследователь [Конецкая 1997: 182, 183]. Методика структурированного интервью входит составной частью в так называемое спонтанное интервью. Спонтанный разговор является важным источником данных и позволяет получить представление о неофициальной речи говорящих. Для изучения речевого поведения информантов в ситуациях более официального общения используется чтение различных текстов.

Наиболее распространенным приемом опроса является анкетирование. При помощи этого приема исследователь получает конкретные факты использования языков индивидом или определенным социумом. Естественно, анкета отражает лишь точку зрения самого респондента, что ведет в определенной мере к субъективизму [Багироков 2004: 28].

В качестве независимых переменных в исследовании выступает коммуникативная сфера – сфера коммуникации на идише, лингвосоциальный статус – принадлежность к дискурсивным сообществам языка идиш, установка на подготовленную и спонтанную речь; в качестве зависимых – стилистическая вариативность фонетических переменных.

Исследование требует проведения эксперимента, в процессе которого создаются или изыскиваются условия, необходимые и достаточные для проявления и измерения фактов, интересующих экспериментатора в связи с целенаправленной проверкой уже сформулированной научной гипотезы. Социолингвистические эксперименты – это, как правило, контролируемые натурные эксперименты, которые «<...> представляют попытку получить относительно чистый эффект воздействия экспериментальной переменной» [Ядов 1972: 112].

Проведенные нами социолингвистические эксперименты были направлены на получение фоностилистических данных в различных коммуникативных контекстах:

а) во-первых, это подготовленная часть, которая содержит чтение заранее данного информанту отрывка на идише; отрывкам для чтения предпосылается эксплицитно или имплицитно выраженная установка, требующая от информанта повышенного внимания к их воспроизведению, т. е. намеренной формализации своей речи;

б) во-вторых, это спонтанная часть, которая содержит интервью в форме свободной беседы, направленной на выявление социолингвистических переменных, идентифицирующих разговорную речь идиш-немецких билингвов на идише.

Для получения эмпирических данных, установления зависимостей количественных и качественных показателей анализа и их содержательной интерпретации используется метод экспертных оценок [Конецкая 1997: 184]. Проведенный опрос специально отобранной группы экспертов-аудиторов позволил установить диапазон и распределение фоностилистических переменных, которые необходимы для оценки фоностилистической вариативности речи информантов на идише, интерферированной немецкой фонетикой. Эксперты отбирались по признакам их формального социолингвистического статуса, в данном случае – по критериям владения

языком идиш, а также информацией о функционировании идиша в Германии и других странах Европы.

Собранные данные были подвергнуты компьютерной обработке, которая применяется при массовых социолингвистических исследованиях. Затем следовали математико-статистическая оценка полученного материала и его содержательная интерпретация, с помощью которой выявлялась зависимость между использованием языка и определенными социальными характеристиками его носителей.

Инструментом решения проблемы, обусловленной интерференциальным влиянием фоностилистической вариативности идиша в подготовленной и спонтанной речи идиш-немецких билингвов, является система научно-исследовательских приемов, которая предусматривает весь комплекс действий, направленных на оперирование с языковым материалом. Научная достоверность, значимость и успех комплексного исследования конкретного типа фоностилистической вариативности зависят как от общих методологических позиций исследования, так и от выбранного научно-исследовательского метода, который определяется целями и задачами исследования. Наряду с этим при освещении теоретических проблем социолингвистики и социофонетики мы принимаем во внимание положения, изложенные в фундаментальных трудах по теории языковых контактов отечественных и зарубежных ученых-социолингвистов, работы по истории, этнографии, культурологии, лингвокультурологии, статистические материалы.

2.2. История миграции и формирования еврейской диаспоры на территории Европы и Германии и ее языки

Исследованиям о формировании еврейской диаспоры на территории Европы и Германии посвящены работы таких ученых, как С. М. Дубнов, Я. Кац, М. Ойербах, Х. Грец, М. Штайншнайдер и др. [Дубнов 2000; Кац 2002; Ойербах 1992; Graetz 2009; Steinschneider 2011]. В целом, еврейская диаспора – в том виде, в котором она сложилась к началу XX века, – подразделяется на

несколько ветвей, крупных и мелких. К крупным можно отнести следующие общины:

а) *ашкенази*, или *ашкеназы*, – говорившие и частично до сих пор говорящие на идише потомки германских евреев;

б) *сефарды* – потомки испанских и португальских евреев, которые жили в основном в странах Средиземноморья, Голландии и ее колониях;

в) *персидские евреи* (к этой группе примыкают бухарские и горские евреи), йеменские евреи.

Данные исторически сложившиеся общины имеют собственные регионально-этнические языки. В соответствии с поставленными целями и задачами нас интересует ашкеназская община и исторически характерный для нее язык идиш.

2.2.1. Ранний период эволюции еврейской диаспоры на территории Германии и особенности языковой коммуникации

В наше время многие из вторичных еврейских языков уже окончательно вышли из употребления, а другие относятся к категории вымирающих, или исчезающих, что произошло как в связи с исчезновением отдельных еврейских общин, так и в связи с современной ассимиляцией, выходом народа из еврейских гетто в миры иноязычных культур, стремительной экспансией западного образа жизни и внедрением в Израиле первично-еврейского – исторически материнского языка – иврита [Клейнер 2001].

О ранней истории ашкеназских евреев известно очень мало, и достоверно проследить их происхождение по историческим источникам не удастся [Кац 2002; Frank 2014; The YIVO Encyclopedia]. Традиционная теория происхождения ашкенази гласит о том, что, «<...> разрушив в 70 г. до н. э. Иерусалим, римский император Тит пленил многих иудеев и переселил их в разные страны, в частности в Рим. Эти изгнанники и дали начало еврейским общинам в Европе. Первыми евреями, осевшими в Европе еще в годы

существования древней Иудеи, оказались еврейские воины римских легионов. Появление первых еврейских поселений в районе Кельна отмечено в 321 г. н. э., а условным началом развития национальной культуры европейских евреев и их языка идиш считается 801 г., к которому относится найденное в документах упоминание о некоем Иццоке Абину из Ашкенази» [Клейнер 2001].

Наиболее ранние германо-еврейские общины возникли в IX-X веках на рейнских землях – там, где река Майн впадает в Рейн, и, возможно, в Баварии; это города Вормс, Шпеер, позднее – Франкфурт-на-Майне. Оттуда евреи, говорившие на одном из германских диалектов, распространились на восток – по Германии, Моравии, Венгрии, Польше. Начиная с X–XIII веков появляются упоминания о евреях в Германии и центральной Европе.

«<...> Идиш проник в Восточную Европу, включая территории современных Польши, Литвы, Украины, Белоруссии, Венгрии, с евреями, двигавшимися на восток из Германии, начиная со второй половины XIII века. Сталкиваясь со сравнительно немногочисленными местными евреями, они смешивались с ними и прививали им свой язык. Этому способствовало два фактора: многочисленность мигрантов и их сравнительно более высокий культурный уровень» [Клейнер 2001].

2.2.2. Теории возникновения языка идиш

Истоки развития любого языка скрываются в глубине веков, однако развитие идиша не могло начаться раньше создания еврейских гетто в Германии. «<...> Самый ранний этап развития идиша – X–XIV вв., когда евреи из Франции поселились в Германии, которая в течение этого периода становится одним из основных центров их проживания. В то время в раздробленной Германии с натуральным хозяйственным укладом, с несвязанными и разбросанными городами евреи были нужны – как важный объединяющий фактор – благодаря их торговой деятельности. Торговля способствовала развитию страны, появлению новых и нужных товаров, новых привозных технологий» [Вишневецкий 2014].

«<...> Вынужденное хорошее овладение евреями немецким языком привело в XI–XII вв. к тому, что на полях читаемых евреями религиозных, написанных на иврите, рукописей появляются переводы и толкования отдельных слов на немецком языке, но написанные буквами древнееврейского языка, причем эти слова пока не теряли своей немецкой формы. Отсюда появление в идише слова «тайч» (дословно – немецкий), с приобретением дополнительного значения ”толкование”. Ранние литературные произведения на идише с самого начала основывалась главным образом на Торе и ее комментариях, которые изучались всеми еврейскими мужчинами с детства, поскольку их знание является основой еврейской духовной традиции <...>» [Вишневецкий 2014].

Так начинает появляться новый еврейский язык – идиш, имевший с самого начала две характерные особенности: написание еврейским квадратным письмом текстов, базирующихся на немецкой языковой основе, и введением в эти тексты слов из древнего иврита в сочетании с немецкими словами.

Так в X в. начинает свое формирование идиш (в современной терминологии – старый, или древний, идиш; другие названия данного периода: альт-идиш, идиш-тайч). По утверждению М. Вайнрайха, «<...> около 1000 года появляются первые данные об использовании немецкого языка евреями» [Weinreich 1993: 27]. Примерно до 1500 г. его основные особенности состоят в следующем: «<...> следование образцу немецкого языка; соучастие в процессах, считающихся признаками перехода от средневерхненемецкого языка к нововверхненемецкому» [Weinreich 1993: 32].

Из староидишских источников сохранилось очень мало документов. Причиной этому послужили постоянные преследования евреев в Германии и Европе того времени. Все же эти ранние документы позволяют проследить, как шло становление и развитие идиша (древнееврейские XI–XIII вв. и староеврейские документы XIV–XVI вв. на идише представлены на сайте «Bibliotheca Augustana» [Bibliotheca Iiddica]).

Еврейское население, по данным середины XV века, в Германии, Австрии, Чехии и Венгрии вместе взятых не превышало 50 тысяч человек. В силу своей малочисленности и характера деятельности евреи селились в крупных городах, где имели постоянный контакт с немецким населением. Поэтому, владея первоначально ивритом и французским языком, они быстро освоили немецкий. Далее пошел процесс, повторяющийся многократно в еврейской истории: «<...> Говорящие начали сочетать в своей разговорной речи немецкий язык со словами, заимствованными из того языка, который всегда сопровождал их во все времена изгнания – древнего еврейского языка, прообраза современного иврита. Так было в тех странах, где длительное время существовала еврейская диаспора» [Вишневецкий 2014].

Язык немецких (ашкеназских) евреев складывался на протяжении более тысячи лет в ходе взаимодействия и синтеза трех языковых пластов: семитского (иврито-арамейского), германского (немецкого) и славянского (польского, белорусского, украинского и русского), а также в определенной мере романского. В германском языкознании принято считать, что идиш принадлежит к германской языковой группе индоевропейской языковой семьи [Берков 2001: 107].

Сходство с немецким языком длительное время служило для некоторых авторов поводом считать идиш его вариантом [Громан 2004]. Однако идиш и современный немецкий – это различные языки, которые связаны лишь общностью происхождения, общими предками в диалектах средневековой Германии. «<...> своеобразие идиша проявилось уже на раннем этапе его формирования, прежде всего в том, что в него вошло значительное количество древнееврейских и арамейских заимствований. Кроме того, идиш вобрал в себя много слов из романских языков, на которых евреи говорили до своего появления в Германии и, наконец, отличительные черты постепенно накапливались в самой немецкой основе идиша. С течением времени различия между идиш и средневерхненемецким становились все более заметными. Развиваясь собственным путем, идиш превращался в самостоятельный язык, в

то время как средневерхненемецкий, послуживший базой для развития грамматической и частично лексической структуры идиша, трансформировался в современный немецкий язык <...>» [Громан 2004].

После того как иврит «<...> перестал служить разговорным языком евреев, все региональные еврейские культуры в период с первых веков нашей эры до эпохи Просвещения и еврейской эмансипации XVIII–XIX вв. усвоили и одновременно адаптировали языки нееврейские. Это усвоение произошло по элементарным социально-экономическим причинам, ведь почти каждому еврею приходилось коммуницировать с нееврейским окружением. Вместе с тем они приспособили их для своих внутренних нужд, для обслуживания различных потребностей собственной иудейской культуры, тех потребностей, которые можно назвать “религиозными”, причем “религию” здесь нужно понимать не как одну из многочисленных сфер, но как систему, пронизывающую все сферы жизни, накладывающую на нее самый глубокий отпечаток. Эта адаптация выражалась, в частности, в том, что в новый язык стали вливаться элементы из того языка, которым данная еврейская культура прежде пользовалась в данном регионе (в идише это в первую очередь – еврейско-арамейские, а также романские элементы), а также, во-вторых, в том, что частично за счет лексикона, частично за счет психоостенсивных формул <...> постоянное выражение находили тесная связь с еврейскими ценностями и дистанцированность по отношению к понятиям нееврейским <...>» [Timm 2005: 29–30]. «Славянский же адстрат являет собой результат контакта ашкеназского идиома, принесенного его еврейскими носителями на славянские территории в качестве материнского, со славянскими языками» [Шишигин 2016: 20].

Однако у исследователей нет единого мнения о времени и месте формирования языка идиш. Основных теории две.

Рейнская теория, основоположником которой стал М. Вайнрайх, указывает на то, что язык идиш зародился более тысячи лет тому назад на небольшой территории, окружающей место впадения реки Майн в Рейн. Свою теорию автор излагает в фундаментальной двухтомной «Истории языка идиш»

[Вайнрайх 1973]. По мнению М. Вайнрайха, идиш, характеризующийся устойчивой комбинацией германских и семитских элементов с добавлением характерного для Восточной Европы живого славянского юмора, возник в западных областях Германии, где жил Гершон Бен-Иегуда (960–1028), которого он считает родоначальником ашкеназской еврейской цивилизации (ивр. *aschkenás* – 1. Средневековая Германия; 2. Ерей, говорящий на идише и являющийся выходцем из Германской области), представители которой стали первыми использовать германские диалекты в своей речи [Вайнрайх 1973: 51–54].

Дунайско-эльбская, или дунайская, теория гласит, что идиш возник не в Рейнской области, а в местностях вокруг рек Дуная и Эльбы. Основанием для данной теории является тот факт, что уже в XII в. в городе Ротенберге жили евреи, был там и еврейский квартал – самый древний в Германии (XI в.). В этом квартале жил раввин Иехуди Хасид (1150–1217), руководитель движения Хасиди Ашкеназ. К этой теории склонялся один из основоположников сионизма в Германии, Теодор Злоциски (1874–1973), поклонник новой литературы на идише. В 1910 г. он выпустил двухтомную антологию идишской литературы в переводе на немецкий язык [Gerzon 1902].

Именно Т. Злоциски вдохновил студента Гейдельбергского университета Якова Герцона написать диссертацию о языке идиш, которая была опубликована отдельной книгой в Кельне в 1902 г. под названием «Еврейско-немецкий язык» [Gerzon 1902]. Я. Герцон сделал вывод о происхождении идиша от восточно-центрального германского диалекта, носители которого жили по течению реки Эльбы [Gerzon 1902: 131].

Позднее два крупных идиш-диалектолога, И. Фишер и С. Бирнбаум, независимо друг от друга пришли к выводу, что идиш имеет сходство как с северо-восточными, так и с юго-восточными немецкими диалектами [Fisher 1973; Birnbaum 1979].

На Оксфордской научной конференции по проблемам языка идиш в 1979 году Р. Кинг на основании собранных данных утверждал, что на идиш не

оказал влияния ни один из западнонемецких диалектов [King 1993: 87, 88]. В 80-х и начале 90-х гг. Р. Кинг опубликовал ряд работ о семитских элементах в идише и их распространении среди ашкеназов и сделал вывод, что все диалекты идиша происходят из восточной части области Ашкеназа – территории, которую в XIII в. заселяли евреи [King 1993, 2001].

2.2.3. Образование восточного ареала языка идиш

Изгнанные из Германии и Австрии носители идиша мигрируют на восток и вступают в контакт со славянами и немногочисленными местными евреями, говорившими на славянских языках, – вначале в юго-восточной Германии и Чехии, а с XIV–XV вв. в Польше, Белоруссии и Литве.

«<...> Сохранение идиша уже после того, как евреи в большинстве своем покинули Германию и перебрались в Польшу, возможно, было связано с той ролью, которую играла Германия как страна, более развитая по сравнению с Польшей. К тому же, когда евреи в XIV–XV вв. начали прибывать в Польшу, в польских городах немецкий язык уже широко использовался: из-за наличия там немецких колонистов. Поэтому евреи, попадая в Польшу, чувствовали себя комфортно, благодаря владению языком идиш» [Вишневецкий 2014]. Также способствовали сохранению языка такие факторы, как:

- а) культурное наследие, которое евреи уже создали на идише;
- б) усиливавшаяся изоляция евреев из-за появления еврейских местечек и гетто на территории Польши и затем в других славянских странах;
- в) возросшая роль идиша как народного языка с появлением книгопечатания на нем во второй половине XVI в.

Если в XIII в. миграция немецких евреев впервые достигла славянских территорий, то с XVI в. они все больше оседали в Польше, Литве, Галиции, Подолии, Волыни и Белоруссии. Там образовывались еврейские кварталы-гетто и отдельные местечки. Под воздействием славянских языков со временем возникли новые еврейские территориальные диалекты, которые получили условно-территориальные названия «польский», «украинский» и «литовско-

белорусский». Если до середины XIII в. идиш-говорящее население было полностью окружено населением, говорящим по-немецки, то по мере распространения ареала на восток доля евреев, проживающих бок о бок с немцами, непрерывно уменьшалась.

В региональные диалекты идиша, а затем и в литературный язык из славянских языков проникают не только слова и корни, но и многочисленные словообразовательные элементы. Большой вклад в формирование и развитие литературного идиша внесли Менделе Мойхер-Сфорим (Шолом-Яков Абрамович, 1836–1917), Ицхок-Лейбуш Перец (1851–1915) и величайший еврейский писатель Шолом-Алейхем (Шолом-Яков Рабинович, 1859–1916).

В канун Второй мировой войны в мире проживало 16,3 миллионов евреев, из них 12 миллионов владели идишем, в том числе 11 миллионов считали его основным языком общения. Только в Европе идиш был языком повседневного общения для 7,1 миллиона человек, в Северной и Латинской Америке – для 3,2 миллиона еврейских эмигрантов [Громан 2004]. В первой трети XX в. новые ареалы распространения идиша возникли в Англии, Франции, Палестине, Южной Африке и Австралии. В период между двумя мировыми войнами в СССР, Литве, Латвии, Польше, Румынии, США и Аргентине существовала развитая сеть образовательных и культурных учреждений на идише. Преподавание велось в начальных и средних школах, гимназиях, педагогических и литературных техникумах, в институтах. В Белорусской ССР была создана сеть школ с преподаванием на идише: «в 1932–33 гг. их посещали 36 650 учащихся (55 % всех еврейских детей школьного возраста). Издавались несколько периодических изданий на идише. <...> В 1924 г. в Минском институте белорусской культуры было открыто еврейское отделение с филологическим, литературным и историческим секторами. При Белорусском университете существовал институт для учителей еврейских школ. В 1931 г. в 10 судах судопроизводство велось на идише. Некоторое время лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был начертан на гербе БССР на

идише, наряду с белорусским, польским и русским языками» [Электронная еврейская энциклопедия].

2.3. Формирование гибридного характера языка идиш

М. Вайнрайх ввел представление об идише как о фузионном, или гибридном, языке (fusion/hybrid language), включающем германскую (немецкую), древнееврейско-арамейскую, славянскую и романскую компоненты, которые именуют также пластами.

К. А. Шишигин указал, что гибридизацию «<...> следует понимать как взаимопроникновение языка-основы и языков-доноров через стадию языкового контакта, в ходе которого в языке-основе возникает адстрат, в результате чего формируется гибридный идиом и происходит его отделение от исходного и превращение в самостоятельный язык» [Шишигин 2015а: 33], также исследователь утверждал, что адстратный характер взаимодействия языков-доноров с языком-основой наиболее оптимально соответствует истории генезиса гибридных языков, поскольку гибридизация происходит именно ввиду того, что их носители – как этнически, так и в языковом плане – не ассимилируются с носителями исходного языка [Шишигин 2015а: 31].

Гибридные языки, как указывает К. А. Шишигин, представляют особую категорию контактных языков, которая отличается от других контактных и традиционных языков по шести основным критериям: «<...> а) они являются языками новыми, то есть начинают свое формирование во II тысячелетии н. э. (в отличие от традиционных языков, генезис которых начинается в I тысячелетии н. э. или задолго до нашей эры); б) гибридные языки развиваются постепенно (чем отличаются от смешанных, креольских и пиджинов), но являются собой не континуум (в отличие от традиционных), а дочернюю языковую традицию, производную от исходного идиома и осознаваемую носителями (как и в случае со смешанными и креольскими и пиджинами); в) носителем гибридного языка всегда является этнос, отличный от этноса носителей исходного языка (как в случае с креольскими и пиджинами и в

отличие от традиционных и смешанных языков); г) носители исходного языка не участвуют в «создании» гибридного языка (как и при генезисе смешанного языка, но в отличие от креольских и пиджинов); д) гибридные языки обладают полной функциональностью (как и традиционные, смешанные и креольские, но в отличие от пиджинов); е) гибридный язык может оказывать несистемное влияние на исходный язык и языки-доноры <...>» [Шишигин 2015б: 9].

Все регионально-этнические гибридные еврейские языки, сложившиеся в разных странах диаспоры независимо друг от друга, образованы по единой схеме: за основу взят язык местного населения, грамматика его несколько изменилась, добавилось некоторое (часто значительное) количество слов, взятых из иврита, и все это на письме изображается буквами еврейского алфавита, хотя в некоторые периоды или в некоторых случаях могла использоваться и латиница. «Наличие общей схемы образования еврейских языков вызвано, конечно, не какой-то договоренностью о том, как их создавать, а объективными условиями жизни частей народа в иноязычных средах при сохранении собственной религии (весьма императивной <...>) и основ национального уклада жизни. Эта общность в схеме образования языков в некоторой степени свидетельствует, вероятно, и о психологической близости разных частей еврейской диаспоры» [Клейнер 2001].

При исследовании и описании функционирования идиша в Германии следует, однако, учитывать три существенных фактора:

1) в своей речи носители идиша во всех странах мира, в том числе в Германии, как правило, не прибегают к общелитературному произносительному стандарту, а используют диалектные разновидности произношения, что свойственно многим языкам, в том числе немецкому; при этом характерной особенностью идиша является то, что диалектные различия на письме не отражаются, и поэтому одинаково написанное слово может читаться по-разному [Поповская 2017: 151];

2) идиш-говорящие евреи в настоящее время как минимум двуязычны, а те из них, которые проживают в Германии, являются *идиш-немецкими билингвами* [Поповская 2017: 151];

3) идиш, как отмечалось выше, – идиом гибридный: «<...> его основа – немецкий язык¹ (язык-основа), с которым на базе адстрата скрестились системные разноуровневые пласты семитских и славянских языков (языков-доноров) <...>» [Шишигин 2016: 132] (см. также: [Поповская 2017:151; Шишигин 2015в: 212; Weinreich 1993: 32]), кроме того, они являются генеалогически ближайшими родственниками.

Современная языковая ситуация контакта идиша с немецким и, таким образом, ситуация функционирования идиша в речи идиш-немецких билингвов характеризуется его отличием, в частности в фонетической сфере, от литературного стандарта: прежде всего ввиду того, что идиш идиш-немецких билингвов естественным образом испытывает значительное интерференциальное влияние со стороны немецкого языка.

2.4. Сопоставление фонетических систем немецкого языка и идиша

Немецкий фонемный инвентарь насчитывает 44 фонемы, которые представлены 19 гласными (в том числе 3 дифтонгами) и 25 согласными (в том числе 3 аффрикатами) (см.: [Бухаров 1995а; Бухаров 1995б; Зиндер 1941; Becker 1998; Becker 2012; Hall 2000]). Идишский (термин К. А. Шишигина [Шишигин 2015: 48]) фонемный инвентарь насчитывает 31 фонему, которая представлена 9 гласными (в том числе 3 дифтонгами) и 22 согласными (в том числе 3 аффрикатами) (см.: [Jacobs 2005; Kleine 2008; Weissberg 1988]).

В нижеследующих таблицах (2-1 и 2-2) немецкий и идишский вокализм и консонантизм представлены в сопоставлении, описание характеристик фонем в них базируется преимущественно на работах Т. Беккера, Л. В. Бондарко,

¹ Термин «немецкий язык» следует понимать как метаязыковую условность, т. е. не современный немецкий литературный язык, но «<...> средневерхненемецкий во всей его многоплановости» [Krogh 2011: 6], из которого произошли оба западногерманских языка – нововверхненемецкий и идиш [Beider 2013].

Л. Р. Зиндера, Р. К. Потаповой, А. Кляйне, Э. Фальковича (идиш) [Becker 1998; Becker 2012; Бондарко 1991; Зиндер 1941; Потапова 1991; Kleine 2008; Фалькович 1989].

Таблицы иллюстрируют, что:

1) в области вокализма:

а) почти вдвое меньшее количество гласных фонем (47,4 % от числа немецких) в идише обусловлено нерелевантностью признака «краткость – долгота» в стандартном (литературном) идишском произношении в отличие от стандартного немецкого, а также отсутствием фонем /ɛ:/, /e:/, /œ/ и /ø:/ (которым в словах немецкого пласта, как правило, соответствует /ɛ/), а также /ʏ/ и /y:/ (которым, как правило, соответствует /i/);

б) при равном количестве дифтонгов в обоих литературных языках их набор частично разный ввиду отсутствия в стандартном немецком произношении дифтонга /ɛ̃ɪ/, а в идише дифтонга /ãʊ/ (которому, как правило, соответствует /ɔ̃ɪ/или /ɛ̃ɪ/);

2) в области консонантизма:

в) инвентарь немецких согласных несколько больше, чем идишских (88,0 % от числа немецких), ввиду отсутствия в идише фонемы /ç/ (которой всегда, как в южнонемецких диалектах, в словах немецкого пласта соответствует /x/), /ŋ/ (которой всегда в словах немецкого пласта соответствуют звукосочетания /ng/ и /nk/) и /ʔ/ – подобно швейцарскому немецкому;

г) при этом в идише имеется, в отличие от немецкого, аффриката /d͡z/ (в словах славянского пласта и в ауслауте на месте немецких /s/ и /z/), а аффриката /t͡ʃ/ (на месте немецкого /ʃ/ в ауслауте) и фонемы /x/ и /s/ (в том числе в анлауте в словах семитского и славянского пластов) используются шире, чем в немецком.

Таблица 2-1. Немецкий и идишский вокализм в сопоставлении

Фонема	Немецкий вокализм Характеристика (пример /фонетическая транскрипция/)	Идишский вокализм Характеристика (пример /фонематическая транскрипция/)
1	2	3

Гласные		
/a/	задне-среднего ряда нижнего подъема (<i>Kamm</i> /'kam/) краткий	среднего ряда нижнего подъема (מאמַע /'mamə/) 0
/a:/	заднего/среднего ряда нижнего подъема (<i>kam</i> /'ka:m) долгий	---
/ɛ/	палатальный переднего ряда среднего подъема (<i>Stelle</i> /'stɛlə/) краткий	פּעל /'ɛpl/) 0
/ɛ:/	палатальный переднего ряда среднего подъема (<i>Käse</i> /'kɛ:zə/) долгий	---
/e:/	палатальный переднего ряда среднего подъема (<i>stehlen</i> /'ste:lən/) долгий	---
/ə/	переднего ряда среднего подъема шва (редуцированный) (<i>Frage</i> /'fra:gə/)	פּראַגע /'fragə /)
/ɪ/	палатальный переднего ряда верхнего подъема (<i>Kind</i> /'kɪnt /) краткий	קינד /'kɪnd/) 0

1	2	3
/i:/	палатальный переднего ряда верхнего подъема (<i>Miete</i> /'mi:t ə/) долгий	---
/ɔ/	лабиальный заднего ряда среднего подъема (<i>offen</i> /'ɔfən/) Краткий	אָרעם /'ɔrəm/) 0
/o:/	лабиальный заднего ряда среднего подъема (<i>Ofen</i> /'o:fən/) Долгий	---
/œ/	лабио-палатальный переднего ряда среднего подъема (<i>Hölle</i> /'hœlə/) краткий	---

/ø:/	лабио-палатальный переднего ряда среднего подъема (<i>Höhle</i> /'hø:lə/) долгий	---
/ʊ/	лабиальный заднего ряда верхнего подъема (<i>Mutter</i> /'mʊtər/) Краткий	(מוטער /'mʊtər/) 0
/u:/	лабиальный заднего ряда верхнего подъема (<i>Kuh</i> /'ku:/) долгий	---
/ʏ/	лабио-палатальный переднего ряда верхнего подъема (<i>müssen</i> /'mʏsən/) краткий	---
/y:/	лабио-палатальный переднего ряда верхнего подъема (<i>Kühe</i> /'ky:ə/) долгий	---
/aʊ/	начинается с /a/ и переходит в редуцированный /ʊ/ с округлением губ (<i>Haus</i> /'haʊs/)	---

Дифтонги

/ai/	начинается с /a/ и переходит в редуцированный /i/ (<i>nein</i> /'naɪn/) (ניין /'naɪn/)
/ɔɪ/	начинается с /ɔ/ и переходит в редуцированный /i/ (<i>Eule</i> /'ɔɪlə/) (הויז /'hɔɪz/)
/ɛɪ/	---
	начинается с /ɛ/ и переходит в редуцированный /i/ (ניין /'nɛɪn/)

Пояснения к таблице: «---» – отсутствие фонемы; «0» – нерелевантность признака; подчеркивание – релевантное отличие между немецким языком и идишем

Таблица 2-2. Немецкий и идишский консонантизм в сопоставлении

Фонема	Немецкий консонантизм Характеристика (пример /фонетическая транскрипция/)	Идишский консонантизм Характеристика (пример /фонематическая транскрипция/)
1	2	3
Согласные		
/b/	звонкий лабио-лабиальный окклюзивно-фрикативный <u>оглушаемый</u> (<i>Biene</i> /'bi:nə/, <i>Korb</i> /'kɔrp/)	<u>неоглушаемый</u> (בײן /'bɪn/, אויב /'ɔɪb/)
/p/	глухой лабио-лабиальный окклюзивно-фрикативный (<i>Pate</i> /'pa:tə/)	(עפל /'ɛpl/)
/d/	звонкий <u>альвеолярный</u> окклюзивно-фрикативный	звонкий <u>дентальный</u> окклюзивно-фрикативный

	<u>оглушаемый</u> (<i>dort</i> /'dɔrt/, <i>Freund</i> /'frɔ̃nt/)	<u>неоглушаемый</u> (דאָרטן /'dɔrtn/, פֿרײַנד /'frãnd/)
/t/	глухой альвеолярный окклюзивно-фрикативный (<i>dort</i> /'dɔrt/)	глухой <u>дентальный</u> окклюзивно- фрикативный (האַנט /'hant/)
/v/	звонкий лабио-дентальный фрикативный <u>оглушаемый</u> (релевантно только для <u>займствований и иностранных</u> <u>слов</u>) (<i>Winter</i> /'vɪntər/, <i>aktiv</i> / ² ak'ti:f/)	<u>неоглушаемый</u> 0 (ווינטער /'vɪntər/, אַקטיוו /ak'tiv/)
/f/	глухой лабио-дентальный фрикативный (<i>Freund</i> /'frɔ̃nt/)	פֿרײַנד /'frãnd/
/g/	звонкий велярный окклюзивно-фрикативный <u>оглушаемый</u> (<i>Gang</i> /'gɑŋ/, <i>trug</i> /'tru:k/)	<u>неоглушаемый</u> (גאַנג /'gɑŋ/)
/k/	глухой велярный окклюзивно-фрикативный (<i>Katze</i> /'katsə/)	קאַץ /'kats/
/h/	глухой глоттальный фрикативный (<i>Hand</i> /'hant/)	האַנט /'hant/
/j/	звонкий палатальный фрикативный (<i>jung</i> /'jʊŋ/)	יונג /'jʊŋ/
/ç/	глухой палатальный фрикативный (<i>ich</i> / ² ɪç/)	---
/l/	звонкий альвеолярный латерально-сонорный <i>Lampe</i> /'lampə/	звонкий <u>дентальный</u> латерально- сонорный (לאַמפּ /'lɑmp/)

1	2	3
/m/	звонкий лабио-лабиальный назально-сонорный (<i>Mutter</i> /'mʊtər/)	звонкий <u>дентальный</u> назально-сонорный (מוטער /'mʊtər/)
/n/	звонкий <u>альвеолярный</u> назально-сонорный (<i>Name</i> /'na:mə/)	звонкий <u>дентальный</u> назально-сонорный (נאָמען /'nɑmən/)
/ŋ/	звонкий <u>велярный</u> назально-сонорный (<i>Gang</i> /'gaŋ/)	---
/r/	звонкие аллофоны: альвеолярный вибрант [r] / увулярный вибрант [ʀ] / увулярный ффрикатив [ʁ] вокализация в [ɐ] (<i>rot</i> /'ro:t/, <i>Winter</i> /'vɪntɐ/)	0 (רויט /'rɔɪt/, ווינטער /'vɪntər/)
/x/	глухой увулярный ффрикативный кроме анлаута (<i>lachen</i> ['laxən], <i>Buch</i> /'bu:x/)	в том числе в анлауте (לאַכן /'laxn/, בוך /'bʊx/, בחירה /'pxɪrə/), כיטרע /'xɪtrə/)
/z/	звонкий альвеолярный ффрикативный <u>оглушаемый</u> (релевантно только для заимствований и иностранных слов) (<i>sechs</i> /'zɛks/, <i>Jazz</i> /'dʒɛs/)	<u>неоглушаемый</u> 0 (זעקס /'zɛks/), נאָז /'nɑz/)
/s/	глухой альвеолярный ффрикативный кроме анлаута (<i>Straße</i> /'strɑ:sə/, <i>Last</i> /'last/)	в том числе в анлауте (גאַס /'gas/, שׁוּנאַ /'sɔjnə/)
/ʒ/	звонкий альвео-палатальный ффрикативный только в заимствованиях и иностранных словах <u>оглушаемый</u> (<i>Genie</i> /ʒe:'ni:/, <i>beige</i> /'be:ʒə/ и /'be:f/)	0 <u>неоглушаемый</u> (זשאַבע /'ʒabə/, גאַראַזש /ga'raʒ/)
/ʃ/	глухой альвео-палатальный ффрикативный (<i>Schule</i> /'ʃu:lə/)	(שול /'ʃʊl/)
/ʔ/	глухой глоттальный смычно-взрывной (гортанная смычка – на письме не обозначается) (<i>Eule</i> /'ʔɔɪlə/, <i>beachten</i> /bə'ʔaxtən/)	---

1	2	3
Аффрикаты		
/tʃ/	глухая переднеязычная окклюзивно-фрикативная (<i>Deutsch</i> /'dɔ̃ʏtʃ/)	окклюзивно-фрикативная (<i>משנת</i> /'mentʃ/)
/ts/	глухая переднеязычная окклюзивно-фрикативная (<i>Katze</i> /'katsə/)	окклюзивно-фрикативная (<i>קצק</i> /'kats/)
/dʒ/	---	звонкая переднеязычная окклюзивно-фрикативная (<i>גנדר</i> /'ʊdʒər/, <i>גנדר</i> /'gandʒ/)
/pf/	глухая лабиальная окклюзивно-фрикативная <i>Apfel</i> /'²apfəl/	---

Пояснения к таблице: «---» – отсутствие фонемы; «0» – нерелевантность признака»

подчеркивание – релевантное отличие между немецким языком и идишем; «оглушаемый/неоглушаемый» – согласный оглушается/не оглушается в конце слова или слога.

Необходимо также отметить, что, в отличие от немецкого языка, системы фонематической и фонетической транскрипции для идиша (при наличии общепринятой практической транскрипции ИВО) не разработано, в связи с чем мы исходили из системы фонематической и фонетической записи немецких звуков (см. Приложение II).

По словам Й. Вайсберга, согласные в немецком и в идише в основном совпадают, используются и реализуются в аналогичных позициях, исключение составляет конечный звонкий звук, который в идишском стандартном произношении не оглушается [Weissberg 1988: 336]. Их дистрибуция различна, так, например:

а) согласный [n] после [b] и [p] ассимилируется по месту артикуляции в [m]. За счет слов иврито-арамейского и славянского происхождения в идиш проникли многочисленные начальные сочетания согласных, несвойственные немецкому языку, например, [bd], [px]; *идишский*

б) если «<...> протоидиш и немецкие диалекты обнаруживают четкое различие фонем /s/ и /z/ в позиции начала слова <...> [M. Weinreich 1954: 76] <...> [to] эта оппозиция (в современном ид.) проявляется в словах семитских, романских, славянских и интернационализмах, например: ид.

sojnə 'враг' – *zojnə* 'проститутка' (< сем.); *sok* 'сок' (< слав.) – *zok* 'носок' (< герм.). В истории же немецкого языка начальное /s/ развилось <...> либо в /z/ в позиции /_глас., либо в /š/ в позиции /_согл., например: свн. *sagen* 'сказать', *slâfen* 'спать', *sterben* 'умирать' > нем. *sagen* [z], *schlafen*, *sterben* [š]. Единственное исключение в идише, где в немецком компоненте обнаруживается [немецкая] оппозиция: *šlofn* ['спать'], *štarbn* ['умирать'], *zogn* ['сказать'] <...> это, однако, – случайные, несистемные элементы, поскольку протоид. система различает /s/-/z/-/š/ в начале слова и перед гл., и перед согл. <...>» [Jacobs 2005: 17].

В целом, сопоставляя исторически сложившуюся фонетическую систему идиша с фонетической системой немецкого языка, очевидно, что многие фонемы имеют целый ряд сходных признаков, но отличия, которые, по мнению У. Вайнрайха, существуют на субфонемном уровне, не позволяют полностью отождествить ни одну фонему вторичной системы с какой-либо фонемой первичной системы: «То, что двуязычный индивид, отождествляя фонемы двух разных языков, реализует их одинаково, с точки зрения экономии является полностью естественным: ведь использование в обоих языках тех же произносимых навыков значительно облегчает его лингвистический груз» [Weinreich 1953: 14].

Таким образом, между большинством элементов фонетических систем идиша и немецкого языка сложились диафонные отношения, и, как будет показано в главе 3, значительное количество выявленных диафонов содержит в себе ряд социально маркированных аллофонов, частота использования которых варьируется в зависимости от социальных (демографических) факторов и параметров коммуникативной ситуации.

2.5. Социолингвистическая идентификация языка идиш

В Германии до 1933 г., т. е. до прихода национал-социалистов к власти, проживало около 550 тысяч евреев, и 90 % из них были идиш-немецкими билингвами, т. е. в равной степени владели и регулярно пользовались обоими

языками [Полян 1995]. Лишь примерно двум третям из них, благодаря своевременной эмиграции, удалось спастись. После войны в лагерях для перемещенных лиц на территории бывшего Третьего рейха собралось около 200 тысяч евреев из всех стран Европы. В этих лагерях, помимо религиозных общин, создавались так называемые Комитеты освобожденных евреев, занимавшиеся главным образом подготовкой эмиграции в Палестину или США. Те же, кто по тем или иным причинам предпочли остаться, уже в 1945 г. занялись восстановлением общин в самой Германии. При этом лишь малую их часть составляли собственно немецкие евреи, чудом уцелевшие или решившиеся вернуться обратно. Большинство из них были пережившие Холокост выходцы из ортодоксальных общин Польши, Румынии и других восточноевропейских стран. Массовый исход евреев из Германии, ускорившийся после создания в 1948 г. государства Израиль, фактически завершился к 1952 г. [Стрелец 2014]. Осталась только маленькая группа, около 12 тысяч евреев, которые не могли эмигрировать по причине преклонного возраста или по состоянию здоровья либо рассчитывали начать новую жизнь в Германии [Bubis 1999: 77]. Тем самым продолжавшийся девять столетий период традиционного идиш-немецкого билингвизма завершился.

Небольшие волны еврейских эмигрантов, в основном из стран Восточной Европы, наблюдались и позже – как правило, вскоре после политических катаклизмов, как то: события в Венгрии 1956 г., Чехословакии 1968 г., Польше 1968 г. и 1980–1983 гг. Кроме того, отмечался, хотя и незначительный, реэмиграционный приток из Израиля, США и других стран.

В функциональной типологии языков современный идиш представляет собой разновидность этноязыка с социальными функциями, направленными на возрождение и развитие культурных ценностей, накопленных в утраченных ареалах исторически складывавшихся территорий компактного проживания еврейских общин. Сегодня идиш существует как язык бытового общения и в ряде случаев как язык преподавания, например, в

ультрарелигиозных общинах Нью-Йорка и Израиля, и в виде социолектных островов – в Германии и везде, где складывается дискурсивное сообщество, представители которого ставят своей целью укрепление этнической и национально-культурной идентификации.

2.5.1. Идиш и контингентные беженцы в современной Германии

«Как по числу говорящих, так и по объему оригинальной литературы идиш в течение длительного времени занимал первое место среди еврейских языков. Число говорящих на идише, до начала Второй мировой войны оценивавшееся в 11 миллионов, резко уменьшилось в результате Катастрофы, а также массового перехода евреев к другим языкам, преобладающим в их окружении» [Электронная еврейская энциклопедия]. После холокоста этот переход в большинстве случаев совершался добровольно. Исключение составлял СССР, где смена идиша на языки окружающего населения (в основном на русский и в значительно меньшей мере – на украинский), начавшаяся также добровольно, была ускорена официальными мерами, которые приняли во второй половине 40-х гг. репрессивный характер, выразившийся, в частности, в закрытии еврейских образовательных и культурных учреждений, ликвидации идишской литературы, прессы и театра. Тем не менее еще в 1961 г. идиш имел до 75 % носителей в качестве первого или второго родного языка [Белл 1980: 220]. И до сих пор, несмотря на то, что «общее число говорящих на идише в настоящее время может быть оценено не более чем в два миллиона человек <...> среди ашкеназских евреев разных стран мира широко распространено знание идиша как второго языка» [Электронная еврейская энциклопедия].

Что касается Западной Германии, то в 1955 г. в еврейских общинах ФРГ числилось всего лишь 15 920 человек. В 50–80-х гг. их число пусть медленно, но росло, достигнув в 1989 г. 27 711 человек [Zentralrat der Juden in Deutschland]. Численность евреев в Германии начала расти с конца 1989 г. После отставки прежнего руководства ГДР, отрицавшего ответственность

восточногерманского государства за понесенные евреями потери во время Второй мировой войны, председатель вновь избранной Народной палаты ГДР С. Бергман-Поль 12 апреля 1990 г. заявила: «Мы выступаем за предоставление в ГДР убежища преследовавшимся евреям» (цит. по: [Jüdische Kontingentenflüchtlinge]).

«После принятия Постоянной конференцией министров и сенаторов внутренних дел <...> решения от 9 января 1991 г. по “Закону о мерах по принятию беженцев в рамках оказания гуманитарной помощи” <...> статус контингентных беженцев, а также разрешение на постоянное пребывание в объединенной Германии на правовых основаниях смогли получить евреи из Советского Союза <...>» [Jüdische Kontingentenflüchtlinge]. После вхождения ГДР в состав Федеративной Республики Германии этот закон имел силу вплоть до принятия нового закона об иммиграции от 1 января 2005 г.

По данным Федерального ведомства ФРГ по делам мигрантов и беженцев, в период с 1990 г. по 2012 г. в страну иммигрировало 214 209 «контингентных беженцев», однако часть из них затем отправилась дальше – в США или в Израиль [Jüdische Kontingentenflüchtlinge]. Контингентными беженцами именуется преимущественно лица еврейской национальности – граждане бывшего СССР и постсоветских государств и члены их семей, которые переселялись в Германию, где их «контингентами» (т. е. группами) равномерно расселяли по территории страны (так называемое «предварительное расселение»). Так в ФРГ на постоянное местожительство прибыло примерно 220 тысяч евреев. Для того чтобы попасть в эту категорию, необходимо было быть евреем или иметь хотя бы одного родителя-еврея.

Статистические данные о том, владеет ли кто-либо из этих переселенцев языком идиш, однако, отсутствуют. Более того, если они и могут рассматриваться как билингвы, то их билингвизм – русско-немецкий. При этом только 2 % от их общего числа свободно владеют немецким языком [Mills 2000].

Значительная часть контингентных беженцев не идентифицирует себя с еврейским сообществом ФРГ. Это подтверждается статистическими данными С. Делла-Перголы – известного исследователя еврейской демографии, который установил, что в Германии в 2000–2012 гг. проживали 119 тысяч евреев. Как известно, еврейские общины, входящие в Центральный совет евреев в Германии, насчитывают 106 тысяч человек. Таким образом, из данных С. Делла-Перголы следует, что 13 тысяч евреев Германии не состоят в еврейских общинах либо являются членами общин, не входящих в Центральный совет. Сегодня ФРГ занимает восьмое место в мире по количеству еврейского населения [Della Pergola 2012: 49].

Еще раз подчеркнем, что нам не удалось найти официально подтвержденную информацию о том, является ли кто-либо из представителей еврейского сообщества ФРГ из числа контингентных беженцев идиш-немецким билингом. В связи с этим мы предприняли попытку найти ответы на эти вопросы, используя приемы анализа социальных сетей. Мы обратились к Н. Ю. Брайнину, бывшему жителю г. Симферополя, эмигрировавшему с семьей в Германию в 2001 г. и ныне проживающему в г. Дюссельдорфе.

Браинин Н. Ю. 1947 года рождения, знает идиш с детства (от матери), известный коллекционер-филокартист, имеющий постоянные контакты с десятками коллег в Германии, которые также являются иммигрантами из стран СНГ. По электронной почте ему была отправлена следующая анкета:

Ваши ответы на вопросы анкеты помогут сделать анализ использования языка идиш среди наших соотечественников, переехавших в Германию. По возможности перешлите эту анкету Вашим друзьям и знакомым, которым не безразлична судьба этого языка. Пожалуйста, укажите Ваш возраст и количество членов семьи. Когда Вы переехали в Германию?

1. Владеете ли Вы разговорным языком идиш? Да/нет.

2. Имеете ли Вы возможность говорить на идише в Германии? Да/нет/редко.

3. Говорите ли Вы на идише в семье? Да/нет/редко.

4. Кто из Вашей семьи владеет разговорным языком идиш? Пожалуйста, укажите степень родства и возраст.

5. Владеете ли Вы разговорным немецким языком? Да/нет.

6. Кто из Вашей семьи владеет разговорным немецким языком? Пожалуйста, укажите степень родства и возраст.

Спасибо.

Н. Ю. Брайнин отправил данную анкету 18 информантам, каждый из которых, в свою очередь, переслал ее по 2–7 адресам. В результате в опросе приняли участие около 90 информантов в возрасте от 65 до 87 лет, давших сведения о 400–450 членах своих семей.

Информанты переехали в Германию в период 1991–2005 гг. Разговорным языком идиш владеют свободно менее половины непосредственных респондентов. Они либо не имеют возможности говорить на идише, либо изредка общаются, встречаясь со знакомыми пожилого возраста. В семье общаются только по-русски, и никто другой из членов семьи не владеет разговорным идишем.

Немецкий язык они не усвоили, знают только отдельные бытовые слова и выражения. В их семьях свободно владеют немецким языком молодые люди – школьники, студенты и специалисты, получившие образование в Германии. Члены семей, относящиеся к среднему поколению, владеют бытовым немецким языком. Полученная нами личная информация подтверждается многими исследователями жизни еврейских общин Германии послевоенного периода [Стрелец; Brenner 1999; Bubis 1999; Burgauer 1993; Herzig 1997; Kessler 1995; Meining 2002].

2.5.2. Особенности идишского произношения: диалектные различия на рубеже XIX-XX вв.

В последней четверти XX в. на смену поколению, которое по тем или иным причинам было вынуждено отказаться от идиша или ограничить пользование им, приходит поколение, представители которого поставили себе целью возродить язык европейской еврейской – ашкеназской – диаспоры, существовавший в течение многих столетий.

Типичным примером является Нина Варнке, которая родилась в Дюссельдорфе, выросла в Штутгарте, по программе обмена студентов Боннского университета приехала в США и там открыла для себя идиш, изучая историю еврейского театра в одном из колледжей Массачусетса. Она осваивала идиш в Бонне и Оксфорде, а затем вернулась в США, чтобы писать докторскую диссертацию в Колумбийском университете Нью-Йорка о еврейском театре рубежа XIX–XX вв.

По словам Н. Варнке, во всем мире около 700 тысяч человек говорит на идише. Большинство это члены ультраортодоксальных иудейских общин, интересы которых отличаются от интересов университетских преподавателей и студентов, обращающихся к идишу, чтобы познакомиться с ашкеназской культурой, глубже понять историю своего народа и своей семьи [Mills 2000].

Идиш, на котором говорят в настоящее время, происходит от региональных диалектов восточного варианта языка. Как западный вариант, так и восточный испытали гибридизацию немецкого языка-основы семитскими – ивритом и еврейско-арамейским – языками-донорами. При этом «славянское влияние коснулось только восточной группы диалектов идиша (поэтому в ряде работ используется термин “восточный идиш”»)» [Шишигин 2015а: 42]; западная же группа диалектов, так называемый западный идиш, «расцвет литературы которого пришелся на позднее средневековье и начало Нового времени, потерял функцию важнейшего

средства общения ашкеназских евреев в течение XIX века, в то время как восточноидишские диалекты именно в этот период и вплоть до второй мировой войны испытали бурный рост прессы и литературы» [Aptroot 2002: 22].

Восточный идиш исторически подразделяется на три диалекта:

1) литовский, или северо-восточный/литовско-белорусский: исторически восходит к говорам территорий современных Литвы, Латвии, Белоруссии и северо-восточной Польши (litvish; его носители были известны как litvakes 'литваки');

2) украинский, или юго-восточный: исторически восходит к говорам территорий современных Украины, Молдавии и Румынии;

3) польский, или средне-восточный: исторически восходит к говорам территорий современной Польши и других стран Центральной Европы.

«Названия эти весьма условны, т. к. границы диалектов не совпадают с границами соответствующих территорий» [Фалькович 1989: 714] и места компактного расселения идишговорящих евреев после Холокоста в основном перестали существовать.

Диалекты идиша значительно отличаются друг от друга, прежде всего в области вокализма, что представлено в таблице 2-3, которая составлена по данным А. Кляйне и Э. Фальковича, [Kleine 2008: 9; Фалькович 1989: 714].

Таблица 2-3. Основные отличия диалектов идиша в области вокализма и консонантизма

Слово	Произношение			
	стандартное	диалектное		
		литовский	украинский	польский
1	2	3	4	5
Монофтонги				
טונג 'гость'	['gast]	['gast]	['gast] / ['gost]	['ga:st]
זאגן 'сказать'	['zogn]	['zogn]	['zugn]	['zu:gn]
זון 'солнце;	['zun]	['zun]	['zm]	['zm]

	сын'				'солнце'; [ˈzi:n] 'сын'
קעז	'сыр'	[ˈkɛz]	[ˈkɛz]	[ˈkɛɪz]	[ˈkɛɪz]
Дифтонги					
איין	один	[ˈɛɪn]	[ˈɛɪn]	[ˈɛɪn]	[ˈaɪn]
זיין	'быть'	[ˈzɑɪn]	[ˈzɑɪn]	[ˈzɑɪn] / [ˈzɑn]	[ˈzɑ:n]
בױך	'живот'	[ˈbɔɪx]	[ˈbɔɪx] / [ˈbʊɪx] / [ˈbʊɔx]	[ˈbʊx] / [ˈbʊɪx] / [ˈbɔɪx]	[ˈbo:x] / [ˈbʊɔx]
Согласные					
פיש	'рыба'	[ˈfɪʃ]	[ˈfɪʃ] / [ˈfis]	[ˈfɪʃ]	[ˈfɪʃ]
האַנט	'рука'	[ˈhant]	[ˈhant]	[ˈhant] / [ˈant]	[ˈant]

Как видно из таблицы:

а) фонетические различия между диалектами идиша проявляются в основном в области вокализма;

б) только в польском диалекте сохранились фонематическая и смысловоразличительная оппозиции гласных по долготе–краткости;

в) стандартное произношение гласных и согласных базируется в основном на фонетике литовского диалекта, тогда как особенности украинского и польского диалектов сохранили субстандартный характер.

В конце XIX в. значительно усилился процесс сглаживания диалектных различий и сближения территориальных вариантов с литературным языком. В это время складывается литературный, стандартный идиш, на котором писали еврейские классики. Литературный стандарт соединил грамматику украинского (юго-восточного) и произношение литовского (северо-восточного) идиша. Именно этот вариант используется в современных публикациях и практике преподавания языка [Фалькович 1989: 715].

С конца 1980-х гг. в СМИ все чаще появляется информация об открытии курсов языка идиш, о семинарах и конференциях, о работе

специальных кафедр в университетах разных стран. На сегодня основная масса носителей идиша проживает, главным образом, в США и Израиле, а также в Бельгии, Германии, Франции, Великобритании и некоторых других странах. В каждой из стран идиш обладает своими социолингвистическими особенностями.

2.6. Современный социолект языка идиш и дискурсивные сообщества идиш-немецких билингвов в Германии

Современная языковая ситуация контакта идиша с близкородственным немецким (средневерхненемецкий этап развития которого послужил идишу исходным языком и языком-основой), и, таким образом, ситуация функционирования идиша в речи идиш-немецких билингвов характеризуется его отличием, в частности в фонетической сфере, от литературного стандарта – прежде всего ввиду интерференциального влияния немецкого языка.

Форму существования идиша, используемую идиш-немецкими билингвами в Германии – при этом гетерогенно, в зависимости от коммуникативной ситуации, – следует определить как социолект. Понятие «социолект» включает в себя «<...> систему речевых средств какой-либо более или менее широкой группы людей. Эти речевые средства детерминированы рядом факторов, имеющих не только социальный, но и биологический и психологический характер: место рождения, специальность, уровень образования, возраст, пол, темперамент и т. д.» [Ерофеева 2010: 21].

Взаимосвязанными факторами-признаками социально-речевой общности носителей социолекта языка идиш в Германии являются:

- 1) социальный фактор: место рождения и/или постоянного проживания – Германия;
- 2) лингвистические факторы:
 - а) языковой – идиш-немецкий билингвизм;

б) речевой – немецкое интерференциальное влияние на функционирование идиша в речи.

Типологические факторы, определяющие функциональный тип социолектов дискурсивных сообществ:

1. *Субъект коммуникации* – дискурсивное сообщество, демонстрирующее приверженность культурным ценностям.

2. *Демографическая мощьность* – статистически релевантное количество представителей данной этнической общности, которые владеют языком в достаточной мере для свободного общения.

3. *Функциональная мощьность* – использование языка как основного инструмента общения в определенных сферах социального взаимодействия.

4. *Исключение из функционирования в доминантных сферах* коммуникации государственных и административно-политических образований.

5. *Ареал функционирования* – от отдельных этнических островков до стихийно сложившихся автономных анклавов.

6. *Тенденции функционирования* – расширение или сужение функций, связанных с направлениями социокультурного взаимодействия дискурсивных сообществ.

Социолект языка идиш, функционирование которого мы рассматриваем на материале интерферированного немецкой фонетикой вокализма и консонантизма в речи идиш-немецких билингвов, однако, негомогенен, и это объясняется следующим.

1. С одной стороны, его носителями являются представители ортодоксальных иудейских общин. В этих общинах сохраняются традиции использования трех языков: а) иврита как языка Торы и религиозной практики, б) идиша как языка семейного и бытового общения и в) языка страны проживания – в анализируемом случае немецкого – для общения за пределами ортодоксальных общин. Что касается фонетических

характеристик, то представители общин используют, как правило, юго-восточное, или украинское, произношение.

2. С другой стороны, носителями социолекта языка идиш являются далекие от традиционного иудаизма светские образованные люди, связанные с университетскими кафедрами, культурными и общественными организациями, театром и литературой. Это – социокультурные и образовательные сообщества, объединенные идеями лингвокультурного возрождения языка. Для них идиш – инструмент коммуникации внутри своих сообществ, за пределами которых они общаются на языке страны проживания, в анализируемом случае – немецком. Что касается фонетических характеристик, то представители социокультурных и образовательных сообществ используют как диалектное, так и все чаще близкое к северо-восточному, или литовскому, стандартному литературному произношению [Kleine 2008: 12].

Носителей социолекта языка идиш, используемого представителями религиозных общин и социокультурных сообществ в Германии и характеризуемого, в частности, немецкой интерференцией, можно, таким образом, подразделить как минимум на два дискурсивных сообщества.

Дискурсивное сообщество представляет собой группу людей, характеризующихся общими деятельностными нормами и объединяемых тем, что они сообща владеют определенным количеством типов или жанров дискурса, при помощи которых осуществляют коммуникацию. Их дискурс отражает общие коммуникативные особенности данного дискурсивного сообщества, особые условия коммуникации его конкретных участников [Swales 1990: 58].

Оба дискурсивных сообщества значительно различаются по факторам, формирующим коммуникативный процесс, что представлено на основе результатов проведенного нами исследования в таблице 2-4.

С учетом тех обстоятельств, что религиозные дискурсивные сообщества в значительной мере закрыты для посторонних наблюдателей и

их члены в основном не участвуют в социальном взаимодействии на идише за пределами своих сообществ, привлечение их в качестве информантов в нашем исследовании представлялось достаточно проблематичным. Однако при более близком знакомстве удалось выяснить, что в этой среде есть молодые люди, которые приехали в Германию в раннем возрасте или родились и постоянно проживают в стране. Практически все они владеют и пользуются четырьмя языками: а) идишем – в бытовом общении; б) ивритом – в религиозном образовании и религиозной практике; в) немецким – в Германии за пределами своих сообществ и г) английским – в зарубежных поездках.

Таблица 2-4. Сопоставление составляющих коммуникативного процесса дискурсивных сообществ пользователей социолекта языка идиш в XXI в.

Составляющие коммуникативного процесса	Тип дискурсивного сообщества	
Субъект коммуникации	Светские дискурсивные сообщества	Ортодоксальное этническое дискурсивное сообщество
Владение языком идиш и способность использования в коммуникации	Потенциальное владение идишем и его использование в специализированной коммуникации	Реальное владение идишем и его использование в бытовой коммуникации
Демографическая мощность	Переменная демографическая мощность в сообществах произвольной локализации	Растущая демографическая мощность в сообществах стабильной локализации
Функциональная мощность	Инструмент общения в специальных сферах социального взаимодействия	Основной инструмент общения в бытовых сферах социального взаимодействия
Функционирование в доминантных сферах	Исключение из функционирования в общих доминантных сферах	Доминантные сферы этнического сообщества
Ареал функционирования	Отдельные лингвокультурные островки	Автономные этнические анклав
Тенденции функционирования	Потенциальное расширение функций	Стабильно широкие функции

Что касается пользователей идиша из светских лингвокультурных сфер социального взаимодействия, то они приветствуют любую позитивную деятельность, связанную с языком своих предков, и охотно участвуют в (социо)лингвистических опросах и экспериментах. Практически все владеют тремя языками: а) немецким как основным языком коммуникации; б) идишем – в лингвокультурном социальном взаимодействии, связанном с возрождением и популяризацией языка; в) английским – в межнациональной коммуникации.

В настоящем исследовании, результаты которого представлены в Главе 3, мы опираемся на сопоставление различий гласных и согласных в стандартном немецком произношении и идишском произношении идиш-немецких билингвов для идентификации и анализа социофонетических переменных, характеризующих стилистическую вариативность речи идиш-немецких билингвов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Для проведения исследования с помощью Интернета был определен круг участников опроса – идиш-немецкие билингвы как носители социолекта языка идиш, для которых идиш и немецкий язык – родные или выученные; группа информантов составила 44 человека, а именно 23 женщины и 21 мужчина в возрасте: 20–25 лет – 10 человек, 26–35 лет – 10 человек, 36–55 лет – 13 человек, 56–85 лет – 11 человек; все информанты – граждане Германии.

В качестве независимых переменных в исследовании выступают коммуникативная сфера – сфера коммуникации на идише, лингвосоциальный статус – принадлежность к дискурсивным сообществам языка идиш, установка на подготовленную и спонтанную речь; в качестве зависимых – стилистическая вариативность фонетических переменных.

2. Проведенные социолингвистические эксперименты были направлены на получение фоностилистических данных в различных коммуникативных контекстах:

а) Подготовленная часть, которая содержит чтение заранее данного информанту отрывка на идише; отрывкам для чтения предпосылается эксплицитно или имплицитно выраженная установка, требующая от информанта повышенного внимания к их воспроизведению, то есть намеренной формализации своей речи;

б) Спонтанная часть, которая содержит интервью в форме свободной беседы, направленной на выявление социолингвистических переменных, идентифицирующих разговорную речь идиш-немецких билингвов на идише.

3. Общая длительность аудиозаписей составила 6 часов 25 минут – 198,4 минут подготовленной речи и 220 минут спонтанной речи (429,5 Мб).

4. В аудиторском анализе полученных данных принимали участие 6 носителей идиша и немецкого языка – специалистов в области фонетики.

5. Обработка записей осуществлялась с использованием программ компьютерной обработки звукового сигнала для Windows XP: MediaCoder 0.7.1.4433, Soni Sound Forge 8.0, Chrome Speech Recognizer, HTML5 Speech Recognition, а также программ автоматического распознавания речи для iPhone: Dragon Dictation, Dragon NaturallySpeaking, Dragon Go!, Dragon Mobile Assistant.

6. В ходе исследования было выявлено и проанализировано 15 фоностилистических переменных: 6 согласных, 7 гласных, 2 дифтонга. Всего в аудиозаписях было зафиксировано 17850 случаев возможного использования изученных реализаций, что в среднем соответствует 10–15 примерам социофонетических переменных в двух ситуациях общения в произношении каждого информанта.

7. О ранней истории ашкеназских евреев известно очень мало, и достоверно проследить их происхождение по историческим источникам невозможно. Язык ашкеназов складывался на протяжении более тысячи лет в

ходе взаимодействия и синтеза трех языковых пластов: семитского (иврито-арамейского), германского (немецкого) и славянского (польского, белорусского, украинского и русского), а также в определенной мере романского.

8. Теории происхождения идиша:

а) рейнская теория М. Вайнрайха: идиш зародился более тысячи лет назад на небольшой территории, окружающей место впадения реки Майн в Рейн, где жил Гершон Бен-Иегуда (960–1028), которого М. Вайнрайх считает родоначальником ашкеназской еврейской цивилизации;

б) дунайско-эльбская (дунайская): идиш возник в местностях вокруг рек Дуная и Эльбы, где уже в XII в. в Ротенберге жили евреи и был еврейский квартал – самый древний в Германии (XI в.); в этом квартале жил раввин Иехуди Хасид (1150–1217), руководитель движения Хасиди Ашкеназ; к этой теории был склонен один из основоположников сионизма в Германии, Т. Злоциски (1874–1973), вдохновивший студента Гейдельбергского университета Я. Герцона написать диссертацию об идише, в которой Я. Герцон сделал вывод о происхождении идиша от восточно-центрального германского диалекта, носители которого жили по течению реки Эльбы;

в) И. Фишер и С. Бирнбаум независимо друг от друга пришли к выводу, что идиш имеет сходство как с северо-восточными, так и с юго-восточными немецкими диалектами.

г) Р. Кинг на основании собранных данных утверждал, что на идиш не оказал влияния ни один из западнонемецких диалектов, и сделал вывод, что все диалекты идиша происходят из восточной части области Ашкеназа – территории, которую в XIII в. заселяли евреи.

9. В XIII в. миграция немецких (ашкеназских) евреев впервые достигла славянских территорий, и с XVI в. они все больше оседали в Польше, Литве, Галиции, Подолии, Волыни и Белоруссии. Под воздействием славянских языков со временем возникли новые еврейские территориальные диалекты, которые получили условно-территориальные названия «польский»,

«украинский» и «литовско-белорусский». В региональные диалекты идиша, а затем и в литературный язык из славянских языков проникают слова и корни, многочисленные словообразовательные элементы.

10. В канун Второй мировой войны в мире проживало 16,3 миллионов евреев, из них 12 миллионов владели идишем, в том числе 11 миллионов считали его основным языком общения.

11. При исследовании и описании функционирования современного идиша в Германии следует учитывать три существенных фактора:

а) в своей речи носители идиша во всех странах мира, в том числе в Германии, как правило, не прибегают к общелитературному произносительному стандарту, а используют диалектные разновидности произношения; при этом характерной особенностью идиша является то, что диалектные различия на письме не отражаются, и поэтому одинаково написанное слово может читаться по-разному;

б) идиш-говорящие евреи в настоящее время как минимум двуязычны, а те из них, которые проживают в Германии, являются идиш-немецкими билингвами;

в) современная языковая ситуация контакта идиша с немецким и функционирования идиша в речи идиш-немецких билингвов характеризуется его отличием, в частности, в фонетической сфере, от литературного стандарта: прежде всего ввиду того, что идиш идиш-немецких билингвов испытывает значительное интерференциальное влияние со стороны немецкого языка.

12. Фонемный инвентарь:

а) немецкий: 44 фонемы с 19 гласными (в том числе 3 дифтонга) и 25 согласными (в том числе 3 аффрикаты);

б) идиш: 31 фонема с 9 гласными (в том числе 3 дифтонгами) и 22 согласными (в том числе 3 аффрикаты).

13. Особенности вокализма и консонантизма идиша и немецкого языка:

а) почти вдвое меньшее количество гласных фонем (47,4 % от числа немецких) в идише обусловлено нерелевантностью признака «краткость – долгота» в стандартном (литературном) идишском произношении, в отличие от стандартного немецкого, а также отсутствием фонем /ɛ:/, /e:/, /œ/ и /ø:/ (которым в словах немецкого пласта, как правило, соответствует /ɛ/), и /ʏ/ и /y:/ (которым, как правило, соответствует /i/);

б) при равном количестве дифтонгов в обоих литературных языках их набор частично разный ввиду отсутствия в стандартном немецком произношении дифтонга /ɛ̃ĩ/, а в идише дифтонга /ãũ/ (которому, как правило, соответствует /ɔ̃ĩ/ или /ɛ̃ĩ/);

в) инвентарь немецких согласных несколько больше, чем идишских (88,0 % от числа немецких), ввиду отсутствия в идише фонемы /ç/ (которой всегда, как в южнонемецких диалектах, в словах немецкого пласта соответствует /x/), /ŋ/ (которой всегда в словах немецкого пласта соответствуют звукосочетания /ng/ и /nk/) и /ʔ/ (подобно швейцарскому немецкому);

г) при этом в идише имеется, в отличие от немецкого, аффриката /d̥z/ (в словах славянского пласта и в ауслауте на месте немецких /s/ и /z/), а аффриката /t̥ʃ/ (на месте немецкого /ʃ/ в ауслауте) и фонемы /x/ и /s/ (в том числе в анлауте в словах семитского и славянского пластов) используются шире, чем в немецком.

14. Между большинством элементов фонетических систем идиша и немецкого языка сложились диафонные отношения, и значительное количество выявленных диафонов содержит в себе ряд социально маркированных аллофонов, частота использования которых варьируется в зависимости от социальных (демографических) факторов и параметров коммуникативной ситуации.

15. По данным Федерального ведомства ФРГ по делам мигрантов и беженцев, в период с 1990 г. по 2012 г. в Германию иммигрировало 214 209 «контингентных беженцев», однако часть из них затем отправилась дальше –

в США или в Израиль. Контингентными беженцами именуется преимущественно лица еврейской национальности – граждане бывшего СССР и постсоветских государств и члены их семей, которые переселялись в Германию, где их «контингентами» (то есть группами) равномерно расселяли по территории страны (так называемое «предварительное расселение»). Так в ФРГ на постоянное местожительство прибыло примерно 220 тысяч евреев.

16. Современная языковая ситуация контакта идиша с близкородственным немецким (средневерхненемецкий этап развития которого послужил идишу исходным языком и языком-основой), и, таким образом, ситуация функционирования идиша в речи идиш-немецких билингов характеризуется его отличием, в частности в фонетической сфере, от литературного стандарта – прежде всего ввиду интерференциального влияния немецкого языка.

17. Религиозные дискурсивные сообщества в значительной мере закрыты для посторонних наблюдателей, и их члены в основном не участвуют в социальном взаимодействии на идише за пределами своих сообществ, поэтому привлечение их в качестве информантов в исследовании представлялось проблематичным. Однако удалось выяснить, что в этой среде есть молодые люди, которые приехали в Германию в раннем возрасте или родились и постоянно проживают в стране. Практически все они владеют четырьмя языками:

- а) идишем – в бытовом общении;
- б) ивритом – в религиозном образовании и религиозной практике;
- в) немецким – в Германии за пределами своих сообществ;
- г) английским – в зарубежных поездках.

18. Пользователи языка идиш из светских лингвокультурных сфер социального взаимодействия приветствуют любую позитивную деятельность, связанную с языком своих предков, и охотно участвуют в (социо)лингвистических опросах и экспериментах. Практически все они владеют тремя языками:

- а) немецким как основным языком коммуникации;
- б) идишем – в лингвокультурном социальном взаимодействии, связанном с возрождением и популяризацией языка;
- в) английским – в межнациональной коммуникации.

Глава 3

Экспериментально-социофонетическое исследование фоностилистической вариативности речи идиш-немецких билингвов на языке идиш

Анализ обусловленных интерференциальным влиянием немецкого языка фоностилистических переменных в условиях заданных коммуникативных ситуаций – подготовленной и спонтанной речи на идише – продемонстрировал существенные позиционные различия реализации гласных и согласных в произнесении различными группами информантов. При всех отличиях в социальных характеристиках представителей сообщества идиш-немецких говорящих и принадлежности информантов к разным дискурсивным сообществам они используют идиом, который мы характеризуем как современный социолект языка идиш.

3.1. Программа проведения и задачи эксперимента. Основные понятия. Обзор частотных изменений гласных и согласных фоностилистических переменных в речи идиш-немецких билингвов

При проведении аудитивного анализа коммуникации идиш-немецких билингвов информанты старались воспроизвести текст на идише так, как они считали правильным, и варианты произнесения гласных и согласных воспринимались аудитором на слух. Во время эксперимента по исследованию фоностилистической вариативности спонтанной речи идиш-немецких билингвов согласные фоностилистические переменные определялись довольно четко, в отличие от фоностилистических переменных гласных (термин А. Д. Петренко [Петренко 2013: 276]), которые были

представлены различными вариантами в речи разных информантов, в связи с чем была дополнительно проведена процедура инструментального анализа.

В ходе эксперимента требовалось установить, имеется ли сколь угодно значительная фоностилистическая вариативность идиша в речи современных идиш-немецких билингвов и насколько этот вид вариативности обусловлен социальными факторами и спецификой ситуации общения.

Далее результаты эксперимента и его анализа представляются в следующих терминах:

- а) *фонема* – минимальная инвариантная звуковая единица языка;
- б) *аллофон* одной фонемы – конкретная реализация фонемы в речи, ее вариант, обусловленный конкретным фонетическим окружением;
- в) *диафон* – двуязычный аллофон, обусловленный языковым контактом;
- г) *фоностилистическая переменная* – интерференциально и функционально-стилистически обусловленный диафон, реализующийся в речи билингва или коллектива билингвов в результате субституции аллофона диафоном/диафонами.

Основной единицей исследования является *фоностилистическая переменная*, которая, таким образом, представляет собой расхождение, обусловленное интерференциальным влиянием немецкой фонетики на речь идиш-немецких билингвов в сравнении с абстрактным произносительным стандартом идиша.

В этой связи особую важность получает понимание функционального стиля в интерпретации И. А. Бодуэна де Куртенэ, который писал: «Каждый индивид <...> может иметь несколько индивидуальных “языков”, различающихся, между прочим, и с произносительно-акустической точки зрения: язык повседневного дня, язык торжественный, язык церковной проповеди или университетской кафедры и т. п. (в соответствии с социальным положением данного индивида). В разные минуты жизни мы пользуемся различным языком, в зависимости от различных душевных

состояний, от времени года и дня, от возраста, от прежних навыков речи и новых приобретений...» (цит. по: [Жирмунский 1977: 22]).

В ходе исследования фоностилистической вариативности подготовленной речи идиш-немецких билингвов было осуществлено три этапа сбора и обработки экспериментального материала:

- 1) формирование группы информантов – участников эксперимента;
- 2) аудиозапись подготовленной речи;
- 3) систематизация и социофонетический анализ полученного материала.

На первом этапе была сформирована группа из 44 идиш-немецких билингвов (см. Приложение III). Структуру группы составили:

- 18 представителей религиозной иудейской общины в Германии;
- 10 студентов немецких университетов: Гейдельбергского (3 информанта), Регенсбургского (3 информанта) и Дюссельдорфского (4 информанта);
- 16 представителей социокультурных сообществ городов Берлина, Аугсбурга, Дюссельдорфа и Регенсбурга.

В течение 2013–2016 гг. проводилась аудиозапись подготовленной речи, в ходе которой информантам предлагалось ознакомиться с текстом (см. Приложение IV) и прочесть его в привычной для них языковой манере, как если бы они выступали перед аудиторией или на учебном занятии. Индивидуальная длительность прочтения данного текста составила 1,5–2 минуты, в зависимости от темпа речи информанта. Задание предусматривало идентификацию гласных и согласных фоностилистических переменных, характерных для подготовленной речи идиш-немецких билингвов.

С целью установления фоностилистической вариативности речи информантов и соответствия ее норме стандартного идишского произношения в исследовании был применен метод аудиторского анализа, в ходе которого 6 аудиторов (преподаватели Иерусалимского и

Регенсбургского университетов, носители идиша и немецкого языка) выступили в качестве экспертов при анализе проведенных записей речи.

Перед экспертами была поставлена задача – прослушать представленные аудиозаписи и отметить те реализации, в которых, по их мнению, имеются изменения в произнесении гласных и согласных, не соответствующие кодифицированной – стандартной – норме идиша.

Обзор частотных изменений гласных и согласных фоностилистических переменных, обусловленных немецкой интерференцией, в идишской речи идиш-немецких информантов-билингвов представлен в таблицах 3-1 и 3-2.

В следующих за таблицами параграфах дается подробный фоностилистический анализ переменных в подготовленной и спонтанной речи идиш-немецких билингвов на идише. Как подчеркивалось ранее, системы фонематической и фонетической транскрипции для идиша не разработано, в связи с чем мы исходили из системы фонематической и фонетической записи немецких звуков (см. Приложение II).

Таблица 3-1. Гласные фоностилистические переменные

№ п/п	Идиш	Немецкий язык	Интерференциальные фоностилистические переменные в речи идиш-немецких билингвов на идише
1	2	3	4
1.	אַרעם 'рука'	<i>Arm</i> 'рука'	Переход краткого /ɔ/ в краткий [a] в анлауте и инлауте: ид. /'ɔrəm/ & нем. /'²arm/ ⊥ с.ид. ['arəm] ¹
	שטאָט 'город'	<i>Stadt</i> 'город'	ид. /'ʃtɔt/ & нем. /'ʃtat/ ⊥ с.ид. ['ʃtat]
2.	קומען 'приходить'	<i>kommen</i> 'приходить'	Переход краткого /ʊ/ в краткий [ɔ] в инлауте: ид. /'kʊmən/ & нем. /'kɔmən/ ⊥ с.ид. ['kɔmən]
3.	ברענגען	<i>bringen</i>	Переход краткого /ε/ или дифтонга /ε̩/ в краткий [ɪ] в инлауте:

¹ Здесь и далее читай: «Интерферируемое стандартное идишское /'ɔrəm/ и интерферирующее стандартное немецкое /'²arm/ порождают ['arəm] в социолекте идиша идиш-немецких билингвов».

	'приносить'	'приносить'	ид. /'brɛngən/ или /'brɛ̃ngən/ & нем. /'brɪŋən/ ⊥ с.ид. ['brɪngən]
4.	בריק 'мост'	Brücke 'мост'	Переход краткого /ɪ/ в краткий [ʏ] в инлауте: ид. /'brɪk/ & нем. /'brʏkə/ ⊥ с.ид. ['brʏk]
5.	שיין 'красивый'	schön 'красивый'	Монофтонгизация /ɛ̃/ в долгий [ø:] в инлауте: ид. /'ʃɛ̃n/ & нем. /'ʃø:n/ ⊥ с.ид. ['ʃø:n]
6.			Монофтонгизация /ɔ̃/ в долгий [o:] в анлауте и инлауте:
	אויפן 'печь(ка)'	Ofen 'печь(ка)'	ид. /'ɔ̃vn/ & нем. /'o:fən/ ⊥ с.ид. ['o:vn]
	בוידעם 'чердак'	Boden 'земля, почва'	ид. /'bɔ̃dɛm/ & нем. /'bo:dən/ ⊥ с.ид. ['bo:dəm] или ['bo:dn]
7.	נייען 'шить'	nähen 'шить'	Монофтонгизация /ɛ̃/ в долгий [ɛ:] в инлауте: ид. /'nɛ̃ən/ & нем. nähen /'nɛ:ən/ ⊥ с.ид. ['nɛ:ən]
8.	פייכט 'влажный'	feucht 'влажный'	Переход дифтонга /ã/ в дифтонг [ɔ̃] в инлауте: ид. /'fãxt/ & нем. /'fɔ̃çt/ ⊥ с.ид. ['fɔ̃xt/]
9.			Переход дифтонга /ã/ в дифтонг [ã] в анлауте, инлауте и ауслауте:
	אויג 'глаз'	Auge 'глаз'	ид. /'ɔ̃g/ & нем. /'ãʊgə/ ⊥ с.ид. ['ãʊg]
	קויפן 'покупать'	kaufen 'покупать'	ид. /'kɔ̃fn/ & нем. /'kãʊfən/ ⊥ с.ид. ['kãʊfn]
	בלוי 'синий'	blau 'синий'	ид. /'blɔ̃/ & нем. /'blã/ ⊥ с.ид. ['blã]

Пояснения к таблицам: «ид.» – интерферируемое стандартное идишское; «нем.» – интерферирующее стандартное немецкое; «с.ид.» – в социолекте идиша; «&» – и; «⊥» – порождают.

Таблица 3-2. Согласные фоностилистические переменные

№ п/п	Идиш	Немецкий язык	Интерференциальные фоностилистические переменные в речи идиш-немецких билингвов на идише
1	2	3	4
1.	באַרשט 'щетка'	<i>Bürste</i> 'щетка'	Переход глухого альвео-палатального фрикативного /ʃ/ в глухой альвеолярный фрикативный [s] после /r/: ид. ['barʃt] & нем. ['byrstə] ⊥ с.ид. ['barst]
2.	טאַפל 'двойной'	<i>doppelt</i> 'двойной'	Озвончение глухого альвеолярного окклюзивно-фрикативного /t/ в [d] в анлауте: ид. /'tɔpl/ & нем. /'dɔpɛlt/ ⊥ с.ид. ['dɔpl]
3.	מענטש 'человек'	<i>Mensch</i> 'человек'	Деаффрикатизация /tʃ/ в глухой альвео-палатальный фрикативный [ʃ] в ауслауте: ид. /'mɛntʃ/ & нем. /'mɛnʃ/ ⊥ с.ид. ['mɛnʃ]
4.			Аффрикатизация глухого лабиодентального фрикативного /f/ в [pf]: в анлауте и ауслауте:
	פערד 'лошадь'	<i>Pferd</i> 'лошадь'	ид. /'fɛrd/ & нем. /'pfe:ɐt/ ⊥ с.ид. ['pʰfɛrd]
	פאָפּ 'горшок, кастрюля'	<i>Topf</i> 'горшок, кастрюля'	ид. /'tɔp/ & нем. /'tɔpʰ/ ⊥ с.ид. ['tɔpʰ]
5.	האַלדז 'шея'	<i>Hals</i> 'шея'	Деаффрикатизация /dʒ/ в звонкий альвеолярный фрикативный [z] в ауслауте: ид. /'haldʒ/ & нем. ['hals] ⊥ с.ид. ['halz] 'шея'

6.	אומגליק 'несчастье'	<i>Unglück</i> 'несчастье'	Переход лабио-лабиального назально-сонорного /m/ в дентальный назально-сонорный [n] в инлауте: ид. /'ʊm,ɡlik/ & нем. /'²ʊn,ɡlyk/ ⊥ с.ид. ['ʊn,ɡlik]
----	------------------------	-------------------------------	--

3.2. Фоностилистические переменные в подготовленной речи

В подготовленной речи идиш-немецких билингвов методами аудитивного и аудиторского анализа были отмечены представленные ниже подробно изменения в области вокализма и консонантизма, которые записываются схематично следующим образом¹:

- ид. אפ /'af/ – интерферируемое идишское слово, произносимое в стандартном идише ['af]; выделенная полужирным шрифтом фонема реализуется в социолекте идиша как интерференциальная фоностилистическая переменная;

- & – логический символ конъюнкции «и»;

- нем. *apf* /'²apf/ – интерферирующее немецкое слово, произносимое в стандартном немецком ['²apf]; выделенная полужирным шрифтом фонема порождает в социолекте идиша соответствующую интерференциальную фоностилистическую переменную;

- ⊥ – логический символ каузальной импликации «порождает»;

- с.ид. אפפ ['apf] – интерферированное идишское слово, произносимое в социолекте идиша ['apf]; выделенная полужирным шрифтом фонема реализуется в социолекте идиша как интерференциальная фоностилистическая переменная.

3.2.1. Гласные фоностилистические переменные

В подготовленной речи идиш-немецких билингвов методами аудитивного и аудиторского анализа отмечены следующие изменения в области вокализма.

3.2.1.1. Краткие монофтонги

Как показал анализ, краткие монофтонги в подготовленной речи, т. е. при подготовленном чтении, сопровождаясь интерференциальными субституциями под влиянием немецкого произношения, могут:

¹ Примеры в данном пояснении – условные (несуществующие «слова»).

а) сохранять место образования звука либо подвергаться качественным изменениям, а именно подвергаться делабиализации,

б) сохранять степень подъема или качественно изменяться по степени подъема,

в) сохранять нерелевантность признака «долгота – краткость» либо подвергаться количественным изменениям, а именно интерференциально уподобляться немецким долгим гласным, а также

г) испытывать качественно-количественные изменения, как– то: переход в долгий гласный с лабиализацией.

А. Качественные изменения

3.2.1.1.1. Лабиализация-делабиализация

Делабиализация – субституция /ɔ/ → [a]⁴

Переход краткого лабиального гласного заднего ряда среднего подъема /ɔ/ в краткий гласный среднего ряда нижнего подъема [a] был отмечен в анлауте и инлауте, например:

(1) ид. טאָטש /'ftɔt/ & нем. *Stadt* /'ʃtat/ ⊥ с.ид. ['ʃtat] 'город'

(2) ид. טאָרטן /'gɔrtɪn/ & нем. *Garten* /'gartən/ ⊥ с.ид. טאָרטן ['gartɪn] 'сад'

Были зафиксированы единичные случаи перехода /ɔ/ в лабиальный гласный заднего ряда среднего подъема [o:] или [o] в речи отдельных информантов, что позволило рассматривать подобные реализации в качестве идиолектных аллофонов, например:

(3) ид. טאָרטן /'gɔrtɪn/ → с.ид. טאָרטן ['go:rtɪn] или ['gortɪn] 'сад'

⁴ Здесь и далее стрелку (→) следует читать как «переход в».

В таблице 3-3 представлены средние показатели реализации аллофонов и диафонов гласного /ɔ/, зафиксированные в подготовленной речи идиш-немецких билингвов.

Таблица 3-3. Средние показатели реализации аллофонов и диафонов гласной фонемы /ɔ/ в подготовленной речи

Дискурсивное сообщество	Аллофон [ɔ]	Диафон [a]	Аллофон [o:] или [o]	Итого субституций
Представители религиозной общины	14 чел. (77,7 %)	4 чел. (22,2 %)	0 %	4 чел. (22,2 %)
Студенты немецких университетов	4 чел. (40,0 %)	5 чел. (50,0 %)	1 чел. (10,0 %)	6 чел. (60,0 %)
Представители социокультурных сообществ	12 чел. (75,0 %)	3 чел. (18,7 %)	1 чел. (6,3 %)	4 чел. (25,0 %)
В среднем	30 чел. (68,1 %)	12 чел. (27,2 %)	2 чел. (4,5 %)	14 чел. (31,7 %)

Средний показатель реализации гласного /ɔ/ составил, таким образом, 68,1 %. Интерференциально обусловленный диафон [a] был отмечен в среднем в 27,2 % реализаций, а аллофон [o:] или [o] в 4,5 % случаев.

3.2.1.1.2. Изменение по признаку подъема

1) Изменение подъема – субституция /ʊ/ → [ɔ]

Переход краткого лабиального гласного заднего ряда верхнего подъема /ʊ/ в краткий лабиальный гласный заднего ряда среднего подъема [ɔ] был отмечен в инлауте, например:

(4) ид. קומען /'kʊmən/ & нем. *kommen* /'kɔmən/ ⊥ с.ид. קומען ['kɔmən] 'приходить'

(5) ид. פרום /'frʊm/ & нем. *fromm* /'frɔm/ ⊥ с.ид. פרום ['frɔm] 'набожный'

(6) ид. זומער /'zʊmər/ & нем. *Sommer* /'zɔmɐ/ ⊥ с.ид. זומער ['zɔmər] 'лето'

В произношении информантов зафиксированы также другие аллофоны, которые не отличались системной встречаемостью, т. е. в произнесении одного и того же информанта могли наблюдаться разные аллофоны. Диафон [ɔ] был зафиксирован в 25,0 % случаев, в то время как аллофон [ʊ] в 83,4 % реализаций (см. таблица 3-4).

Таблица 3-4. Средние показатели реализации аллофона и диафона гласной фонемы /ʊ/ в подготовленной речи

Дискурсивное сообщество	Аллофон [ʊ]	Диафон [ɔ]
Представители религиозной общины	15 чел. (83,4 %)	3 чел. (16,6 %)
Студенты немецких университетов	4 чел. (40,0 %)	6 чел. (60,0 %)
Представители социокультурных сообществ	14 чел. (87,5 %)	2 чел. (12,5 %)
В среднем	33 чел. (75,0 %)	11 чел. (25,0 %)

При сравнении частоты использования нормативного аллофона [ʊ] и его диафона [ɔ] наибольшее количество реализаций [ʊ] было отмечено в произнесении представителей религиозной общины и представителей социокультурных сообществ.

В ряде случаев аудиторы указали на невозможность с достаточной уверенностью определить качество аллофона/диафона: это так называемый «неполный тип произнесения» [Л. В. Бондарко 1974: 65]. В таких случаях ставились соответствующие пометы – «nicht deutlich» 'неразборчиво'.

2) Изменение подъема – субституция /ɛ/ → [ɪ]

Замена краткого палатального гласного переднего ряда среднего подъема /ɛ/ кратким палатальным гласным переднего ряда верхнего подъема [ɪ] наблюдалась в инлауте, например:

(7) ид. פֶּרְצִיק /fɛrtsik/ & нем. *vierzig* /fi:rtsiç/ ⊥ с.ид. פִּרְצִיק [firtsik] 'сорок'

(8) ид. ברענגט /'brɛnkt/ & нем. *bringt* /'brɪŋt/ ⊥ с.ид. ברענקט ['brɪnkt] 'приносит'

В таблице 3-5 представлены средние показатели реализации аллофона и диафона гласного /ɛ/, зафиксированные в подготовленной речи идиш-немецких билингвов.

Таблица 3-5. Средние показатели реализации аллофона и диафона гласной фонемы /ɛ/ в подготовленной речи

Дискурсивное сообщество	Аллофон [ɛ]	Диафон [ɪ]
Представители религиозной общины	14 чел. (77,7 %)	4 чел. (22,2 %)
Студенты немецких университетов	4 чел. (40,0 %)	6 чел. (60,0 %)
Представители социокультурных сообществ	13 чел. (81,2 %)	3 чел. (18,7 %)
В среднем	31 чел. (70,4 %)	13 чел. (29,5 %)

Различия между показателями реализации субституции /ɛ/ → [ɪ] в подготовленной речи представителей религиозных общин и социокультурных сообществ были незначительными, а у студентов немецких университетов почти в 3,5 раза превышали количество реализаций анализируемой субституции у вышеназванных дискурсивных сообществ соответственно.

Б. Качественно-количественные изменения

3.2.1.1.3. Переход в долгий гласный

Субституция /ɪ/ → [y:]

Переход краткого палатального гласного переднего ряда верхнего подъема [ɪ] в долгий лабио-палатальный гласный переднего ряда верхнего подъема [y:] был зафиксирован в инлауте, например:

(9) ид. פִּילן /'fɪln/ & нем. *fühlen* /'fy:lən/ ⊥ с.ид. פִּילן ['fy:ln] 'чувствовать'

(10) ид. טיר /'tɪr/ & нем. *Tür* /'ty:ɐ/ ⊥ с.ид. טיר ['ty:r] 'дверь'

(11) ид. קיך /'kɪx/ & нем. *Küche* /'ky:çə/ ⊥ с.ид. קיך ['ky:x] 'кухня'

В таблице 3-6 представлены средние показатели реализации аллофона и диафона гласного /ɪ/, зафиксированные в подготовленной речи идиш-немецких билингвов на идише.

Таблица 3-6. Средние показатели реализации аллофона и диафона гласной фонемы /ɪ/ в подготовленной речи

Дискурсивное сообщество	Аллофон [ɪ]	Диафон [y:]
Представители религиозной общины	17 чел. (94,4 %)	1 чел. (5,5 %)
Студенты немецких университетов	7 чел. (70,0 %)	3 чел. (30,0 %)
Представители социокультурных сообществ	16 чел. (100,0 %)	0 %
В среднем	40 чел. (90,9 %)	4 чел. (9,0 %)

Различия между показателями реализации субституции /ɪ/ → [y:] в подготовленной речи представителей религиозных общин и социокультурных сообществ были незначительными. У студентов реализация интерференциально обусловленной фоностилистической переменной /ɪ/ составляет 30,0 %.

3.2.1.2. Дифтонги

Как показал анализ, дифтонги в подготовленной речи, сопровождаясь интерференциальными субституциями под влиянием немецкого произношения, могут испытывать:

а) качественно-количественные изменения, подвергаясь монофтонгизации в долгий гласный, и

б) качественные изменения – переходить в другой дифтонг.

А. Качественно-количественные изменения

3.2.1.2.1. Монофтонгизация в долгий гласный

1) Субституция / $\widehat{\epsilon\text{I}}$ / → [ø:]

Монофтонгизация дифтонга / $\widehat{\epsilon\text{I}}$ / в долгий лабио-палатальный гласный переднего ряда среднего подъема [ø:] наблюдалась в инлауте, например:

(12) ид. פלייט /'fl $\widehat{\epsilon\text{I}}$ t/ & нем. Flöte /'flø:tə/ ⊥ с.ид. פלייט ['flø:t] 'флейта'

Был также зафиксирован один случай субституции [$\widehat{\epsilon\text{I}}$] → [ε], который следует рассматривать в качестве идиолектного:

(13) ид. לייב ['l $\widehat{\epsilon\text{I}}$ b] → с.ид. לייב ['lεv] 'лев'

В таблице 3-7 представлены средние показатели реализации аллофона и диафонов дифтонга / $\widehat{\epsilon\text{I}}$ /, зафиксированные в подготовленной речи идиш-немецких билингвов на идише.

Таблица 3-7. Средние показатели реализации аллофона и диафонов дифтонга / $\widehat{\epsilon\text{I}}$ / в подготовленной речи

Дискурсивное сообщество	Аллофон [$\widehat{\epsilon\text{I}}$]	Диафон [ø:]	Аллофон [ε]	Итого субсти- туций
Представители религиозной общины	17 чел. (94,4 %)	1 чел. (5,5 %)	0 чел. (0 %)	1 чел. (5,5 %)
Студенты немецких университетов	8 чел. (80,0 %)	1 чел. (10,0 %)	1 чел. (10,0 %)	2 чел. (20,0 %)
Представители социокультурных сообществ	16 чел. (100 %)	0 чел. (0 %)	0 чел. (0 %)	0 чел. (0 %)
В среднем	41 чел. (93,1 %)	2 чел. (4,5 %)	1 чел. (2,3 %)	3 чел. (6,8 %)

Средний показатель реализации стандартного дифтонга / $\widehat{\epsilon\text{I}}$ / составил в большинстве случаев 93,1 %. Диафон [ø:] был отмечен в 4,5 % реализаций, аллофон [ɛ] в 2,3 % случаев.

2) Субституция / $\widehat{\text{ɔI}}$ / → [o:]

Монофтонгизация дифтонга / $\widehat{\text{ɔI}}$ / в долгий лабиальный гласный заднего ряда среднего подъема [o:] наблюдалась в анлауте и инлауте, например:

(14) ид. אויוון /'ɔɪvn/ & нем. *Ofen* /'ʔo:fən/ ⊥ с.ид. אויוון ['o:vn] 'печь(ка)'

(15) ид. געבוירן /gɛ'boɪrn/ & нем. *geboren* /gə'bo:rən/ ⊥ с.ид. געבוירן [gɛ'bo:rən] 'рожденный'

(16) ид. בוידעם /'boɪdɛm/ 'чердак' & нем. *Boden* /'bo:dən/ 'земля, почва' ⊥ с.ид. בוידעם ['bo:dəm]

В таблице 3-8 представлены средние показатели реализации аллофона и диафона дифтонга / $\widehat{\text{ɔI}}$ /, зафиксированные в подготовленной речи идиш-немецких билингвов на идише.

Таблица 3-8. Средние показатели реализации аллофона и диафона дифтонга / $\widehat{\text{ɔI}}$ / в подготовленной речи

Дискурсивное сообщество	Аллофон / $\widehat{\text{ɔI}}$ /	Диафон [o:]
Представители религиозной общины	15 чел. (83,3 %)	3 чел. (16,6 %)
Студенты немецких университетов	6 чел. (60,0 %)	4 чел. (40,0 %)
Представители социокультурных сообществ	15 чел. (93,7 %)	1 чел. (6,2 %)
В среднем	36 чел. (81,8 %)	8 чел. (18,2 %)

Средний показатель реализации дифтонга / $\widehat{\text{ɔI}}$ / составил 81,8 %, а его диафона [o:] – 18,2 % от всех отмеченных реализаций.

3) Субституция /ε̂/ → [ε:]

Монофтонгизация дифтонга [ε̂] в долгий палатальный гласный переднего ряда среднего подъема [ε:] была зафиксирована в инлауте, например:

(17) ид. ןצײלן /'tsɛ̂ln/ & нем. zählen /'tsɛ:lən/ ⊥ с.ид. ןצײלן ['tsɛ:ln] 'считать'

(18) ид. ןצײלן /'mɛ̂dl/ & нем. Mädchen /'mɛ:dəl/ ⊥ с.ид. ןצײלן ['mɛ:dl] 'девушка, девочка'

В таблице 3-9 представлены средние показатели реализации аллофона и диафона дифтонга /ε̂/, зафиксированные в подготовленной речи идиш-немецких билингвов на идише.

Таблица 3-9. Средние показатели реализации аллофона и диафона дифтонга /ε̂/ в подготовленной речи

Дискурсивное сообщество	Аллофон [ε̂]	Диафон [ε:]
Представители религиозной общины	17 чел. (94,4 %)	1 чел. (6,3 %)
Студенты немецких университетов	8 чел. (80,0 %)	2 чел. (20,0 %)
Представители социокультурных сообществ	15 чел. (93,7 %)	1 чел. (6,2 %)
В среднем	40 чел. (91,0 %)	4 чел. (9,0 %)

Наибольшее количество реализаций перехода /ε̂/ → [ε:] было зафиксировано в произнесении студентов немецких университетов. Средний показатель реализации аллофона [ε̂] составил 91,0 %, а его диафона [ε:] – 9,0 % от всех отмеченных реализаций.

Б. Качественные изменения

3.2.1.2.2. Переход в другой дифтонг

4) Субституция /â/ → [ɔ̂]

Переход дифтонга /aɪ/ в дифтонг [ɔɪ] был отмечен в инлауте и ауслауте, например:

(19) ид. דײַטש /'daɪtʃ/ & нем. *deutsch* /'dɔɪtʃ/ ⊥ с.ид. דײַטש ['dɔɪtʃ] 'немецкий'

(20) ид. פֿײַער /'faɪər/ & нем. *Feuer* /'fɔɪər/ ⊥ с.ид. פֿײַער ['fɔɪər] 'огонь'

(21) ид. נײַ /'naɪ/ & нем. *neu* /'nɔɪ/ ⊥ с.ид. נײַ ['nɔɪ] 'новый'

В таблице 3-10 представлены средние показатели реализации аллофона и диафона дифтонга /aɪ/, зафиксированные в подготовленной речи идиш-немецких билингвов на идише.

Таблица 3-10. Средние показатели реализации аллофона и диафона дифтонга /aɪ/ в подготовленной речи

Дискурсивное сообщество	Аллофон [aɪ]	Диафон [ɔɪ]
Представители религиозной общины	17 чел. (94,4 %)	1 чел. (5,5 %)
Студенты немецких университетов	8 чел. (80,0 %)	2 чел. (20,0 %)
Представители социокультурных сообществ	16 чел. (100,0 %)	0 %
В среднем	41 чел. (93,1 %)	3 чел. (6,9 %)

Средний показатель реализации соответствующего стандартному произношению аллофона [aɪ] составил 93,1 %, а интерференциального диафона [ɔɪ] – 6,9 % от всех отмеченных реализаций.

5) Субституция /ɔɪ/ → [aʊ]

Замена дифтонга /ɔɪ/ дифтонгом [aʊ] наблюдалась в анлауте, инлауте и ауслауте, например:

(22) ид. אויג /'ɔɪg/ & нем. *Auge* /'aʊgə/ ⊥ с.ид. אויג ['aʊg] 'глаз'

(23) ид. בויען /'bɔɪən/ & нем. *bauen* /'baʊən/ ⊥ с.ид. בויען ['baʊən] 'строить'

(24) ид. גרױ /'grɔɪ/ & нем. *grau* /'graʊ/ ⊥ с.ид. גרױ ['graʊ] 'серый'

В таблице 3-11 представлены средние показатели реализации аллофона и диафона дифтонга /ɔ̃/, зафиксированные в подготовленной речи идиш-немецких билингвов на идише.

Таблица 3-11. Средние показатели реализации аллофона и диафона дифтонга /ɔ̃/ в подготовленной речи

Дискурсивное сообщество	Аллофон [ɔ̃]	Диафон [aʊ]
Представители религиозной общины	18 чел. (100,0 %)	0 %
Студенты немецких университетов	8 чел. (80,0 %)	2 чел. (20,0 %)
Представители социокультурных сообществ	16 чел. (100,0 %)	0 %
В среднем	42 чел. (95,4 %)	2 чел. (4,5 %)

Наибольшее количество субституций /ɔ̃/ → [aʊ] было зафиксировано в произнесении представителей группы «студенты немецких университетов». Средний показатель реализации аллофона [ɔ̃] составил 95,4 %, диафона [aʊ] – 4,5 % от всех отмеченных реализаций.

3.2.2. Согласные фоностилистические переменные

В подготовленной речи идиш-немецких билингвов на идише методами аудитивного и аудиторского анализа были отмечены следующие качественные изменения в области консонантизма.

3.2.2.1. Изменение места образования

1) Переход глухого альвео-палатального фрикативного согласного /ʃ/ в глухой альвеолярный фрикативный [s] в инлауте перед [r] – субституция /ʃ/ → [s]:

(25) ид. דורשט /'dʊʁʃt/ & нем. *Durst* /'dʊrst/ ⊥ с.ид. דורשט ['dʊrst] 'жажда'

(26) ид. באַרשט /'barʃt/ & нем. *Bürste* /'byrstə/ ⊥ с.ид. באַרשט ['barst] 'щетка'

2) Переход неслогового лабио-лабиального назально-сонорного согласного /m/ в дентальный назально-сонорный [n]: слоговой в абсолютном ауслауте и неслоговой в ауслауте морфемы после гласного – субституция /m/ → [n]:

(27) ид. פאָדעם /'fɔdəm/ & нем. *Faden* /'fa:dən/ ⊥ с.ид. פאָדעם ['fɔdn] 'нить'

(28) ид. אומגליק /'ʊm,ɡlɪk/ & нем. *Unglück* /'ʊn,ɡlyk/ ⊥ с.ид. אומגליק ['ʊn,ɡlɪk] 'несчастье'

3.2.2.2. Аффрикатизация и деаффрикатизация

3) Аффрикатизация глухого лабио-дентального фрикативного /f/ в анлауте и ауслауте – субституция /f/ → [pf]:

(29) ид. פּײַפּן /'faɪfn/ & нем. *pfeifen* /'pfaɪfən/ ⊥ с.ид. פּײַפּן ['pfaɪfn] 'свистеть'

(30) ид. קאָפּ /'kɔp/ & нем. *Kopf* /'kɔpf/ ⊥ с.ид. קאָפּ ['kɔpf] 'голова'

4) Деаффрикатизация /tʃ/ глухим альвео-палатальным фрикативным [ʃ] в абсолютном ауслауте или ауслауте корня после [n] – субституция /tʃ/ → [ʃ]:

(31) ид. מענטש /'mɛntʃ/ & нем. *Mensch* /'mɛnʃ/ ⊥ с.ид. מענטש ['mɛnʃ] 'человек'

(32) ид. ווינטשעווען /'vɪntʃɛvən/ & нем. *wünschen* /'vʏnʃən/ ⊥ с.ид. ווינטשעווען ['vɪnʃɛvən] 'желать (кому-л. что-л.)'

5) Деаффрикатизация / \widehat{dz} / глухим альвеолярным фрикативным [s] в абсолютном ауслауте и звонким альвеолярным фрикативным [z] в ауслауте корня – субституция / \widehat{dz} / → [s] или [z]:

(33) ид. חַלְלָהּ /'hald \widehat{z} / & нем. Hals /'hals/ ⊥ с.ид. חַלְלָהּ ['hals] 'шея'

(34) ид. אֶנְדְּזֶר [' \widehat{undz} ər] & нем. unser [' \widehat{unz} ɐ] ⊥ с.ид. אֶנְדְּזֶר [' \widehat{unz} ər] 'наш'

3.2.2.3. Озвончение

б) Озвончение глухого дентального окклюзивно-фрикативного /t/ в ауслауте – субституция /t/ → [d]:

(35) ид. דּוּפְּלֵט /'tɔpl/ & нем. doppelt /'dɔpɐlt/ ⊥ с.ид. דּוּפְּלֵט ['dɔpl] 'двойной'

3.2.2.4. Количественная характеристика

Количественные данные интерференциальных фоностилистических переменных согласных в подготовленной речи (подготовленном чтении) информантов – идиш-немецких билингвов – на идише представлены в таблице 3-12.

Таблица 3-12. Интерференциальные фоностилистические переменные согласных при подготовленной речи

Фоностилистическая переменная	Общее число реализаций	Общее число изменений	
1. /f/ → [s]	160	31	19,4 %
2. /m/ → [n]	172	14	8,1 %
3. /f/ → [pf]	244	11	4,5 %
4. / \widehat{t} / → [f]	115	14	12,1 %
5. / \widehat{dz} / → [s] или [z]	86	8	9,3 %

б. /t/ → [d]	178	13	7,3 %
--------------	-----	----	-------

Таким образом, в подготовленной речи идиш-немецкие билингвы прибегают как к стандартному идишскому произношению согласных, которое представлено в большинстве реализаций, так и – в меньшей мере – к социолектным вариантам, представленным фоностилистическими переменными. При этом анализ акцентных предпочтений идиш-немецких билингвов свидетельствует о том, что информанты используют весь диапазон вариативности фоностилистических переменных для создания стиля речи, соответствующего конкретной коммуникативной ситуации.

3.3. Фоностилистические переменные в спонтанной речи

По окончании первого этапа эксперимента 5–8 мая 2014 г. каждому информанту отправлялось по электронной почте обращение, где кратко излагалась цель второго этапа и содержалась просьба встретиться через неделю для осуществления аудиозаписи спонтанной монологической речи по заданной нами ситуации (при необходимости с элементами краткого спонтанного диалога) в стиле речи, привычном для данного информанта при общении с друзьями и коллегами.

3.3.1. Условия проведения и задачи эксперимента

Процедура аудиозаписи спонтанной речи осуществлялась с помощью мобильного устройства iPhone 4S и занимала 3–4 минуты на одного информанта. Общая продолжительность аудиозаписей составила 220 минут, что в цифровом измерении составило 228 Мб. Перенос аудиозаписей в текст выполнялся с помощью программ автоматического распознавания речи для компьютера: Chrome Speech Recognizer, HTML5 Speech Recognition и

программ автоматического распознавания речи для iPhone: Dragon Dictation, Dragon NaturallySpeaking, Dragon Go!, Dragon Mobile Assistant.

Описанный ниже этап эксперимента представлял собой спонтанную монологическую речь идиш-немецкого билингва, в ряде случаев с элементами диалога-интервью (краткой свободной беседы уточняющего характера). Экспериментальной целью явилось выявление фоностилистических переменных, идентифицирующих разговорную речь на фонетическом уровне. Приемы свободной беседы должны побуждать испытуемого максимально приближаться к естественному разговорному стилю общения.

В проведенном нами исследовании учитывались стандартные характеристики гласных и согласных для идентификации и анализа фоностилистических переменных, характеризующих стилистическую вариативность спонтанной – разговорной – речи идиш-немецких билингвов на идише. Кроме того, на данном этапе эксперимента мы обратились к аудиторам, перед которыми была поставлена задача прослушать представленные аудиозаписи и отметить те реализации, в которых, по их мнению, имеются изменения в произнесении гласных, т. е. фоностилистические переменные, не соответствующие стандартной произносительной норме идиша.

После того как были получены записи спонтанной речи, выяснилось, что эксперты не могут достаточно точно определить конкретные реализации конкретных звуков и их комбинаций в потоке речи и определить степень произносительных девиаций от заданных параметров на слух, поскольку различные аллофоны и диафоны присутствуют не только в реализации всего текста, но и в реализации одного и того же слова или словосочетания. В

связи с этим возникла необходимость прибегнуть к процедуре инструментального анализа.

Частота основного тона представляет собой частоту вибрации голосовых связок. Графики отображают формантную структуру в целом и отдельные пики, которые фиксируют расхождение в частоте. Усиления в спектре звука, которые зависят от конфигурации речевого тракта, называют формантами звука, поскольку именно они формируют акустический образ произносимого фрагмента. Для описания различий между гласными использовались две форманты: F1 и F2. Между артикуляционными и акустическими характеристиками существует связь, которую можно определить как зависимость частот формант от ряда, подъема и степени лабиализации. Специалисты по инструментальной фонетике полагают, что частота F1 связана с подъемом гласного: чем более открытый гласный, тем выше частота F1, чем более закрытый, тем она ниже; частота F2 связана с рядом гласного: чем более передним является гласный, тем выше частота F2, чем более задним, тем она ниже (см.: [Акустические характеристики; Потапова 2012: 34–41]).

3.3.2. Гласные фоностилистические переменные

В спонтанной речи идиш-немецких билингвов методами аудитивного и аудиторского анализа отмечены следующие изменения в области вокализма.

3.3.2.1. Краткие монофтонги

Как показал анализ, для кратких монофтонгов в спонтанной речи релевантны прежде всего интерференциальные субституции, связанные:

а) с качественно-количественными либо качественными/количественными изменениями – лабиализацией–делабиализацией или

сохранением места образования звука при сохранении или утрате нерелевантности признака «долгота–краткость», а также

б) с качественными изменениями – изменением степени подъема.

А. Качественно-количественные, качественные/количественные изменения

3.3.2.1.1. Лабиализация – делабиализация

1) Лабиализация – субституция /i/ → [y:]:

Во время эксперимента у всех трех групп информантов – представителей интересующих нас дискурсивных сообществ – наблюдался качественно-количественный переход нелабиального палатального гласного переднего ряда верхнего подъема /i/ в лабио-палатальный гласный переднего ряда верхнего подъема [y:] в инлауте, например:

(36) ид. פִּילן /'fɪln/ & нем. *fühlen* /'fy:lən/ ⊥ с.ид. פִּילן ['fy:ln] 'чувствовать'

(37) ид. טיר /'tɪr/ & нем. *Tür* /'ty:ɐ/ ⊥ с.ид. טיר ['ty:r] 'дверь'

На рисунке 3-1 представлены частоты формант F1 и F2 реализации субституции [i] → [y:].

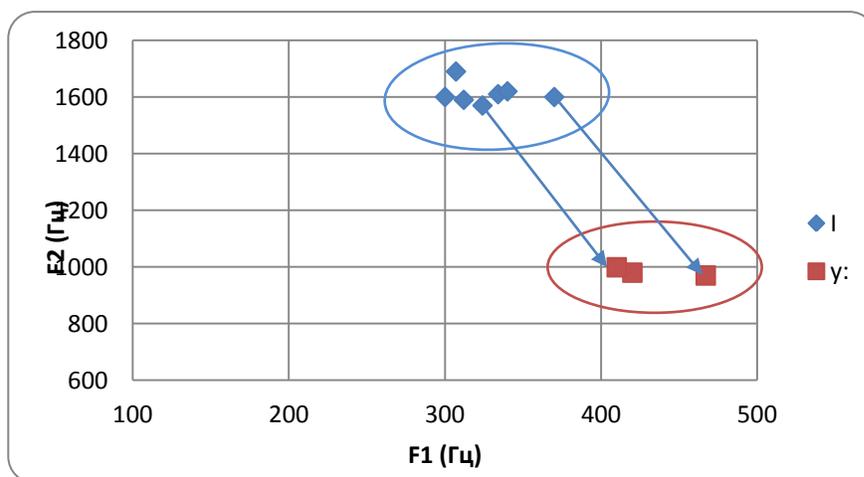

Рис. 3-1. Схема частот формант F1 и F2 реализации субституции /i/ → [y:] в спонтанной речи

В результате анализа схем частот формантов были установлены определенные переменные правила перехода /ɪ/ → [y:]. Фоностилистическая переменная в слове обуславливает выбор определенного аллофона/диафона и зависит от ситуации общения (официальная/неофициальная). Зафиксированные во время исследования числовые показатели реализации фоностилистической переменной могут служить переменными правилами реализации гласных и согласных в интерферированной немецкой фонетикой речи идиш-немецких билингвов на идише.

В таблице 3-13 приведены переменные правила реализации интерференциально обусловленной субституции /ɪ/ → [y:] в спонтанной речи.

Таблица 3-13. Переменные правила реализации фоностилистической переменной [ɪ] при субституции /ɪ/ → [y:]

Группа	Количество реализаций субституции		
	потенциальных	зафиксированных	
Представители религиозной общины	45	4	8,9 %
Студенты немецких университетов	45	14	31,2 %
Представители социокультурных сообществ	45	1	2,3 %
Всего	135	19	14,1 %

Как видно из таблицы, в ситуации спонтанной речи представителей социокультурных сообществ анализируемая субституция единична, а у представителей религиозной общины минимальна, в то время как у студентов реализация интерференциально обусловленной фоностилистической переменной составляет существенные 31,2 %.

2) Делабиализация – субституция /ɔ/ → [a] или [o:]

В произношении информантов был зафиксирован качественный переход лабиального краткого гласного заднего ряда среднего подъема /ɔ/ в нелабиальный краткий гласный среднего ряда нижнего подъема [a], в отдельных реализациях наблюдался количественный переход в долгий лабиальный гласный [o:] заднего ряда среднего подъема.

Схема частот формант F1 и F2 реализации субституции /ɔ/ → [a] или [o:] представлена на рисунке 3-2.

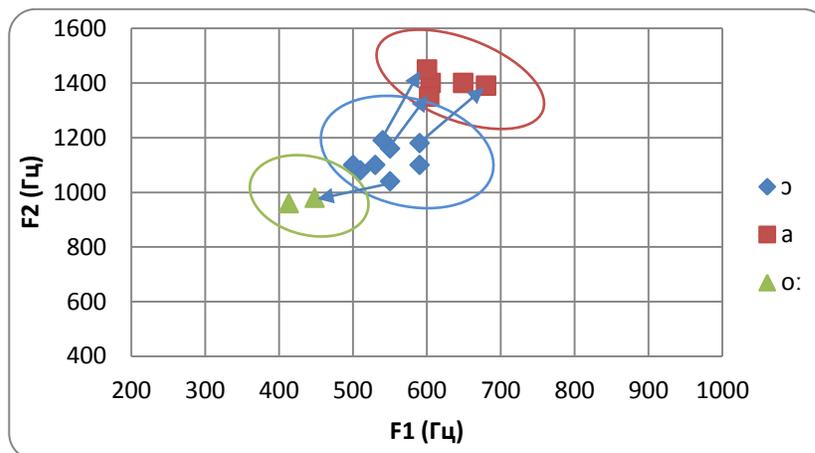

Рис 3-2. Схема частот формант F1 и F2 реализации субституции /ɔ/ → [a] или [o:] в спонтанной речи

Изменения гласного /ɔ/ были представлены двумя фоностилистическими переменными: [a] и [o:], интерферированными соответственно немецким стандартным и южно-немецким произношением, причем для одного и того же информанта данные переменные нередко чередовались даже на протяжении одного высказывания. Оба диафона – [a] и [o:] – наблюдались анлауте и инлауте, например:

(38) ид. אַרעם /'ɔ:rəm/ & нем. Arm и arm /'a:rm/ ⊥ с.ид. אַרעם ['a:rəm] или ['o:rəm] 'рука; бедный'

(39) ид. גאָרטן /'gɔrtɪn/ & нем. *Garten* /'gartən/ ⊥ с.ид. גאָרטן ['gartn] или ['go:rtɪn] 'сад'

В таблице 3-14 приведены переменные правила реализации анализируемой субституции в спонтанной речи.

Таблица 3-14. Переменные правила реализации фоностилистической переменной [ɔ] или [o:] при субституции /ɔ/ → [a] или [o:] в спонтанной речи

Группа	Количество реализаций субституции		
	потенциальных	зафиксированных	
Представители религиозной общины	45	11	24,5 %
Студенты немецких университетов	45	31	68,9 %
Представители социокультурных сообществ	45	14	31,2 %
Всего	135	56	41,5 %

Таблица показывает, что в произнесении представителей религиозной общины и социокультурных сообществ стандартный аллофон [ɔ] был отмечен в большинстве реализаций в данной позиции и стиле, а в группах студентов реализуется интерферировано обусловленная фоностилистическая переменная [a] или [o:].

Б. Качественные изменения

3.3.2.1.2. Изменение по признаку подъема

3) Субституция /ʊ/ → [ɔ]

В спонтанной речи представителей всех трех групп информантов был зафиксирован переход гласного заднего ряда верхнего подъема /ʊ/ в гласный заднего ряда среднего подъема [ɔ]. В артикуляции идиш-немецких билингвов

интерференциально обусловленная субституция /ʊ/ → [ɔ] была отмечена в интерконсонантном инлауте, например:

(40) ид. זון /'zɔn/ & нем. *Sohn* /'zo:n/ ⊥ с.ид. זון ['zɔn] 'сын'

(41) ид. זומער /'zumər/ & нем. *Sommer* /'zɔmɛr/ ⊥ с.ид. זומער ['zɔmər] 'лето'

Передвижения аллофонов [ʊ] и [ɔ], отраженные в частоте формант F1 и F2, изображены на рисунке 3-3.

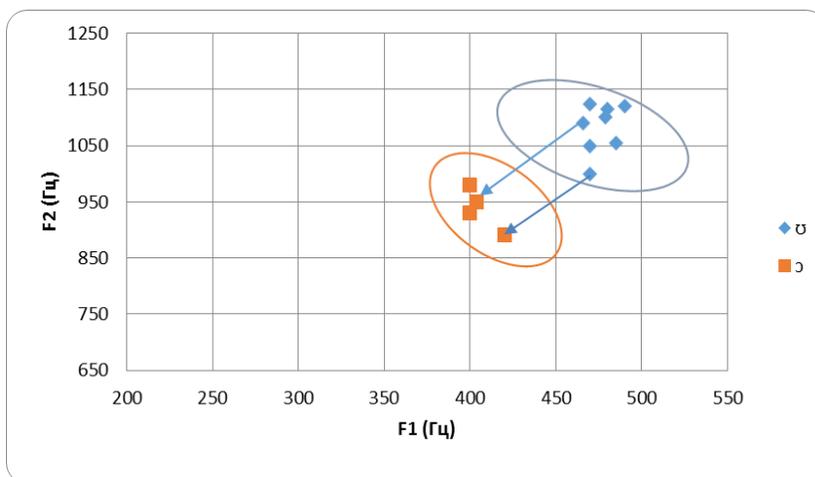

Рис. 3-3. Схема частот формант F1 и F2 реализации субституции /ʊ/ → [ɔ] в спонтанной речи

В таблице 3-15 приведены переменные правила реализации анализируемой субституции в спонтанной речи.

Таблица 3-15. Переменные правила реализации фоностилистической переменной [ʊ] при субституции /ʊ/ → [ɔ] в спонтанной речи

Группа	Количество реализаций субституции		
	потенциальных	зафиксированных	
Представители религиозной общины	45	9	20,0 %
Студенты немецких университетов	45	30	66,7 %
Представители социокультурных сообществ	45	8	17,8 %
Всего	135	47	34,9 %

Как видно из таблицы, средние показатели перехода /ʊ/ → [ɔ] в спонтанной речи одинаково минимальны у представителей религиозной общины и социокультурных сообществ, при этом в речи студентов анализируемая фоностилистическая переменная реализуется примерно в 3,5 раза чаще.

Сопоставление средних показателей реализации фоностилистической переменной (субституции /ʊ/ → [ɔ]) в подготовленной и спонтанной речи свидетельствует о незначительной роли данной фоностилистической переменной в создании стилистической вариативности речи у представителей религиозной общины и социокультурных сообществ и ее значительной роли в обоих стилях речи студентов немецких университетов.

4) Субституция /ɛ/ → [ɪ]

Палатальный гласный переднего ряда среднего подъема /ɛ/ реализовался информантами в качестве палатального гласного переднего ряда верхнего подъема [ɪ] в инлауте:

(42) ид. קערש /'kɛʁʃ/ & нем. *Kirsche* /'kɪʁʃə/ ⊥ с.ид. קערש ['kɪʁʃ] 'вишня'

(43) ид. פערציק /fɛʁtsɪk/ & нем. *vierzig* /fi:rʦɪç/ ⊥ с.ид. פערציק [fɪʁtsɪk] 'сорок'

Схема частот формант F1 и F2 реализации субституции /ɛ/ → [ɪ] изображена на рисунке 3-4.

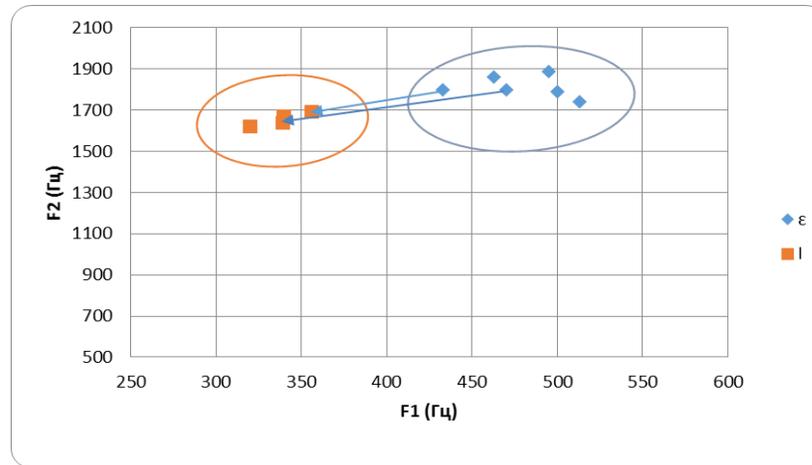

Рис. 3-4. Схема частот формант F1 и F2 реализации субституции /ε/ → [ɪ] в спонтанной речи

В таблице 3-16 приведены переменные правила реализации анализируемой субституции в спонтанной речи.

Таблица 3-16. Переменные правила реализации фоностилистической переменной [ɛ] при субституции /ε/ → [ɪ] в спонтанной речи

Группа	Количество реализаций субституции		
	потенциальных	зафиксированных	
Представители религиозной общины	45	11	24,5 %
Студенты немецких университетов	45	30	66,2 %
Представители социокультурных сообществ	45	10	22,3 %
Всего	135	51	37,8 %

Различия между показателями реализации субституции /ε/ → [ɪ] в спонтанной речи представителей религиозных общин и социокультурных сообществ были незначительными, а у студентов немецких университетов в 3 раза превышали количество реализаций анализируемой субституции у вышеназванных дискурсивных сообществ.

3.3.2.2. Дифтонги

Как показал анализ, дифтонги в спонтанной речи, сопровождаясь интерференциальными субституциями под влиянием немецкого произношения, как и в подготовленной речи, могут подвергаться:

а) качественно-количественному изменению – монофтонгизации в долгий гласный, а также качественному изменению – монофтонгизации в краткий гласный и

б) качественному изменению – переходить в другой дифтонг.

А. Качественно-количественные/качественные изменения

3.3.2.2.1. Монофтонгизация в долгий гласный

1) Субституция / $\widehat{\epsilon\imath}$ / → [ε:]

По результатам исследования спонтанной речи стандартный идишский дифтонг / $\widehat{\epsilon\imath}$ / был представлен в речи говорящих интерферированным – качественно и количественно измененным – долгим палатальным гласным переднего ряда среднего подъема [ε:], например:

(44) ид. $\imath\imath\imath\imath$ /'n $\widehat{\epsilon\imath}$ ən/ & нем. *nähen* /'nε:ən/ ⊥ с.ид. $\imath\imath\imath\imath$ ['nε:ən] 'шить'

(45) ид. $\imath\imath\imath\imath$ /'ts $\widehat{\epsilon\imath}$ ln/ & нем. *zählen* /'tsε:lən/ ⊥ с.ид. $\imath\imath\imath\imath$ ['tsε:ln] 'считать'

Частоты формант (F1 и F2) реализации интерференциально обусловленной субституции / $\widehat{\epsilon\imath}$ / → [ε:], которая отмечалась в инлауте, представлены на рисунке 3-5.

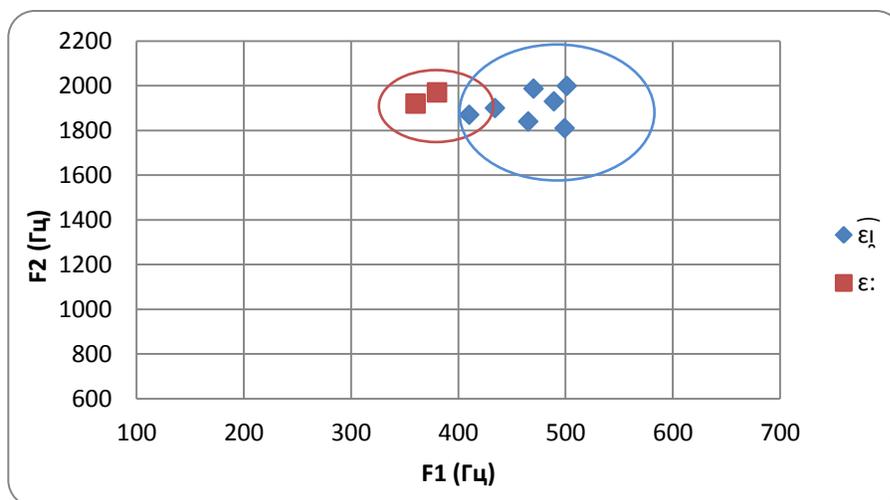

Рис. 3-5. Схема частот формант F1 и F2 реализации субституции $/\widehat{\epsilon\grave{}}/ \rightarrow [\epsilon:]$ в интервью

В таблице 3-17 приведены показатели субституции $/\widehat{\epsilon\grave{}}/ \rightarrow [\epsilon:]$ в ситуации спонтанной речи.

Таблица 3-17. Переменные правила реализации фоностилистической переменной $[\widehat{\epsilon\grave{}}]$ при субституции $/\widehat{\epsilon\grave{}}/ \rightarrow [\epsilon:]$ в спонтанной речи

Группа	Количество реализаций субституции		
	потенциальных	зафиксированных	
Представители религиозной общины	45	6	13,3 %
Студенты немецких университетов	45	11	24,4 %
Представители социокультурных сообществ	45	4	8,8 %
Всего	135	21	15,5 %

Различия между показателями реализации субституции $/\widehat{\epsilon i}/ \rightarrow [\epsilon:]$ в спонтанной речи представителей религиозных общин и социокультурных сообществ были, таким образом, незначительными, а у студентов немецких университетов почти вдвое и втрое превышали количество реализаций анализируемой субституции у вышеназванных дискурсивных сообществ соответственно.

2) Субституция $/\widehat{\epsilon i}/ \rightarrow [\emptyset:]$ или $[\epsilon]$

В произнесении информантов при спонтанной речи была зафиксирована монофтонгизация дифтонга $/\widehat{\epsilon i}/$ в долгий лабио-палатальный гласный переднего ряда среднего подъема $[\emptyset:]$ (качественно-количественное изменение) или краткий палатальный гласный переднего ряда среднего подъема $[\epsilon]$ (качественное изменение). Оба диафона – $[\emptyset:]$ и $[\epsilon]$ – были отмечены в инлауте, например:

(46) ид. פלייט $/\widehat{fl\epsilon i}t/$ & нем. *Flöte* $/\widehat{fl\emptyset:t\epsilon}/$ ⊥ с.ид. פלייט $[\widehat{fl\emptyset:t}]$ или $[\widehat{fl\epsilon t}]$
'флейта'

Монофтонгизация $/\widehat{\epsilon i}/$ была отмечена, таким образом, двумя диафонами, или фоностилистическими переменными, причем для одного и того же информанта данные переменные могут чередоваться даже на протяжении одного высказывания (см. частоты формант F1 и F2 реализации монофтонгизации $/\widehat{\epsilon i}/ \rightarrow [\emptyset:]$ или $[\epsilon]$ на рисунке 3-б).

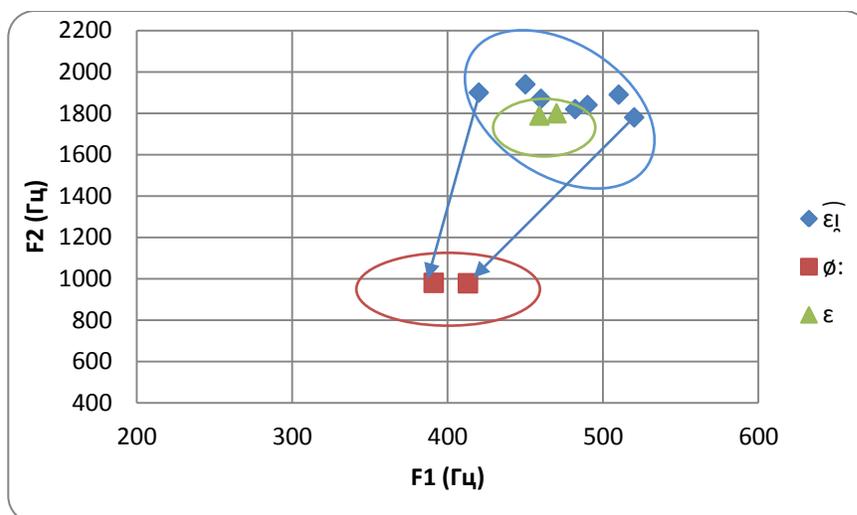

Рис. 3-6. Схема частот формант F1 и F2 реализации субституции

$/\widehat{\varepsilon}/ \rightarrow [\emptyset:]$ или $[\varepsilon]$ в спонтанной речи

В таблице 3-18 приводятся средние показатели реализации фоностилистической переменной (субституции $/\widehat{\varepsilon}/ \rightarrow [\emptyset:]$ или $[\varepsilon]$) в ситуации спонтанной речи.

Таблица 3-18. Переменные правила реализации фоностилистической переменной $[\widehat{\varepsilon}]$ при субституции $/\widehat{\varepsilon}/ \rightarrow [\emptyset:]$ или $[\varepsilon]$ в спонтанной речи

Группа	Количество реализаций субституции		
	потенциальных	зафиксированных	
Представители религиозной общины	45	3	6,7 %
Студенты немецких университетов	45	11	24,4 %
Представители социокультурных сообществ	45	3	6,7 %
Всего	135	22	16,3 %

Как видно из таблицы, средние показатели реализации фоностилистической переменной (субституции $/\widehat{\varepsilon}/ \rightarrow [\emptyset:]$ или $[\varepsilon]$) идентичны в речи представителей религиозной общины и социокультурных сообществ, в то время как у студентов немецких университетов этот показатель более чем в три с половиной раза выше.

3) Субституция $/\widehat{\omega}/ \rightarrow [o:]$

В спонтанной речи у информантов было зафиксировано качественно-количественное изменение – монофтонгизация дифтонга / \widehat{oi} / в долгий лабиальный гласный заднего ряда среднего подъема [o:], например:

(47) ид. געבוירן /gɛ'bo \widehat{ir} n/ & нем. *geboren* /gə'bo:rən/ ⊥ с.ид. געבוירן [gɛ'bo:rən] 'рожденный'

Частоты формант F1 и F2 реализации субституции / \widehat{oi} / → [o:] представлены на рисунке 3-7.

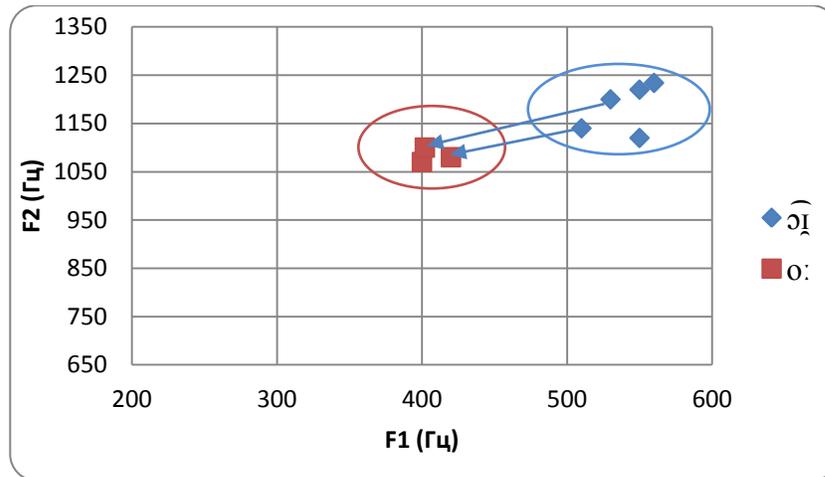

Рис. 3-7. Схема частот формант F1 и F2 реализации субституции / \widehat{oi} / → [o:] в спонтанной речи

В артикуляции идиш-немецких билингвов реализация фоностилистической переменной – субституции / \widehat{oi} / → [o:] – была зафиксирована в анлауте и инлауте:

(48) ид. אויוון /'o \widehat{iv} n/ & нем. *Ofen* /'o:fən/ ⊥ с.ид. אויוון ['o:vn] 'печь(ка)'

(49) ид. בוידעם /'bo \widehat{id} əm/ 'чердак' & нем. *Boden* /'bo:dən/ 'земля, почва' ⊥ с.ид. בוידעם ['bo:dəm] или ['bo:dn]

В таблице 3-19 приводятся средние показатели реализации фоностилистической переменной (субституции / \widehat{oi} / → [o:]) в ситуации спонтанной речи.

Таблица 3-19. Переменные правила реализации фоностилистической переменной [ɔ̃] при субституции /ɔ̃/ → [o:] в спонтанной речи

Группа	Количество реализаций субституции		
	потенциальных	зафиксированных	
Представители религиозной общины	45	4	8,8 %
Студенты немецких университетов	45	13	28,8 %
Представители социокультурных сообществ	45	3	6,6 %
Всего	135	21	15,5 %

Различия в реализации данной фоностилистической переменной в речи представителей религиозной общины и социокультурных сообществ были незначительными.

Б. Качественные изменения

3.3.2.2.2. Переход в другой дифтонг

4) Субституция /ã/ → [ɔ̃]

Дифтонг /ã/ – это нисходящий дифтонг с нелабиализованным гласным среднего ряда нижнего подъема /a/, который, как показал анализ результатов эксперимента, в спонтанной речи ввиду немецкой интерференции может реализоваться как лабиальный гласный заднего ряда среднего подъема [ɔ]. Второй элемент дифтонга /ã/ переходит в нелабиализованный палатальный гласный переднего ряда верхнего подъема [ɪ] (см. передвижения аллофонов/диафонов, отраженные в частоте формант F1 и F2 на Рисунке 3-8).

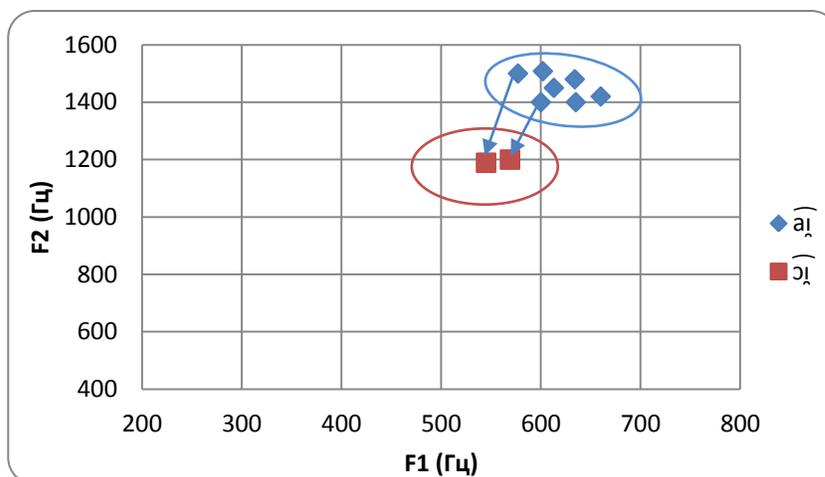

Рис. 3-8. Схема частот формант F1 и F2 реализации субституции /aɪ/ → [ɔɪ] в спонтанной речи

Субституция /aɪ/ → [ɔɪ] была отмечена в инлауте, например:

(50) ид. פייער /'faɪər/ & нем. Feuer /'fɔɪər/ ⊥ с.ид. פייער ['fɔɪər] 'огонь'

В таблице 3-20 приводятся величины реализации субституции /aɪ/ → [ɔɪ] в спонтанной речи.

Таблица 3-20. Переменные правила реализации фоностилистической переменной [aɪ] при субституции /aɪ/ → [ɔɪ] в спонтанной речи

Группа	Количество реализаций субституции		
	потенциальных	зафиксированных	
Представители религиозной общины	45	3	6,6 %
Студенты немецких университетов	45	10	22,2 %
Представители социокультурных сообществ	45	0	0 %
Всего	135	13	9,6 %

В данном случае в речи представителей религиозной общины и социокультурных сообществ, в отличие от студентов немецких университетов, также прослеживается тенденция к сохранению стандартного дифтонга /aɪ/ в спонтанной речи.

5) Субституция /ɔɪ/ → [aʊ]

В спонтанной речи у информантов был зафиксирован как стандартный дифтонг / $\widehat{a\bar{u}}$ /, так и интерферированный [$\widehat{a\bar{u}}$], частоты формант F1 и F2, реализации которых (субституция / $\widehat{a\bar{u}}$ / → [$\widehat{a\bar{u}}$]) представлены на рисунке 3-9.

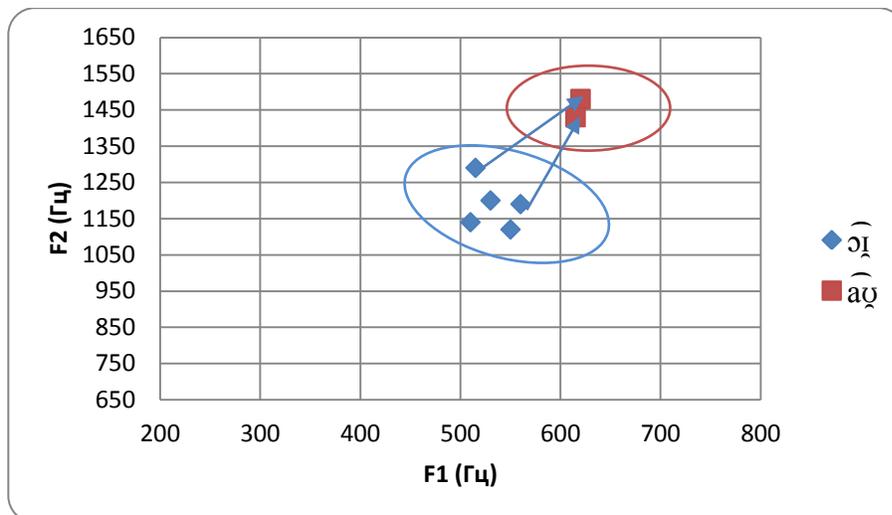

Рис. 3-9. Схема частот формант F1 и F2 реализации субституции / $\widehat{a\bar{u}}$ / → [$\widehat{a\bar{u}}$] в спонтанной речи

Субституция / $\widehat{a\bar{u}}$ / → [$\widehat{a\bar{u}}$] была отмечена в анлауте, инлауте и ауслауте, например:

(51) ид. אויף / $\widehat{a\bar{u}}f$ / & нем. *auf* / $\widehat{a\bar{u}}f$ / ⊥ с.ид. אויף [$\widehat{a\bar{u}}f$] 'на'

(52) ид. בוים / $\widehat{b\bar{a\bar{u}}m}$ / & нем. *Baum* / $\widehat{b\bar{a\bar{u}}m}$ / ⊥ с.ид. בוים [$\widehat{b\bar{a\bar{u}}m}$] 'дерево'

(53) ид. פרוי / $\widehat{fr\bar{a\bar{u}}}$ / & нем. *Frau* / $\widehat{fr\bar{a\bar{u}}}$ / ⊥ с.ид. פרוי [$\widehat{fr\bar{a\bar{u}}}$] 'жен(щин)а'

В таблице 3-21 приводятся переменные правила реализации субституции / $\widehat{a\bar{u}}$ / → [$\widehat{a\bar{u}}$] в спонтанной речи.

Таблица 3-21. Переменные правила реализации фоностилистической переменной [ʁ̥] при субституции /ʁ̥/ → [aʁ̥] в спонтанной речи

Группа	Количество реализаций субституции		
	потенциальных	зафиксированных	
Представители религиозной общины	45	2	4,4 %
Студенты немецких университетов	45	11	24,4 %
Представители социокультурных сообществ	45	0	0 %
Всего	135	10	7,4 %

В ситуации спонтанной речи средний показатель субституции /ʁ̥/ → [aʁ̥] составил, таким образом, 7,4 %.

3.3.3. Согласные фоностилистические переменные

При спонтанной речи в области консонантизма были отмечены такие же изменения, как и в речи подготовленной. Перед аудиторами также была поставлена задача прослушать представленные аудиозаписи и отметить те реализации, в которых, по их мнению, имеются изменения в произнесении согласных, т. е. фоностилистические переменные, не соответствующие кодифицированной норме стандартного идиша.

3.3.3.1. Изменение места образования

1) Переход глухого альвео-палатального фрикативного согласного /ʃ/ в глухой альвеолярный фрикативный [s] в инлауте перед [r] – субституция /ʃ/ → [s]:

(54) ид. וורשט /'vʊʁʃt/ & нем. *Wurst* /'vʊʁst/ ⊥ с.ид. וורשט ['vʊʁst] 'колбаса'

Количественные параметры вариативности субституции /ʃ/ → [s] определялись на основе случайной выборки из 3 текстов спонтанной речи респондентов каждой группы (по 45 случаев встречаемости субституции /ʃ/ → [s]), данные которой представлены в таблице 3-22.

Таблица 3-22. Переменные правила реализации фоностилистической переменной [ʃ] при субституции /ʃ/ → [s] в спонтанной речи

Группа	Количество реализаций субституции		
	потенциальных	зафиксированных	
Представители религиозной общины	45	8	18,0 %
Студенты немецких университетов	45	14	31,2 %
Представители социокультурных сообществ	45	5	11,1 %
Всего	135	27	20,0 %

В ситуации спонтанной речи средний показатель субституции /ʃ/ → [s] составил, таким образом, 20 %.

2) Переход неслогового лабио-лабиального назально-сонорного согласного /m/ в дентальный назально-сонорный [n]: слоговой в абсолютном ауслaute и неслоговой в ауслaute морфемы после гласного – субституция /m/ → [n]:

(55) ид. פּאָדעם /'fɔdɐm/ & нем. *Faden* /'fa:dən/ ⊥ с.ид. פּאָדנ ['fɔdn] 'нить'

(56) ид. אומגלייך ['ʊm,glaiχ] & нем. *ungleich* ['ʊn,glaiç] ⊥ с.ид. אומגלייך ['ʊn,glaiχ] 'неравный'

Распределение реализации переменной /m/ представлено в таблице 3-23.

Таблица 3-23. Переменные правила реализации фоностилистической переменной [m] при субституции /m/ → [n] в спонтанной речи

Группа	Количество реализаций субституции		
	потенциальных	зафиксированных	
Представители религиозной общины	45	2	4,4 %
Студенты немецких университетов	45	5	11,1%
Представители социокультурных сообществ	45	2	4,4 %
Всего	135	13	10,7 %

Количественные показатели анализируемой субституции были идентичны в реализации представителями религиозной общины и социокультурных сообществ и в целом незначительны для представителей всех дискурсивных сообществ.

3.3.3.2. Аффрикатизация и деаффрикатизация

3) Аффрикатизация глухого лабио-дентального фрикативного /f/ в анлауте и ауслауте – субституция /f/ → [pf]:

(57) ид. פערד /'ferd/ & нем. Pferd /'pfe:ɐt/ ⊥ с.ид. פערד ['pferd] 'лошадь'

(58) ид. פּאָט ['tɔp] & нем. Topf ['tɔpf] ⊥ с.ид. פּאָט ['tɔpf] 'горшок, кастрюля'

Распределение реализации переменной /f/ представлено в таблице 3-24.

Таблица 3-24. Переменные правила реализации фоностилистической переменной [f] при субституции /f/ → [pf] в спонтанной речи

Группа	Количество реализаций субституции		
	потенциальных	зафиксированных	
Представители религиозной общины	45	3	7,6 %
Студенты немецких университетов	45	5	11,1 %
Представители социокультурных сообществ	45	1	2,2 %
Всего	135	9	7,6 %

Расхождение средних показателей аффрикации /f/ → [pf] в речи представителей трех дискурсивных сообществ в количественном отношении весьма несущественно, но наименьший показатель – у представителей социокультурных сообществ.

4) Деаффрикатизация /tʃ/ глухим альвео-палатальным ффрикативным [ʃ] в абсолютном ауслауте или ауслауте корня после [n] – субституция /tʃ/ → [ʃ]:

(59) ид. (ען)שנטעמ /'mɛntʃ(ɛn)/ & нем. *Mensch(en)* /'mɛnʃ(ɛn)/ ⊥ с.ид. (ען)שנטעמ /'mɛnʃ(ɛn)/ 'человек (люди)'

Распределение реализации переменной [tʃ] представлено в таблице 3-25.

Таблица 3-25. Переменные правила реализации фоностилистической переменной [tʃ] при субституции /tʃ/ → [ʃ] в спонтанной речи

Группа	Количество реализаций субституции		
	потенциальных	зафиксированных	
Представители религиозной общины	45	4	9,8 %
Студенты немецких университетов	45	20	44,4 %
Представители социокультурных сообществ	45	3	7,6 %
Всего	135	27	20,0 %

Средний показатель деаффрикации /tʃ/ → [ʃ] в ситуации спонтанной речи составил 20,0 %.

5) Деаффрикатизация /dʒ/ глухим альвеолярным ффрикативным [s] в абсолютном ауслауте и звонким альвеолярным ффрикативным [z] в ауслауте корня – субституция /dʒ/ → [s] или [z]:

(60) ид. גאַנדז [ˈgandʒ] & нем. *Gans* [ˈgans] ⊥ с.ид. גאַנז [ˈgans] 'гусь'

(61) ид. אונדזער [ˈundʒɛr] & нем. *unser* [ˈʊnzɛr] ⊥ с.ид. אונזער [ˈʊnzɛr] 'наш'

Распределение реализации переменной $[\widehat{dz}]$ представлено в таблице 3-26.

Таблица 3-26. Переменные правила реализации фоностилистической переменной $[\widehat{dz}]$ при субституции $/\widehat{dz}/ \rightarrow [s]$ или $[z]$ в спонтанной речи

Группа	Количество реализаций субституции		
	потенциальных	зафиксированных	
Представители религиозной общины	45	4	9,9 %
Студенты немецких университетов	45	6	13,3 %
Представители социокультурных сообществ	45	1	2,2 %
Всего	135	11	8,1 %

Случаи деаффрикатизации $/\widehat{dz}/ \rightarrow [s]$ или $[z]$ отмечаются, таким образом, преимущественно в речи студентов.

3.3.3.3. Озвончение

б) Озвончение глухого дентального окклюзивно-фрикативного /t/ в анлауте, в том числе анлауте корня. – субституция /t/ \rightarrow [d]:

(62) ид. באַדאַיטן /ba'ta \widehat{it} n/ & нем. *bedeuten* /bə'dɔ \widehat{it} ən/ \perp с.ид. באַדאַיטן [ba'da \widehat{it} n] 'означать'

Данные по реализации анализируемой переменной представлены в таблице 3-27.

Таблица 3-27. Переменные правила реализации фоностилистической переменной [t] при субституции /t/ \rightarrow [d] в спонтанной речи

Группа	Количество реализаций субституции		
	потенциальных	зафиксированных	
Представители религиозной общины	45	4	8,9 %
Студенты немецких университетов	45	7	16,5 %
Представители социокультурных сообществ	45	4	8,9 %
Всего	135	15	11,1 %

Случаи озвончения /t/ → [d] отмечаются преимущественно в речи студентов.

3.4. Сопоставление реализаций фоностилистических переменных в подготовленной и спонтанной речи

В данном подразделе в форме графиков даются сопоставления реализаций интерференциально обусловленных фоностилистических переменных (субституций) идиш-немецкими билингвами в подготовленной и спонтанной речи на идише.

3.4.1. Гласные

3.4.1.1. Фоностилистические переменные гласного монофтонга /ɪ/ → [y:]

Стилистическая вариативность данной переменной почти полностью отсутствовала в произнесении представителей религиозной общины и социокультурных сообществ. Сопоставление средних показателей данной субституции свидетельствует о незначительной роли этой фоностилистической переменной в создании стилистической вариативности подготовленной и спонтанной речи всех трех групп информантов.

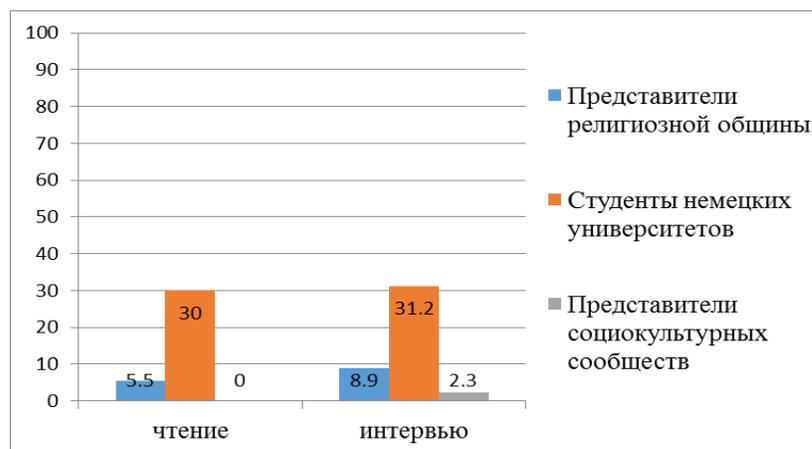

Рис. 3-10. Сопоставление реализации субституций /ɪ/ → [y:] в подготовленной и спонтанной речи (%)

3.4.1.2. Фоностилистические переменные гласных монофтонгов

/ɔ/ → [a] или [o:], /ʊ/ → [ɔ], /ɛ/ → [ɪ]

Сопоставление средних показателей реализации данных фоностилистических переменных свидетельствует о незначительной роли данных фоностилистических переменных в создании стилистической вариативности подготовленной и спонтанной речи у представителей религиозной общины и социокультурных сообществ и значительной – в обоих типах речи студентов немецких университетов.

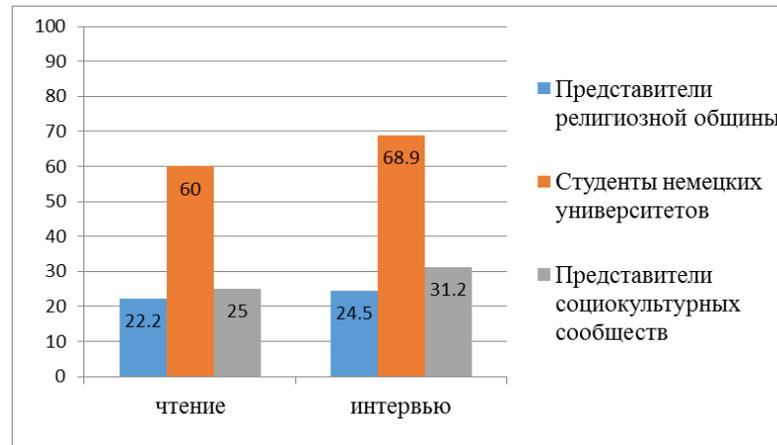

Рис. 3-11. Сопоставление реализации субституций /ɔ/ → [a] или [o:] в подготовленной и спонтанной речи (%)

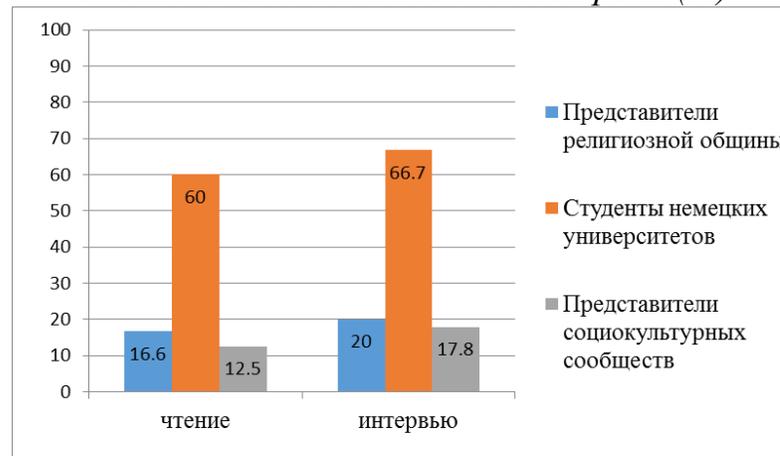

Рис. 3-12. Сопоставление реализации субституций /ʊ/ → [ɔ] в подготовленной и спонтанной речи (%)

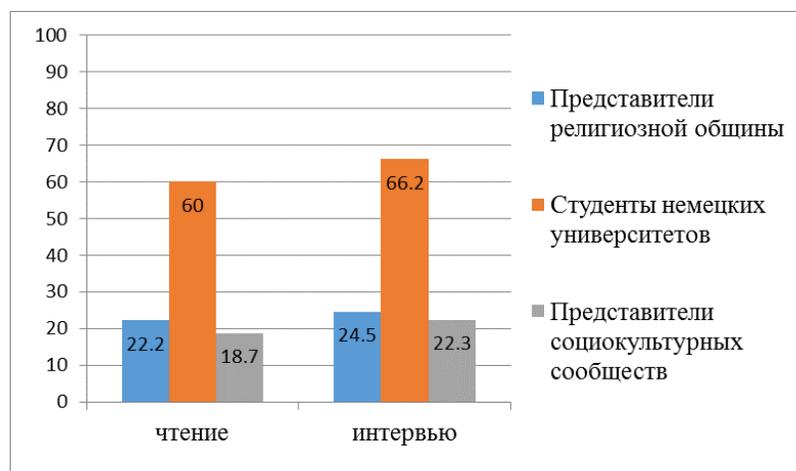

Рис. 3-13. Сопоставление реализации субституции /ɛ/ → [ɪ] в подготовленной и спонтанной речи

3.4.1.3. Фоностилистические переменные дифтонгов /aɪ/ → [ɔɪ], /ɔɪ/ → [aɔ], /ɛɪ/ → [ɛ:], /ɛɪ/ → [ø:], /ɔɪ/ → [o:]

Сопоставление реализации данных фоностилистических переменных при подготовленной и спонтанной речи позволяет сделать вывод, что средние показатели реализаций свидетельствуют об их незначительной роли в создании стилистической вариативности подготовленной и спонтанной речи у всех трех групп информантов, особенно у представителей религиозной общины и социокультурных сообществ. При этом незначительная фоностилистическая вариативность наблюдалась, однако, в речи студентов.

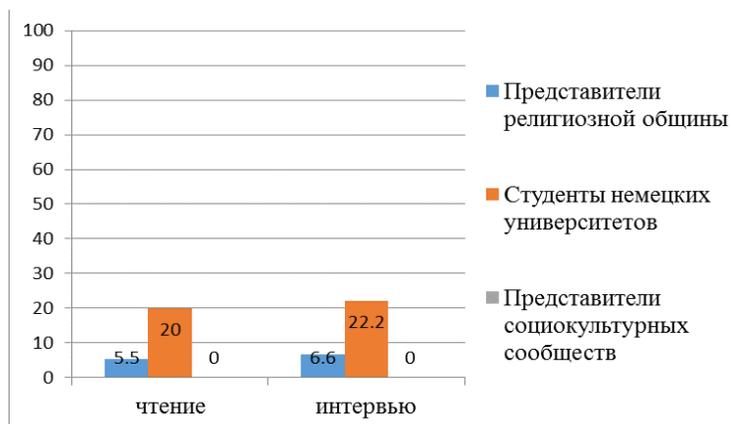

Рис. 3-14. Сопоставление реализации субституций /â/ → [ɔ̂] в подготовленной и спонтанной речи (%)

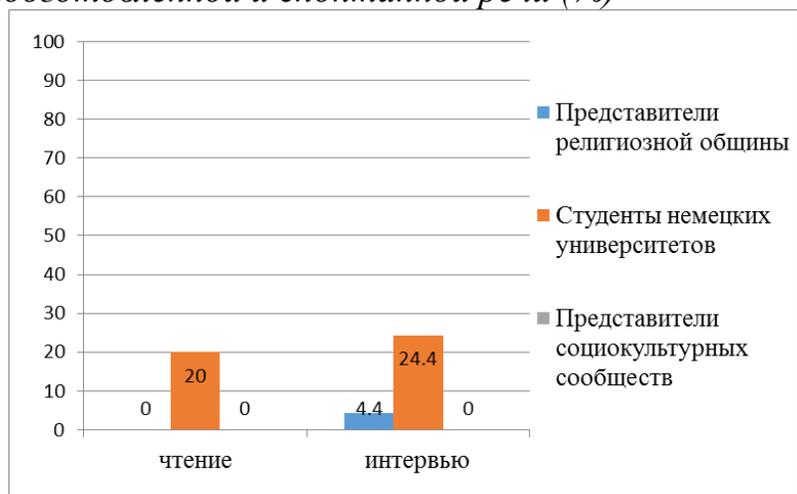

Рис. 3-15. Сопоставление реализации субституций /ɔ̂/ → [â] в подготовленной и спонтанной речи (%)

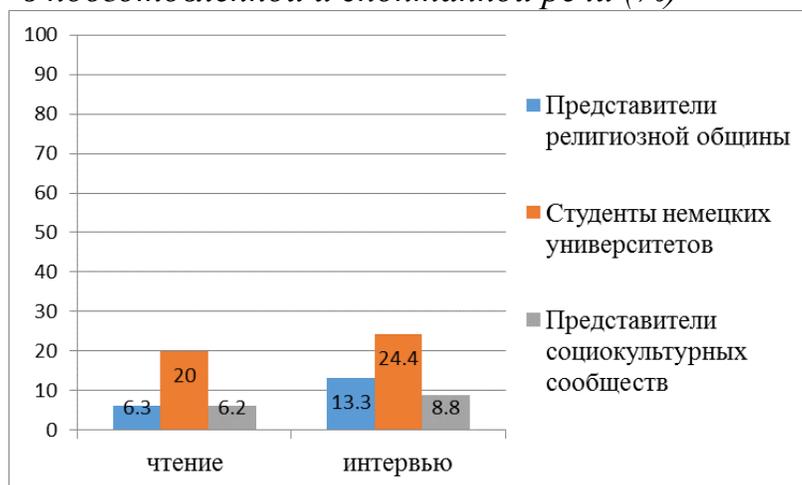

Рис. 3-16. Сопоставление реализации субституции /ε̂/ → [ε:] в подготовленной и спонтанной речи (%)

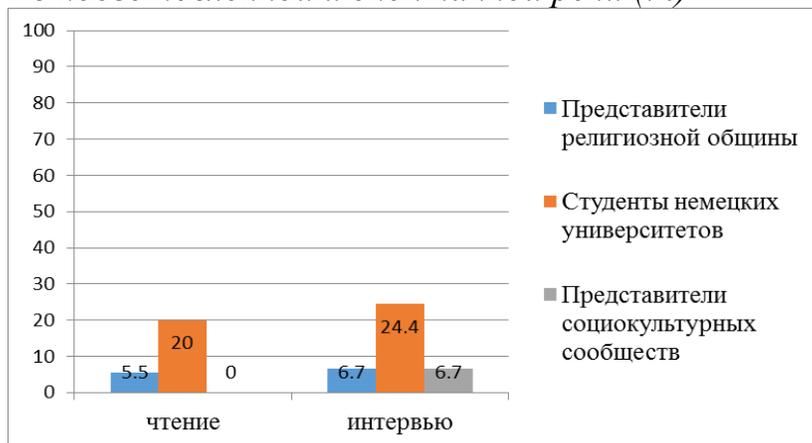

Рис. 3-17. Сопоставление реализации субституции /ε̂/ → [ø:] или [ε] в подготовленной и спонтанной речи (%)

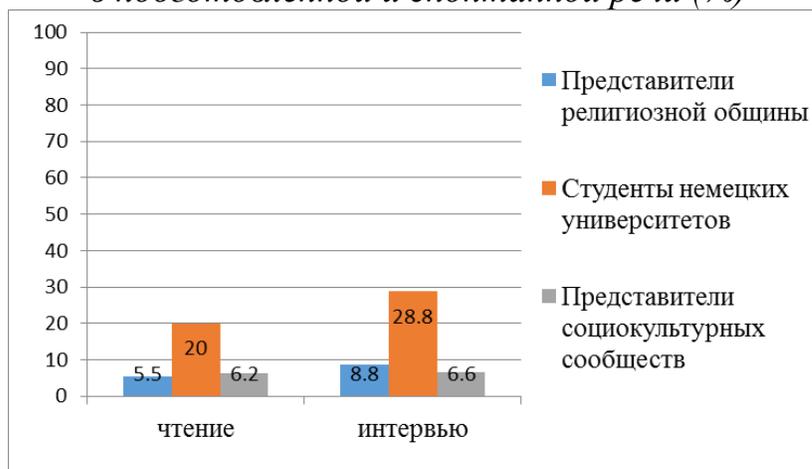

Рис. 3-18. Сопоставление реализации субституции /ɔ̂/ → [o:] в подготовленной и спонтанной речи (%)

3.4.1.4. Сравнительная репрезентация средней частоты реализации гласных монофтонгов и дифтонгов

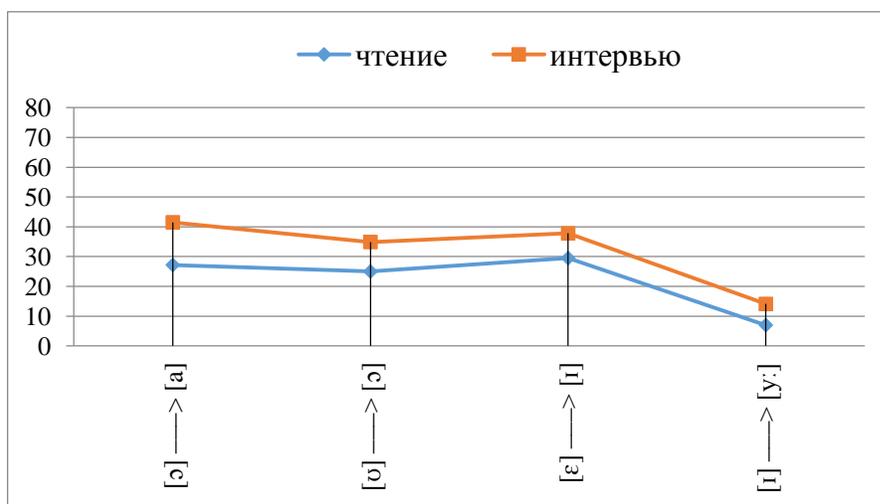

Рис. 3-19. Сравнительная репрезентация средней частоты нормативной реализации аллофонов гласных монофтонгов в подготовленной и спонтанной речи (%)

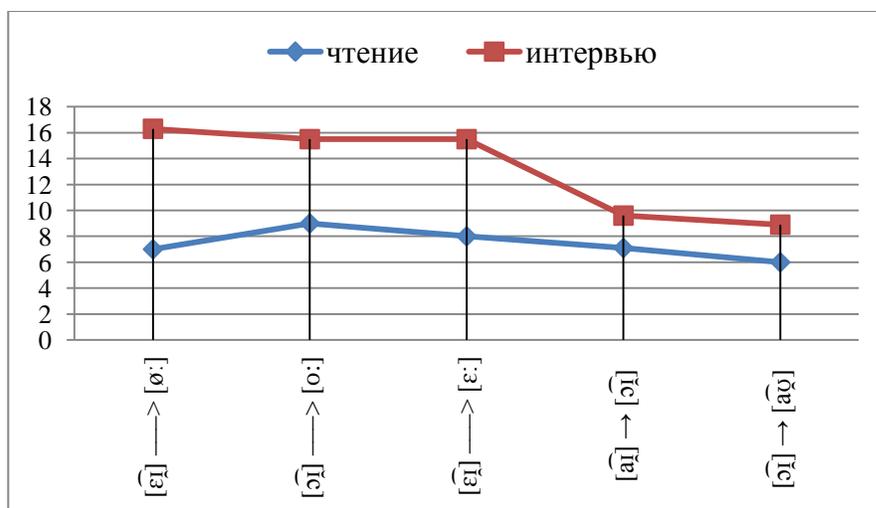

Рис. 3-20. Сравнительная репрезентация средней частоты реализации диафонов дифтонгов в подготовленной и спонтанной речи (%)

3.4.2. Согласные

3.4.2.1. Фоностилистические переменные согласной /ʃ/ → [s]

Сопоставление средних показателей реализации данной фоностилистической переменной свидетельствует о ее незначительной роли в создании стилистической вариативности подготовленной и спонтанной речи представителей религиозной общины и социокультурных сообществ.

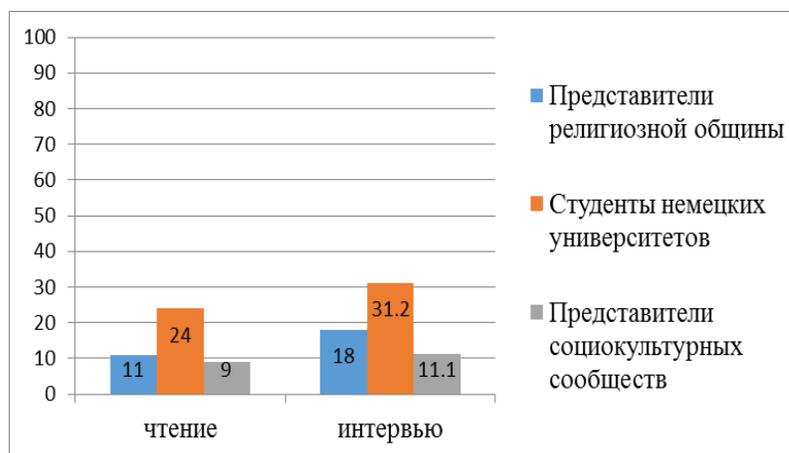

Рис. 3-21. Сопоставление реализации субституции /ʃ/ → [s] в подготовленной и спонтанной речи (%)

3.4.2.2. Фоностилистические переменные согласных /m/ → [n], /f/ → [pf], /dz/ → [s] или [z], /t/ → [d]

Сопоставление средних показателей реализации данных фоностилистических переменных в подготовленной и спонтанной речи свидетельствует об их незначительной роли в создании стилистической вариативности произношения идиш-немецких билингвов всех трех дискурсивных сообществ и полном или практически полном отсутствии таковой в речи представителей социокультурных сообществ и религиозной общины.

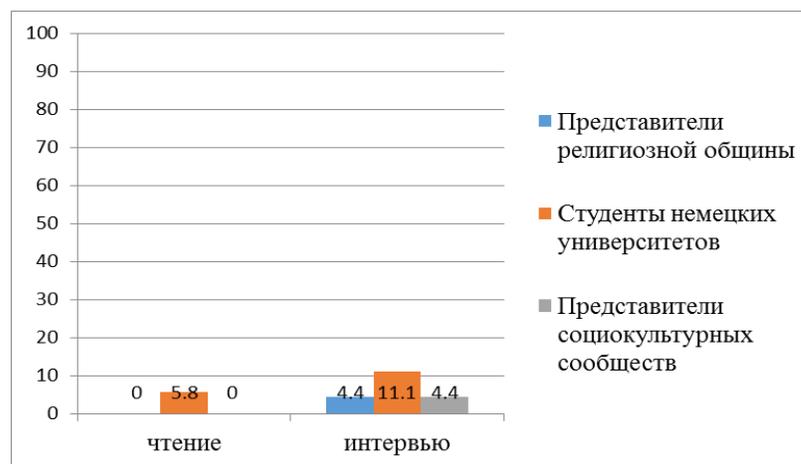

Рис. 3-22. Сопоставление реализации субституции /m/ → [n] в подготовленной и спонтанной речи (%)

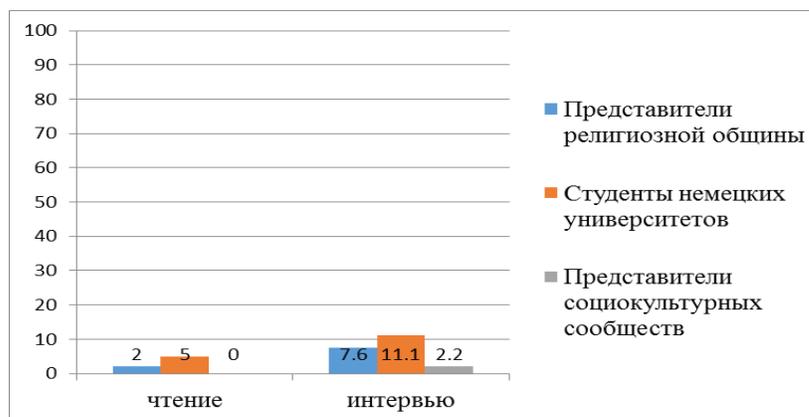

Рис. 3-23. Сопоставление реализации субституции /f/ → [pf] в подготовленной и спонтанной речи (%)

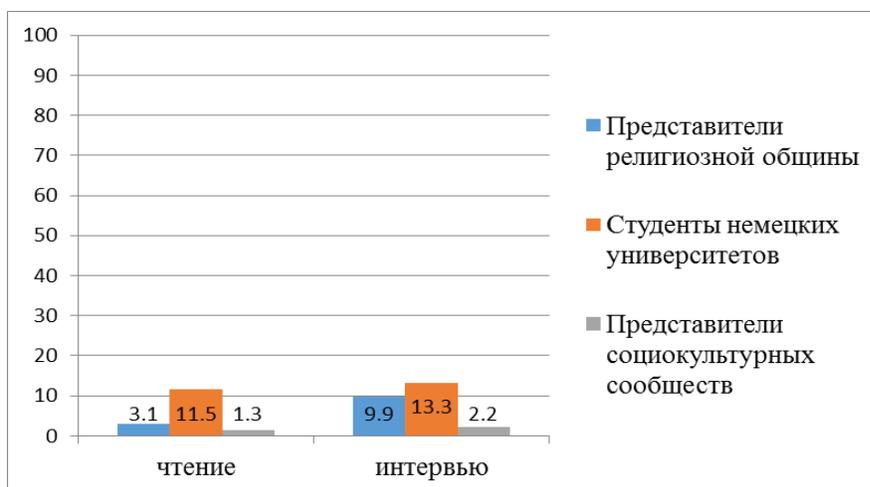

Рис. 3-24. Сопоставление реализации субституции $\widehat{dz} \rightarrow [s]$ или $[z]$ в подготовленной и спонтанной речи (%)

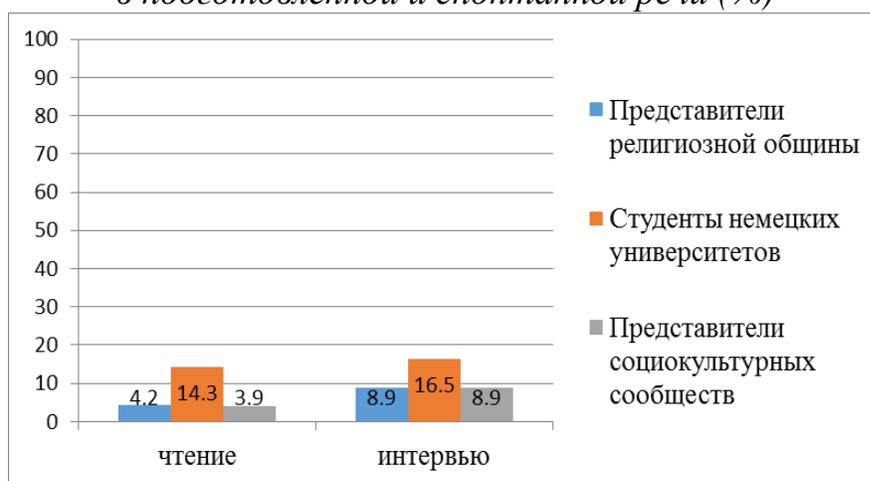

Рис. 3-25. Сопоставление реализации субституции $t \rightarrow [d]$ в подготовленной и спонтанной речи (%)

3.4.2.3. Фоностилистические переменные согласной $\widehat{tʃ} \rightarrow [ʃ]$

Сопоставление средних показателей реализации данной фоностилистической переменной свидетельствует о ее значительной роли в создании стилистической вариативности подготовленной и спонтанной речи студентов, в отличие от представителей религиозной общины и социокультурных сообществ.

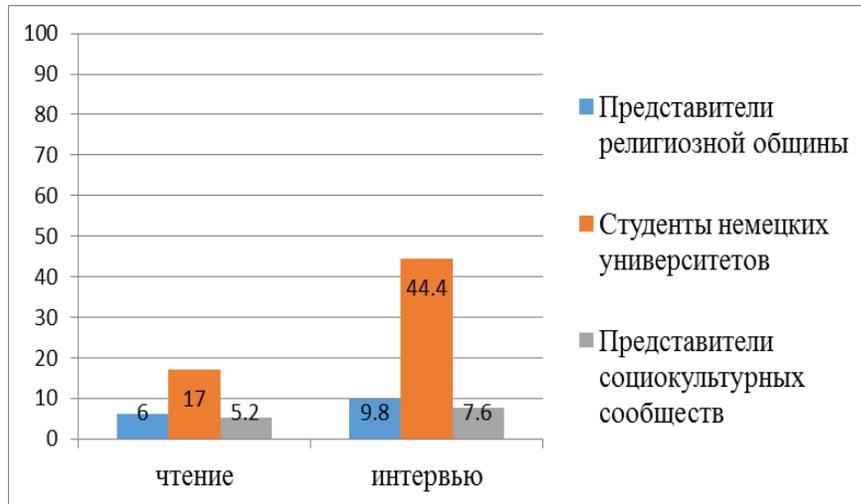

Рис. 3-26. Сопоставление реализации субституции /tʃ/ → [ʃ] в подготовленной и спонтанной речи (%)

3.4.2.4. Сравнительная репрезентация средней частоты реализации согласных и аффрикат

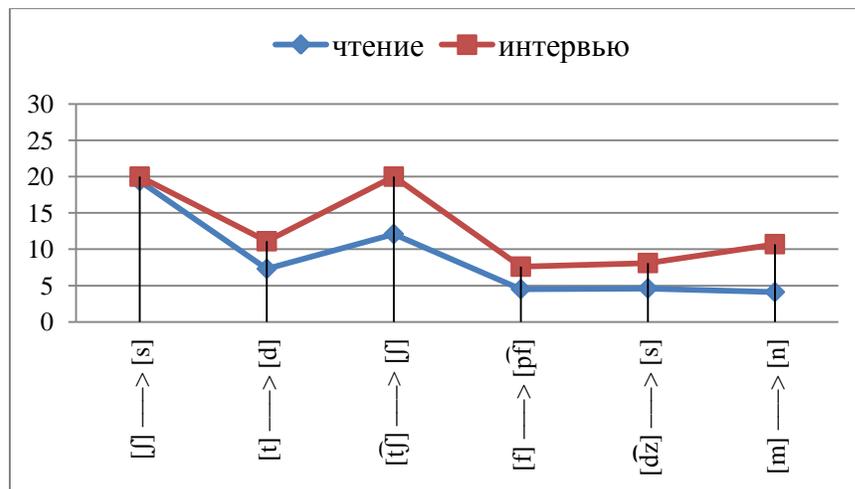

Рис. 3-27. Сравнительная репрезентация средней частоты нормативной реализации согласных в подготовленной и спонтанной речи (%)

Полученные данные реализации гласных и согласных фоностилистических переменных указывают на то, что речь представителей религиозной общины и социокультурных сообществ в целом соответствует требованиям стандартной нормы произношения на идише как в

подготовленной, так и в спонтанной речи, в отличие от речи студентов немецких университетов.

Таким образом, при подготовленной и спонтанной речи на идише идиш-немецкие билингвы прибегают:

а) как к стандартному идишскому произношению гласных и согласных, которое представлено в большинстве реализаций у представителей религиозной общины и социокультурных сообществ,

б) так и к социолектным вариантам, представленным фоностилистическими переменными, – преимущественно у студентов немецких университетов.

При этом анализ акцентных предпочтений идиш-немецких билингвов свидетельствует о том, что информанты используют весь диапазон вариативности фоностилистических переменных для создания стиля речи, соответствующего конкретной коммуникативной ситуации.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

1. Анализ обусловленных интерференциальным влиянием немецкого языка фоностилистических переменных в подготовленной и спонтанной речи идиш-немецких билингвов на идише продемонстрировал существенные позиционные различия реализации гласных и согласных в произнесении различными группами информантов. При всех отличиях в социальных характеристиках представителей сообщества идиш-немецких говорящих и принадлежности информантов к разным дискурсивным сообществам они используют идиом, который следует определить как современный социолект языка идиш.

2. При проведении аудитивного анализа спонтанной речи идиш-немецких билингвов согласные фоностилистические переменные

определялись довольно четко, в отличие от фоностилистических переменных гласных, которые были представлены различными вариантами в речи разных информантов, в связи с чем была дополнительно проведена процедура инструментального анализа.

3. В ходе эксперимента требовалось установить, имеется ли сколько-нибудь значительная фоностилистическая вариативность идиша в речи идиш-немецких билингвов и насколько этот вид вариативности обусловлен социальными факторами и спецификой ситуации общения.

4. Основная единица исследования – фоностилистическая переменная, то есть интерференциально и функционально-стилистически обусловленный диафон, реализующийся в речи билингва или коллектива билингвов в результате субституции аллофона диафоном/диафонами. Фоностилистическая переменная представляет собой расхождение, обусловленное интерференциальным влиянием немецкой фонетики на речь идиш-немецких билингвов в сравнении с абстрактным произносительным стандартом идиша.

5. В подготовленной речи идиш-немецких билингвов с помощью методов аудитивного и аудиторского анализа были отмечены следующие изменения в области вокализма и консонантизма:

а) краткие монофтонги, сопровождаясь интерференциальными субституциями под влиянием немецкого произношения, могут подвергаться:

- количественным изменениям – интерференциально уподобляться немецким долгим гласным;

- количественным изменениям: лабиализации – делабиализации, изменению степени подъема;

- одновременно количественным и качественным изменениям;

б) дифтонги, сопровождаясь интерференциальными субституциями под влиянием немецкого произношения, могут подвергаться качественным и качественно-количественным изменениям:

- монофтонгизации в долгий гласный;
- переходу в другой дифтонг;

в) согласные, сопровождаясь интерференциальными субституциями под влиянием немецкого произношения, могут подвергаться качественным изменениям:

- изменять место образования;
- подвергаться аффрикатизации или деаффрикатизации;
- подвергаться озвончению.

6. При подготовленной речи идиш-немецкие билингвы прибегают как к стандартному идишскому произношению согласных, которое представлено в большинстве реализаций, так и – в меньшей мере – к социолектным вариантам, представленным фоностилистическими переменными. При этом анализ акцентных предпочтений идиш-немецких билингвов свидетельствует о том, что информанты используют весь диапазон вариативности фоностилистических переменных для создания стиля речи, соответствующего конкретной коммуникативной ситуации.

7. Для описания различий между гласными использовались две форманты – F1 и F2: между артикуляционными и акустическими характеристиками существует связь, которую можно определить как зависимость частот формант от ряда, подъема и степени лабиализации.

8. В спонтанной речи идиш-немецких билингвов методами аудитивного и аудиторского анализа отмечены следующие изменения в области вокализма и консонантизма:

а) для кратких монофтонгов релевантны прежде всего интерференциальные субституции, связанные:

- с лабиализацией – делабиализацией или сохранением места образования звука при сохранении или утрате релевантности признака «долгота – краткость»;

- с изменением степени подъема.

б) дифтонги, сопровождаясь интерференциальными субституциями под влиянием немецкого произношения, как и при подготовленной речи, могут:

- подвергаться монофтонгизации в долгий гласный;

- переходить в другой дифтонг;

в) в области консонантизма отмечены такие же изменения, что и при подготовленной речи:

- изменение места образования;

- аффрикатизация и деаффрикатизация;

- озвончение.

9. Сопоставление реализаций фоностилистических переменных в подготовленной и спонтанной речи показало следующее:

а) стилистическая вариативность нерелевантна в произнесении информантами всех трех дискурсивных сообществ (представителей религиозной общины, социокультурных сообществ и студентов немецких университетов) только гласного монофтонга /ɪ/ → [y:];

б) стилистическая вариативность релевантна в произнесении только студентами немецких университетов:

- гласных монофтонгов: /ɔ/ → [a] или [o:], /ʊ/ → [ɔ], /ɛ/ → [ɪ], /ã/ → [ɔ̃], /ɔ̃/ → [ã], /ɛ̃/ → [ɛ:], /ɛ̃/ → [ø:] или [ɛ], /ɔ̃/ → [o:];

- согласных: /ʃ/ → [s], /m/ → [n], /f/ → [pf], /dz/ → [s] или [z], /t/ → [d], /tʃ/ → [ʃ];

в) в целом, в подготовленной и спонтанной речи на идише идиш-немецкие билингвы прибегают:

- как к стандартному идишскому произношению гласных и согласных, которое представлено в большинстве реализаций у представителей религиозной общины и социокультурных сообществ,

- так и к социолектным вариантам, представленным фоностилистическими переменными преимущественно у студентов немецких университетов;

- при этом анализ акцентных предпочтений идиш-немецких билингвов свидетельствует о том, что информанты используют весь диапазон вариативности фоностилистических переменных для создания стиля речи, соответствующего конкретной коммуникативной ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ некоторых аспектов фонетики языка идиш в условиях его функционирования в Германии, где он естественным образом вступает в контакт с близкородственным немецким, который, более того, послужил ему исходным языком, продемонстрировал существенные позиционные различия реализации гласных и согласных в произнесении различными группами информантов в заданных коммуникативных ситуациях подготовленной и спонтанной речи на идише: делабиализация гласных: субституция /ɔ/ → [a]; переход в долгий гласный с лабиализацией: субституция /ɪ/ → [y:]; качественно-количественные изменения гласных: субституция /ɔ̂/ → [o:]; субституция /ɔ̂/ → [â]. В спонтанной речи всех информантов зафиксирован переход гласного заднего ряда верхнего подъема /ʊ/ в гласный заднего ряда среднего подъема [ɔ]. Стандартный идишский дифтонг /ε̂/ представлен долгим палатальным гласным переднего ряда среднего подъема [ε:]. Наблюдается изменение согласных, например, субституция /ʃ/ → [s]; аффрикатизация и деаффрикатизация, например, субституция /f/ → [pf]; субституция /d͡z/ → [s] или [z]; озвончение: субституция /t/ → [d].

При определенных и во многом существенных социальных отличиях информантов – идиш-немецких билингвов – они, как показал предпринятый нами разбор, используют идиом, который следует характеризовать как социолект языка идиш, неизбежно оказывающийся под немецким интерференциальным влиянием, в частности в области вокализма и консонантизма, что и послужило предметом настоящего исследования.

Носителями современного социолекта языка идиш являются представители ортодоксальных иудейских общин, в которых сохраняются традиции использования идиша как языка семейного и бытового общения, и

далекие от традиционного иудаизма светские люди, связанные с образовательными, культурными и общественными институтами. При существенных социальных отличиях информантов, идиш-немецких билингвов, все они используют идиом, который следует характеризовать как социолект языка идиш, неизбежно оказывающийся под немецким интерференциальным влиянием.

Реализация социофонетических переменных в речи идиш-немецких билингвов отображает актуальную тенденцию, связанную с функционированием идиша в Германии, – предпочтение использования языка идиш с элементами немецкого языка. В результате анализа произносительной системы идиш-немецких билингвов обнаружены диафонные отношения между большинством элементов фонетических систем идиша и немецкого языка. С помощью квантитативной методики установлены закономерности использования интерферем как фонологических переменных.

Произношение всех опрошенных информантов характеризуется фоностилистической вариативностью, которая позволяет говорящему «выбирать» тот или иной вариант реализации гласных и согласных, то есть социофонетических переменных. Выбор осуществляется в зависимости от параметров коммуникативной ситуации, социальных факторов, соответствия литературной норме, либо же это случай спонтанной интерференции немецких гласных и согласных. Немецкое интерференциальное влияние больше наблюдается в спонтанной речи и реже – в речи подготовленной. Это объясняется тем, что информанты – идиш-немецкие билингвы – проживают в стране функционирования близкородственного идишу языка, а близкое

родство языков в определенной и нередко существенной мере стирает грани между ними.

В рамках социофонетического исследования был проведен анализ особенностей произношения информантов для определения зависимости проявления того или иного фонетического признака от внеязыковых факторов. Как показал анализ, краткие монофтонги в подготовленной речи, т. е. при подготовленном чтении, сопровождаясь интерференциальными субституциями под влиянием немецкого произношения, могли:

а) сохранять место образования звука либо подвергаться качественным изменениям, а именно делабиализации: /ɔ/ → [a],

б) сохранять степень подъема или качественно изменяться по степени подъема: /ɛ/ → [ɪ],

в) сохранять нерелевантность признака «долгота – краткость» либо подвергаться количественным изменениям, а именно интерференциально уподобляться немецким долгим гласным,

г) испытывать качественно-количественные изменения – переход в долгий гласный с лабиализацией: /ɪ/ → [y:].

Как показал анализ, дифтонги в подготовленной речи, сопровождаясь интерференциальными субституциями под влиянием немецкого произношения, могли испытывать:

а) качественно-количественные изменения, подвергаясь монофтонгизации в долгий гласный: /ɛ̃ɪ/ → [ø:],

б) качественные изменения – переходить в другой дифтонг: /ãɪ/ → [ɔ̃ɪ]

В подготовленной речи идиш-немецких билингвов на идише методами аудитивного и аудиторского анализа были отмечены следующие качественные изменения в области консонантизма:

1. Изменение места образования – переход глухого альвео-палатального фрикативного согласного /ʃ/ в глухой альвеолярный фрикативный [s] в инлауте перед [r] – субституция /ʃ/ → [s].
2. Аффрикатизация и деаффрикатизация: аффрикатизация глухого лабио-дентального фрикативного /f/ в анлауте и ауслауте – субституция /f/ → [pf], деаффрикатизация /tʃ/ глухим альвео-палатальным фрикативным [ʃ] в абсолютном ауслауте или ауслауте корня после [n] – субституция /tʃ/ → [ʃ].
3. Озвончение глухого дентального окклюзивно-фрикативного /t/ в анлауте – субституция /t/ → [d].

Таким образом, в подготовленной речи идиш-немецкие билингвы прибегают как к стандартному идишскому произношению согласных, которое представлено в большинстве реализаций, так и – в меньшей мере – к социолектным вариантам, представленным фоностилистическими переменными. При этом анализ акцентных предпочтений идиш-немецких билингвов свидетельствует о том, что информанты используют весь диапазон вариативности фоностилистических переменных для создания стиля речи, соответствующего конкретной коммуникативной ситуации.

Как показал анализ, для кратких монофтонгов в спонтанной речи релевантны прежде всего интерференциальные субституции, связанные:

а) с качественно-количественными либо качественными/количественными изменениями – лабиализацией – делабиализацией или сохранением места образования звука при сохранении/утрате нерелевантности признака «долгота – краткость», а также

б) с качественными изменениями – изменением степени подъема.

Дифтонги в спонтанной речи, сопровождаясь интерференциальными субституциями под влиянием немецкого произношения, как и в подготовленной речи, могут подвергаться:

а) качественно-количественному изменению – монофтонгизации в долгий гласный, а также качественному изменению – монофтонгизации в краткий гласный,

б) качественному изменению – переходить в другой дифтонг.

В спонтанной речи идиш-немецких билингвов на идише были отмечены следующие качественные изменения в области консонантизма:

1. Изменение места образования.
2. Аффрикатизация и деаффрикатизация.
3. Озвончение.

Сопоставление реализаций фоностилистических переменных в подготовленной и спонтанной речи показало следующее:

а) стилистическая вариативность нерелевантна в произнесении информантами всех трех дискурсивных сообществ (представители религиозной общины, социокультурных сообществ и студенты немецких университетов) только гласного монофтонга /ɪ/ → [y:];

б) стилистическая вариативность релевантна в произнесении только студентами немецких университетов:

- гласных монофтонгов: /ɔ/ → [a] или [o:], /ʊ/ → [ɔ], /ɛ/ → [ɪ], /â/ → [ɔ̂], /ɔ̂/ → [â], /ɛ̂/ → [ɛ:], /ɛ̂/ → [ø:] или [ɛ], /ɔ̂/ → [o:];

- согласных: /ʃ/ → [s], /m/ → [n], /f/ → [pf̂], /dz/ → [s] или [z], /t/ → [d], /tʃ/ → [ʃ];

в) в целом в подготовленной и спонтанной речи на идише идиш-немецкие билингвы прибегают:

- как к стандартному идишскому произношению гласных и согласных, которое представлено в большинстве реализаций у представителей религиозной общины и социокультурных сообществ,

- так и к социолектным вариантам, представленным фоностилистическими переменными преимущественно у студентов немецких университетов.

Результаты настоящего диссертационного исследования, полученные в процессе фоностилистического анализа социолекта языка идиш в коммуникации идиш-немецких билингвов в Германии с применением комплексной экспериментально-фонетической методики, могут послужить основной для последующих исследований социолекта языка идиш и социолектов других языков, что будет способствовать более целостному пониманию языковых процессов в географических регионах, где определенный язык – в одной или нескольких экзистенциальных формах – вступает в контакт с автохтонными идиомами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

- ивр. – иврит(ский)
- ид. – идиш(ский)
- нем. – немецкий (язык)
- пол. – польский (язык)
- рус. – русский (язык)
- укр. – украинский (язык)
- [] – фонетическая транскрипция
- // – фонематическая транскрипция
- – реализация фонемы

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аврорин В. А. Двухязычие и школа // Проблемы двухязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С. 49–62.
2. Акустические характеристики // Кафедра фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ. Звуковая форма русской речи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://phonetics.spbu.ru/sites/default/files/res/man/032.html>.
3. Бабушкина Е. А. Территориальная вариативность просодии английской речи в США (экспериментально-фонетическое исследование речевого континуума по оси север-юг): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Бабушкина. – М., 2000. – 22 с.
4. Багироков Х. З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков): автореф. дис. ... докт. филол. наук / Х. З. Багироков. – Краснодар, 2005. – 426 с.
5. Байкова О. В. Функционирование немецких диалектов в условиях межъ- и внутриязыкового взаимодействия в рамках языкового острова (теоретические проблемы и полевые исследования в Кировской области): автореф. дис. ... д-ра филологических наук. – К.: ВятГГУ, 2012. – 40 с.
6. Барышева С. Ф. Развитие фоностилистической концепции Л. В. Щербы представителями Санкт-Петербургской фонологической школы / С. Ф. Барышева // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – М., 2010. – № 2. – С. 48–55.

7. Беликов В. И. Социолингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: РГГУ, 2001. – 317 с.
8. Белл Р. Т. Социолингвистика. Цели, методы и проблемы / Р. Т. Белл. – М.: Международные отношения, 1980. – 318 с.
9. Белорукова М. В. О фоностилистических концепциях в русской лингвистической науке / М. В. Белорукова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/20_PNR_2011/Philologia/3_90423.doc.htm.
10. Белорукова М. В. Просодическая специфика реализации высказываний «команда», «приказ», «распоряжение» в речи сотрудников полиции в американском варианте современного английского языка (экспериментально-фонетическое исследование на материале американских художественных фильмов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Белорукова. – Н. Новгород, 2015. – 167 с.
11. Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eleven.co.il/>.
12. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Перевод с английского Е. Руткевич / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
13. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.
14. Берков В. П. Современные германские языки. – М.: Астрель, 2001. – 335 с.
15. Бобылева Е. А. Сравнительно-историческое исследование английского безударного вокализма: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Бобылева. – М., 2004. – 22 с.

16. Бодуэн де Куртэне И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртэне – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 392 с.

17. Бондарко Л. В. Лев Рафаилович Зиндер (1904–1995) / Л. В. Бондарко // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера. – СПб., 2004. – С. 3–7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://danefae.org/pprs/sinder/bondarko.htm>.

18. Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка: учебное пособие / Л. В. Бондарко. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1998. – 273 с.

19. Бондарко Л. В. Стиль произношения и типы произнесения / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина, Л. Р. Зиндер, В. Б. Касевич // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1974. – № 2. – С.64–70.

20. Бондарко Л. В. Основы общей фонетики: учеб. пособие / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. – 152 с.

21. Бродович О. И. Английская диалектная вариативность: типологические и общетеоретические аспекты: автореф. дис. ... докт. филол. наук / О. И. Бродович. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1991. – 48 с.

22. Бубенникова О. А. Литературная произносительная норма (RP) в Британии: история и перспективы развития / О. А. Бубенникова // Вестник Московского университета. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – №2 – С. 18–31.

23. Бухаров В. М. Варианты норм произношения в современном немецком литературном языке. Теоретические проблемы и экспериментально-фонетическое исследование: автореф. дис. ... докт. филол. наук / В. М. Бухаров. – С.-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 1995а. – 39 с.

24. Бухаров В. М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка: монография / В. М. Бухаров. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1995б. – 138 с.
25. Бухаров В. М. Фонологический статус и акустическая природа дифтонгов в системе вокализма немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. М. Бухаров. – Л., 1973. – 26 с.
26. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Киев: Изд-во при КГУ изд. объединения «Вища школа», 1979. – 264 с.
27. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics1/weinreich-72.htm>.
28. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин – СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия», 2004. – 336 с.
29. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
30. Векшин Г. В. Очерк фоностилистики текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования: Монография / Г. В. Векшин. – М.: МГУП, 2006. – 462 с.
31. Великая Е. В. О фоностилистических особенностях спонтанной речи / Е.В. Великая // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2008. – № 6. – С. 130–137.
32. Великая Е. В. Просодия как фактор стилиобразования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. В. Великая – М., 2010. – 38 с.

33. Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). – М.: Изд-во МГУ, 1973. – С. 19–53.
34. Виноградов В. А. Языковая ситуация / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 616–617.
35. Виноградов В. А. Фонема / В. А. Виноградов // Лингвистический энцикл. словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 552–554.
36. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – М.: АН СССР, 1955. – № 1. – С. 60 – 87.
37. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М., 1959. – 656 с.
38. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей / В. В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1961. – 614 с.
39. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.
40. Вишневецкий А. У истоков языка идиш / Александр Вишневецкий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2014/05/28/380>.
41. Ворокова Н. У. История этнолингвистики. Курс лекций. – Нальчик, Каб.-Балк. ун-т, 2002. – 46 с.
42. Вrabель Т. Т. Лекції та методичний посібник для семінарів з теоретичної фонетики англійської мови / Т. Т. Вrabель. – Ужгород: ПоліПрінт, 2009. – 176 с.

43. Гайдучик С. М. О фонетических стилях современного немецкого языка // Филологические науки. – 1972. – №4. – С. 12–16.
44. Гайдучик С. М. К вопросу о классификации фонетических стилей и о предмете фоностилистических исследований / С. М. Гайдучик // Романское и германское языкознание. – Респ. межвед. сб. – М., 1981. – С. 9–15.
45. Ганыкина М. В. Развитие интонационной нормы английского языка: (Экспериментально-фонетическое исследование на материале южноанглийского произношения): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Ганыкина. – М., 1992. – 22 с.
46. Гвоздев А. Н. О фонологических средствах русского языка. Сборник статей / А. Н. Гвоздев. – М. – Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1949. – 167 с.
47. Громан Ш. Идиш и XXI век: прогнозы и реальность / Шломо Громан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.languages-study.com/yiddish/novy-vek.html>.
48. Губанов Д. А. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства / Д. А. Губанов, Д. А. Новиков, А. Г. Чхартишвили; под ред. Д. А. Новикова. – М., 2010. – 228 с.
49. Домашнев А. И. Вопросы исследования плюрицентрического развития современного английского языка / А. И. Домашнев // Res Linguistica: К 60-летию д.ф.н., проф. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 2000. – С. 90–97.
50. Дубинина Д. Н. Предпосылки овладения старшими дошкольниками выразительностью белорусской речи в условиях близкородственного двуязычия // Детский сад от А до Я. – Чебоксары, 2010. – № 5 (47). – С. 104–109.

51. Дубовский Ю. А., Заграевская Т. Б. Афроамериканский субъязык в субстандартной лексикографии США: «Американизмы» Дж. Фармера / Ю. А. Дубовский, Т. Б. Заграевская // Вестник Пятигорского государственного лингвистического ун-та. – 2013. – №2. – С. 42–49.

52. Дубовский Ю. А., Заграевская Т. Б. Этимологические источники формирования системы англоязычных афроэтносоциолектизмов / Ю. А. Дубовский, Т. Б. Заграевская // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т.1. – №1. – С. 134–142.

53. Дубовский, Ю. А. Этнолексиконы в афроанглийском этноязыке / Ю. А. Дубовский, Т. Б. Заграевская // Вестник Пятигорского государственного лингвистического ун-та. – 2013. – №1. – С. 157–163.

54. Евреи и христиане в Западной Европе: полемика и взаимовлияние культур. Часть 3. Сходство и различие. Аудиокнига / Научный руководитель – проф. Ора Лимор. – Раанана: Издательство Открытого университета Израиля, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://online-books.openu.ac.il/russian/jews-and-christians-in-western-europe/>.

55. Евстафьева Н. М. Статус языка в условиях близкородственного двуязычия (на материале языковой ситуации в Шотландии) // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика: материалы всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. Д. Петренко. – Симферополь: «Ариал», 2017. – С. 382–388.

56. Елоева Ф. А., Русаков А. Ю. Проблемы языковой интерференции. – Л.: ЛГУ, 1990 – С. 54–55

57. Ерофеева Е. В. К вопросу о природе подсистем языка / Е. В. Ерофеева // Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. ст. / под ред. Т. И. Ерофеевой; Перм. ун-т. – Пермь, 2002. – Вып.1. – С. 12–16.
58. Ерофеева Т. И. Социолект: стратификационное исследование: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Т. И. Ерофеева. – СПб. гос. ун-т. – СПб., 1995. – 32 с.
59. Ерофеева Т. И. Понятие «социолект» в истории лингвистики XX века / Т. И. Ерофеева // Международная научная конференция "Изменяющийся языковой мир". – Пермь, 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/erofeeva-02.htm>.
60. Ерофеева Т. И. Язык как реальный факт социальной жизни / Т. И. Ерофеева // Социальные варианты языка: материалы международной научной конференции. – Нижний Новгород, 2002. – С. 20–22.
61. Ерофеева Т. И. «Вертикальное членение» языка: об объектах социальной диалектологии / Т. И. Ерофеева // Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. ст. / под ред. Т. И. Ерофеевой. – Пермь: Перм. ун-т, 2003. – Вып.3. – С. 3–6.
62. Ерофеева Т. И. Социолект как инструмент описания языковой ситуации региона / Т. И. Ерофеева // Вестник Пермского университета. – Вып. 1 (17). – 2010. – С. 21–25.
63. Железнова Р. В., Качалова Н. А. К проблеме общих теоретических положений социальной диалектологии / Р. В. Железнова, Н. А. Качалова // Социальные варианты языка: материалы международной научной конференции. – Н. Новгород, 25–26 апреля 2002 года. – С. 23–25.
64. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1977. – 408 с.

65. Жирмунский В. М. Проблема социальной дифференциации языка // Язык и общество. – М.: Наука, 1968. – 256 с.

66. Жук В. А. Социальная дифференциация языка и общества / В. А. Жук // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения и педагогики. – Самара: Самарский государственный экономический ун-т, 2015. – № 1 (2). – С. 68–75.

67. Заграевская Т. Б. Идентификация афроамериканского этносоциолекта как форма существования английского языка // Речь. Речевая деятельность. Текст: материалы всероссийской межвузовской научной конференции, посвященной памяти профессора Г. Г. Инфантовой. – Таганрог, 2012. – С.181–187.

68. Заграевская Т. Б. Этносоциолексикография английского афросубъязыка: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Т. Б. Заграевская. – П., 2013. – 52 с.

69. Захаров В. С. Социолекты как отражение социального расслоения общества / В. С. Захаров // Социальные варианты языка: материалы международной научной конференции. – Н. Новгород, 2003. – С. 37–42.

70. Звуковая форма русской речи. Теоретический курс фонетики современного русского языка: мультимедийный учебный комплекс / Л. В. Бондарко и др. (ред.) // СПб.: Кафедра фонетики и лаборатория экспериментальной фонетики филол. ф-та С.-Петербургского ун-та, 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.speech.nw.ru/Manual/menu.html>.

71. Земская Е. А. Русская разговорная речь / Е. А. Земская. – М.: Наука, 1981. – 276 с.

72. Зиндер Л. Р. Современный немецкий язык: Теоретический курс / Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева-Сокольская. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 360 с.
73. Идиш язык // Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eleven.co.il/?mode=article&id=11686&query=%C8%C4%C8%D8>.
74. Исаев Е. Ш. Тенденції розвитку вимови старшокласників Німеччини: автореф. дис. ... канд. філол. наук / Е. Ш. Исаев. – Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 1999. – 19 с.
75. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Монография. – В.: Перемена, 2002. – 477 с.
76. Клейнер И. Иврит, идиш и другие / И. Клейнер // Журнал Вестник. Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestnik.com/issues/2001/0703/win/kleiner.htm>.
77. Клычмамедова О. Н. Фоностилистические особенности сегментации применительно к немецкой слитной речи: Экспериментально-фонетическое исследование: автореф. дис. ... канд. філол. наук / О. Н. Клычмамедова. – М., 2002. – 25 с.
78. Колесникова М. С. Фоностилистическое варьирование иноязычной разговорной речи как методическая проблема / М. С. Колесникова // ТИПЛОПП. Материалы и тезисы межвузовской научной конференции. – Н. Новгород: НГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, 1994. – С. 67–69.
79. Коломиец Е. А. Функционирование этносоциолекта Kanak Sprak в языковой ситуации современной Германии // Международная научно-практическая конференция, Майкоп, 20–21 октября 2011г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kak.znate.ru/docs/index-20034.html?page=84>.

80. Коломиец Е. А. Kiezdeutsch – этнолект современного немецкого языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pglu.ru/upload/iblock/96b/uch_2010_vi_00012.pdf.
81. Конецкая В. П. Социология коммуникаций. Учебник / В. П. Конецкая. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
82. Коровушкин В. П. Военные социолекты в английском и русском языках (к вопросу о контрастивном описании) / В. П. Коровушкин // Социальные варианты языка. Материалы международной научной конференции. – Н. Новгород, 25–26 апреля 2002 г. – С. 12–15.
83. Крапивкина О. А. Дискурсивное экспертное сообщество vs. дискурсопорождающая деятельность субъекта / О. А. Крапивкина // Вестник Иркутского государственного технического университета. – Иркутск, 2014. – № 9 (92). – С. 300–304.
84. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
85. Крысин Л. П. Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии / Л. П. Крысин // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социоллингвистике. – М., 2004. – С. 468–474.
86. Крысин Л. П. О перспективах социоллингвистических исследований в русистике // Л.П. Крысин // Русистика. – Берлин, 1992. – № 2. – С. 96–106.
87. Кузнецова В. В. Методологические основы социофонетики / В.В. Кузнецова // Современные проблемы науки и образования. – 2009. – № 1 – С. 84 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.science-education.ru/27-961.

88. Кузьмина Р. В. Фонетическая вариативность и вариантность в английском языке и принципы их отражения в современных орфоэпических словарях (фонетико-лексикографическое исследование на материале феномена омонимии): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. В. Кузьмина. – СПб.: СПбГУ, 2007. – 23 с.

89. Куликова К. С. Вариативность структуры сочетаний согласных на стыках слов в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Специальность 10.02.04 – Германские языки / К. С. Куликова. – М. 2011. – 175 с.

90. Курохтина Т. Н. Межъязыковая интерференция близкородственного украинско-русского двуязычия: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Курохтина. – М., 2010. – 23 с.

91. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте / У. Лабов // Новое в лингвистике. Вып. VII «Социолингвистика» / под общ. ред. Н. С. Чемоданова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 96–181.

92. Ледяева Е. В. Интонационное оформление дискурсивных элементов в английской разговорной речи (на материале Йоркширского диалекта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Ледяева. – И., 2002. – 19 с.

93. Макарова Е. Ю. Язык в системе этнических признаков / Е. Ю. Макарова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2009. – № 2 – С. 184–188.

94. Марцинкус Е. О. Вариативность единой фонологической системы английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. О. Марцинкус. – К., 1984. – 19 с.

95. Маслова В. А. Диалог русского и белорусского языков в Республике Беларусь // Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия «Вопросы образования: языки и специальность». – М., 2015. – № 5. – С. 255–259.

96. Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика / М. И. Матусевич. – М.: Просвещение, 1976. – 288 с.

97. Мележик К. А. Социолингвистическая вариативность дискурса английского «реального» телевидения (на материале реалити шоу «Большой Брат»): Дис. ... канд. филол. наук. Специальность 10.02.04 – Германские языки / К. А. Мележик. – Донецк, 2010. – 233 с.

98. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: Учеб. пособие / Н. Б. Мечковская. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.

99. Методы социолингвистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lektsii.org/2-43038.html>.

100. Мешкова Е. М. Роль глоттального взрыва в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук / Е. М. Мешкова. – М., 2002. – 223 с.

101. Михалева Е. И. Фонетические особенности диалектно-окрашенной речи в аспекте ее восприятия: перцептивно-фонетическое исследование на материале северных акцентов Англии: дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Михалева. – М., 2007. – 170 с.

102. Морозова И. Г. Взаимодействие языков в условиях мультикультурного общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/50471662-Vzaimodeystvie-yazykov-v-usloviyah-multikulturnogo-obshchestva.html>.

103. Мудрик Л. В. Фоностилiстичнi варіанти поздоровних висловлень в англійському діалогічному мовленні / Л. В. Мудрик // Науковий вісник Волинського національного університету. Філологічні науки. Мовознавство. – 2011. – №4. – С. 62-67.

104. Мурай О. В. Позиционная вариативность монофтонгов в речи молодежи Великобритании: Экспериментально-фонетическое исследование: дис. ... канд. филол. наук / О. В. Мурай. – М., 2005. – 189 с.

105. Ненашева Ю. А. Кодификация фонетической нормы в интонационном контуре нейтральных высказываний в современном английском языке (Экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Ненашева. – Н. Новгород, 2007. – 23 с.

106. Нургаманова З. А. Вариативность признака звонкости английских шумных согласных в современном британском произносительном варианте: экспериментально-фонетическое исследование: дис. ... канд. филол. наук / З. А. Нургаманова. – М., 2007. – 160 с.

107. Официальный сайт Центрального совета евреев в Германии. Вып. 10/11/2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zentralratdjuden.de/ru/article/3155>.

108. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика / М. В. Панов. – М.: Высшая школа, 1979. – 241 с.

109. Петренко А. Д. Актуальные проблемы социальной стратификации языка // Петренко А. Д., Храбскова Д. М., Петренко Д. А., Исаев Э. Ш. Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации. Коллективная монография. – Симферополь: Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, 2011. – С. 9–52.

110. Петренко А. Д. Стиль как социально-коммуникативная категория. Устная речь и проблема вариативности произношения / А. Д. Петренко // Культура народов Причерноморья. – 2008. – № 138. – С. 7–9.

111. Петренко А. Д. Теоретические проблемы социофонетики / А. Д. Петренко, Д. М. Храбскова, Д. А. Петренко, Э. Ш. Исаев // Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации. – Симферополь: Феникс, 2011. – С. 44–93.
112. Петренко Д. А. Актуальные проблемы современной социофонетики и орфоэпии / Д. А. Петренко // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2001. – № 19. – С. 62–65.
113. Петренко Д. О. Соціофонетична варіативність вимови політичних діячів Німеччини: автореф. дис. ... канд. філол. наук / Д. О. Петренко. – Київський нац. ун-т ім. Т. Шевченка.– К., 2003. – 20 с.
114. Петренко А. Д. Социальные аспекты языковой вариативности: Монография / А. Д. Петренко, К. А. Мележик, Д. А. Петренко, Т. В. Бридко, Д. М. Храбскова. – С.: «Предприятие Феникс», 2013. – 276 с.
115. Полян П. М. Очерки еврейской эмиграции из бывшего СССР в нынешнюю Германию / П. М. Полян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.berkovich-zametki.com/Nomer20/Poljan1.htm>.
116. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2002. – 60 с.
117. Поповская А. Я. Интерференциальные фоностилистические переменные гласных монофтонгов в разговорном стиле речи идиш-немецких билингвов / А. Я. Поповская, А. Д. Петренко // Глобальный научный потенциал. – Тамбов: Фонд развития науки и культуры. – 2017. – № 3 (72). – С. 31–27.
118. Поповская А. Я. Интерференциальные фоностилистические переменные согласных в полном стиле речи идиш-немецких билингвов / А. Я. Поповская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 4 (70): в 2-х ч. – Ч. 2. – С. 146–149.

119. Поповская А. Я. Современный социолект идиш и дискурсивные сообщества идиш-немецких билингвов в Германии / А. Я. Поповская, К. А. Шишигин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 4 (70): в 2-х ч. – Ч. 2. – С. 149–155.

120. Потапова Р. К., Потапов В. В. Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 464 с. – (Studia philologica).

121. Потапова Р. К. Особенности немецкого произношения: учеб. пособие / Р. К. Потапова, Г. Линднер. – М.: Высш. шк., 1991. – 319 с.

122. Присяжнюк О. Я. Просодичні особливості територіальних типів Британської вимови (експериментально-фонетичне дослідження на матеріалі шести територіальних типів британської вимови) : автореф. Дис ... канд. філол. наук / О. Я. Присяжнюк. – Одеса, 2004. – 20 с.

123. Прокопова Л. И. О фонетических стилях в немецком языке / Л. И. Прокопова // Культура народов Причерноморья. – № 19. – Симферополь. – 2001. – С.41– 44.

124. Психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_psychology/.

125. Пузикова Н. В. Стилистический аспект вариативности гласных в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Пузикова. – М., 1986. – 17с.

126. Родионова О. С. Синтагматическое членение как средство фоностилистической организации текста в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. С. Родионова. – М., 1985. – 21 с.

127. Русакова Е. Б. Русский компьютерный социолект: формирование и функционирование : автореф. дисс. ... канд. фил. наук / Е. Б. Русакова. – К., 2007. – 24 с.

128. Рюмин Р. В. Социолектная лексикография в теоретическом и прикладном спектрах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Р. В. Рюмин. – К., 2009. – 30 с.

129. Савина И. М. Просодический компонент культуры речи в британском варианте английского языка (экспериментально-фонетическое исследование на материале квазиспонтанной монологической речи): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. М. Савина. – М., 1999. – 24 с.

130. Сахарчук Л. І. Мовна трієдність та соціальне спілкування / Л. І. Сахарчук // Вісник КНУ. – К.: Видавнично-поліграфічний центр «Київський університет», 2000. – Вип. 30. – С. 10–11.

131. Скопинцева Т. С. Территориальная вариативность английской интонации на британских островах (экспериментально-фонетическое исследование на материале девяти территориальных типов британского произношения английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Скопинцева. – М., 1995. – 22 с.

132. Скуланова Г. М. Региональная вариативность интонации (экспериментально-фонетическое исследование на материале английского языка в Шотландии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. М. Скуланова. – М., 1987. – 22 с.

133. Солнцев В. М. Вариантность // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Под ред. В. Н. Ярцевой – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 337–338.

134. Сороколетова Н. Ю. Сравнительный анализ интонационных характеристик нефинальных синтагм в региональных вариантах английского языка / Н. Ю. Сороколетова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 1 (17). – С. 43–55.

135. Стили произношения и типы произнесения / Кафедра фонетики филологического факультета СПбГУ // Звуковая форма русской речи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.speech.nw.ru/Manual/glava11.htm#n11-3-h>.

136. Стрелец М. В. Германские евреи в период существования германского раскола: некоторые аспекты истории / М. В. Стрелец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/germanskie-evrei-v-period-suschestvovaniya-germanskogo-raskola-nekotorye-aspekty-istorii>.

137. Тантлевский И. Р. (отв. ред.). Еврейская речь. Вып. 1. Научное издание. – СПб.: Академия исследований культуры, 2013. – 182 с.

138. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

139. Торсуев Г. П. Константность и вариативность в фонетической системе (на материале английского языка) / Г. П. Торсуев. – М.: Наука, 1977. – 125 с.

140. Травкина А. Д. Типологически релевантная вариативность стандартной произносительной формы английского слова: Дисс. докт. филол. наук. Специальность: 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / А. Д. Травкина. – Т., 2001. – 325 с.

141. Третьякова О. В. Современный словарь шоу-бизнеса в структурно-семантическом и функциональном аспектах: дис. ... канд. филол. наук / О. В. Третьякова. – В., 2005. – 292 с.

142. Троянская Е. С. К общей концепции понимания функциональных стилей / Е. С. Троянская // Особенности стиля научного изложения. – М.: Наука, 1976. – С. 47–53.

143. Устинович Е. А. Соціофонетична варіативність сегментного складу англійської мови бурсько-англійських білінгвів: дис. ... канд. філол. наук / Е. А. Устинович. – Д., 2008. – 223 с.

144. Фалькович Э. О языке идиш / Э. Фалькович // Русско-еврейский (идиш) словарь / под ред. М. А. Шапиро и др. – М.: Русский язык, 1989. – С. 666–715.

145. Хауген Э. Языковой контакт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/haugen-72.htm>.

146. Хорошева Н. В. Промежуточные формы городской разговорной речи в свете теории социолингвистических переменных У. Лабова / Н. В. Хорошева // Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. ст. / под ред. Т. И. Ерофеева. – Пермь, 2003. – Вып. 2. – С. 8–13.

147. Храбскова Д. М. Фонетична еволюція французького мовлення етнічних французько-німецьких білінгвів: автореф. дис. ... канд. філол. наук / Д. М. Храбскова. – К., 2006. – 20 с.

148. Чураков А. Н. Анализ социальных сетей / А. Н. Чураков // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 109–121.

149. Шахбагова Д. А. Фонетическая система английского литературного языка – целостность, устойчивость вариативность: автореф. дис. ... доктора филол. наук / Д. А. Шахбагова. – М., 1986. – 38 с.

150. Швейцер, А. Д. К проблеме социальной дифференциации языка // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 39–48.

151. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1983. – 216 с.

152. Швейцер А. Д. Социолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 481–482.

153. Шевченко Т. И. Социальная дифференциация английского произношения / Т. И. Шевченко. – М.: Высш. шк., 1990–142 с.

154. Шишигин К. А. Словообразовательная система гибридного языка: формирование, развитие и функционирование (на материале префиксальных глаголов идиша): дис. ... докт. филол. наук. – К., 2015в. – 414 с.

155. Шишигин К. А. Словообразовательная система гибридного языка: формирование, развитие и функционирование (на материале префиксальных глаголов идиша): автореф. дис. ... докт. филол. наук / К. А. Шишигин. – К., 2015а. – 59 с.

156. Шишигин К. А., Лебедева Н. Б. Славянские языки как фактор гибридизации идиша / К. А. Шишигин, Н. Б. Лебедева // Русин: международный исторический журнал. – 2015б. – № 3 (41). – С. 210–225.

157. Шишигин К. А. Гибридизация языков: глагольно-префиксальная система идиша: монография / К. А. Шишигин. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 208 с.

158. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.

159. Щерба Л. В. Вступительная статья к книге И.П. Сунцовой «Вводный курс фонетики немецкого языка» / Л. В. Щерба // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 159–170.

160. Ядов В. А. Социологическое исследование / В. А. Ядов. – М., 1972. – 240 с.

161. Якутина М. В. Просодические формы речевого поведения участников судебного процесса (экспериментально-фонетическое исследование на материале аудиозаписей Верховного суда США) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Якутина. – М., 2002. – 22 с.

162. Ярцева В.Н. Языки мира – проблемы описания и классификация. – М.: Наука, 1971. – С. 12–23.
163. Aptroot M. Einführung in die jiddische Sprache und Kultur / M. Aptroot, H. Nath. – H.: Helmut Buske, 2002. – 466 S.
164. Barnes J. A. Class and committee in a Norwegian island parish. – Human Relations, 1954 – P. 39–58.
165. Bechert J. Einführung in die Sprachkontaktforschung. VI Text. / J. Bechert, W. Wildgen. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1991. – 178 S.
166. Becker Th. Einführung in die Phonetik und Phonologie des Deutschen / Th. Becker. – Darmstadt: WBG, 2012. – 130 S.
167. Beider A. Reapplying the language tree model to the history of Yiddish / A. Beider // Journal of Jewish Languages. – 2013. – № 1. – P. 77–121.
168. Bernstein B. Elaborated and restricted codes: Their social origins and some consequences // The ethnography of communication. Ed. by J. J. Gumperz and D. Hymes // American Anthropologist. – V. 66. – No 6, pt. 2, 1964. – P. 55–69.
169. Bibliotheca Iiddica. Khronologie // Bibliotheca Augustana [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fh-augsburg.de/~harsch/iiddica/Khronologie/y_khrono.html.
170. Birnbaum S. Yiddish. A Survey and a Grammar. – Toronto, University of Toronto Press, 1979. – 78 p.
171. Brenner M. Epilog oder Neuanfang? // Juden in Deutschland nach 1945 / Hrsg. O.R. Romberg, S. Urban-Fahr. – F.: Loffner, 1999. – S. 35–64.
172. Bright W. International Encyclopedia of Linguistics. / Bright W. [Editor in Chief]. – Volume 4. – New York, Oxford: Oxford Univ. Press, 1992. – 482 p.

173. Bubis I. Erschütterungen sind zu überstehen // *Juden in Deutschland nach 1945* / Hrsg. O.R. Romberg, S. Urban-Fahr. – Frankfurt: Loffner, 1999. – S. 65–93.
174. Bücken T. Ethnolektale Varietäten des Deutschen im Sprachgebrauch Jugendlicher // *SASI. Studentische Arbeitspapiere zu Sprache und Interaktion.* – 2007. – Heft 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://noam.uni-muenster.de/sasi/Tanja_Buecker_SASI.pdf.
175. Burgauer E. Zwischen Erinnerung und Verdrängung – *Juden in Deutschland nach 1945.* – H.: Reinbek, 1993. – 789 S.
176. Crystal D. *English as a Global Language* / David Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2 edition. – 2003. – 228 p.
177. Currie H. A projection of socio-linguistics: the relationship of speech to social status / Haver Currie // *Southern Speech Journal.* – 1952. – №18. – P. 28–37.
178. Della Pergola S. Review of relevant demographic information on world Jewry / S. DellaPergola. – Jerusalem, November 2003. – 66 p.
179. Della Pergola S. World Jewish Population, 2012 / S. Della Pergola // Chapter 6 of the 2012 American Jewish Year Book. – Storrs: University of Connecticut, 2012. – P. 48–77.
180. Dressler W. U., Wodak, R. Sociophonological methods in the study of sociolinguistic variation in Viennese German / W. U. Dressler, R. Wodak // *Language in Society,* 1982. – № 11. – P. 339–370.
181. Eckert P. Three Waves of Variation Study: The emergence of meaning in the study of variation / P. Eckert. – Stanford University, 2009. – 32 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stanford.edu/~eckert/PDF/ThreeWavesofVariation.pdf>.

182. Eckert P. Communities of Practice, Style and Personae / Penelope Eckert // Stanford Univ, 2011. [Электроний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stanford.edu/~eckert/csofp.html>.

183. Eckert P. Linguistic variation as social practice: the linguistic construction of identity in Belten High / Penelope Eckert. – Malden, Mass.: Blackwell Publishers, 2000. – 240 p.

184. Eckert P. Variation and the indexical field / Penelope Eckert // Journal of Sociolinguistics. – 2008. – № 12(4). – P. 453–476.

185. Erling E. J. Globalization, English and the German university classroom: a sociolinguistic profile of students of English at the Freie Universität Berlin. Thesis Presented for the Degree of Doctor of Philosophy / Elizabeth J. Erling. – University of Edinburgh, June 2004. – 282 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: userpage.fu-berlin.de/~berling/Final%20Draft%20pdf.pdf.

186. Ervin-Tripp S. The development of sociolinguistics / S. Ervin-Tripp // C. B. Paulston and G. R. Tucker (eds.), The early days of sociolinguistics: memories and reflections. – Dallas, TX: The Summer Institute of Linguistics, 1997. – P. 61–76.

187. Ferguson C. A. Diglossia // Word. – 1959. – vol.15. – P. 325–340.

188. Fischer J. Das Jiddische und sein Verhältnis zu den deutschen Mundarten / J. Fischer. – T.: Niemeyer, 1973. – P. 15–20.

189. Fishman J. A. Bilingualism with and without Diglossia / J. A. Fishman. – Journal of Social Issues – 1967. – P. 29–38

190. Foulkes P., Scobbie J. M., Watt D. J. Sociophonetics / P. Foulkes et al. // Hardcastle W., Laver J. & Gibbon F. (eds.) Handbook of Phonetic Sciences (2nd ed.). – Oxford: Blackwell, 2010. – P. 703–754.

191. Frank Ch. Jiddisch – Die Mameloschn, Eine Sprache, ihr historischer und kultureller Hintergrund / Chaim Frank // haGalil. – München. – 2014.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hagalil.com/jidish/cf-jid1.htm>.

192. Freidank M. Kanakisch-Deutsch. Dem krassesten Sprachbuch überhaupt / M. Freidank. – Frankfurt am Main: Eichborn Verlag, 2001. – 63 S.

193. Gerzon J. Die jüdisch-deutsche Sprache: eine grammatisch-lexikalische Untersuchung ihres deutschen Grundbestandes / J. Gerzon. – Frankfurt am Main: Kauffmann, 1902. – 133 S.

194. Gruber D. Introduction in Social Network Analysis / Denis Gruber // State University of St. Petersburg, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slideplayer.com/slide/5708850/>.

195. Gumperz J. J., Cook-Gumperz J. Studying language, culture, and society: Sociolinguistics or linguistic anthropology? / John J. Gumperz and Jenny Cook-Gumperz // Journal of Sociolinguistics. – 2008. – № 12(4). – P. 532–545.

196. Hall T. A. Phonologie: Eine Einführung / T. A. Hall. – B.; NY: de Gruyter, 2000. – 364 S.

197. Halle M. Phonemics / M. Halle // T. A. Sebeok (ed.) Current Trends in Linguistics, vol. 1: Soviet and East European Linguistics. – M.: The Hague, 1963. – P. 5–21.

198. Herzig A. Jüdische Geschichte in Deutschland – Von den Anfängen bis zur Gegenwart. – München: Beck, 1997. – 654 S.

199. Hinnenkamp V. „Gemischt sprechen“ von Migrantenjugendlichen als Ausdruck ihrer Identität // Der Deutschunterricht. – 2000. – Nr. 5. – S. 96–107.

200. House J. What Is an ‘Intercultural Speaker’? / Juliane House // Alcón Soler E., Safont Jordà M. P. Eds. Intercultural Language Use and Language Learning. – Dordrecht, The Netherlands: Springer, 2007. – P. 7-21.

201. Howatt A. P., Widdowson H. G. A History of English language teaching. 2 Rev. Ed. / A. P. R. Howatt, H. G. Widdowson. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 417 p.
202. Hymes D. A. Perspective for Linguistic Anthropology / Dell Hymes // Sol Tax, ed. Horizons of Anthropology. – Chicago: Aldine, 1964. – P. 92–107.
203. Hymes D. The ethnography of speaking / Dell Hymes // Anthropology and Human behavior, T. Gladwin and W. Sturtevant, eds. – Washington D.C., Anthropological Society of Washington, 1962. – P. 13–53.
204. Irvine J. Style as distinctiveness: The culture and ideology of linguistic differentiation / Judith Irvine // Stylistic variation in language, ed. by Penelope Eckert and John Rickford. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – P. 21–43.
205. Jenkins J. English as a Lingua Franca: Attitude and Identity / J. Jenkins. – Oxford University Press, 2007. – 284 p.
206. Jacobs N. G. Yiddish: A linguistic introduction / N. G. Jacobs. – Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2005. – XIX p.; 327 p.
207. Joseph J. E., Hodson T. C. The Origins of British Sociolinguistics / J. E. Joseph // Sociolinguistics Symposium 15, Newcastle-upon-Tyne, April 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://conferences.ncl.ac.uk/ss15/papers/paper_details.php?id=304.
208. Juchem M. W. Labov: Case Study Martha's Vineyard and New York / Maria Juchem. – 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.maria-juchem.de/Uni-versum/Labov/labov.html>.
209. Jüdische Kontingentenflüchtlinge. Kontingentflüchtlingsregelungen für Juden aus der ehemaligen Sowjetunion [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.geschichtsdidaktik.ewf.uni-erlangen.de/denkwerk-projekt-nuernbergs-migrationsgeschichte/07%20Juedische%20Kontingentfluechtlinge.pdf>.

210. Kachru B. The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-Native Englishes / B. Kachru. – Oxford: Pergamon Press, 1986. – 200 p.

211. Katz D. Language Yiddish / Dovid Katz. – The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Language/Yiddish>.

212. Kessler M. Die SED und die Juden – zwischen Repression und Toleranz. Politische Entwicklungen bis 1967 (Zeithistorische Studien, 6). – Berlin: Akademie Verlag, 1995. – 558 S.

213. Kerswill P. Introduction / Paul Kerswill // Ruth Wodak, Barbara Johnstone, Paul E Kerswill (eds.) The SAGE Handbook of Sociolinguistics – SAGE Publications Ltd 2010. – P.1–2.

214. Kerswill P. On the use of Labovian quantitative methods / Paul Kerswill // The English Language List, 19 January 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/dick/projects.htm>.

215. Kerswill P., Williams A. Creating a new town koiné: Children and language change in Milton Keynes/ Paul Kerswill // Language in society. – 2000. – № 29. – P. 65–115.

216. King A. Questions about Western Yiddish / A. King University College London, 1991 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alanrking.info/questions-about-western-yiddish/>.

217. King A. The paradox of creativity in diaspora: The Yiddish language and Jewish identity. – 2001. – P. 213–229

218. Kleine A. Phonetik des Jiddischen. Historische Aspekte und akustische Analysen. – Hamburg: Helmut Buske, 2008. – 230 S.

219. Krämer D. Kiezdeutsch. Sprachliche und kommunikative Merkmale im sprechsprachlichen Register von Berlinern mit türkischer Herkunftssprache /

Daniela Krämer. – München: GRIN Verlag, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grin.com/de/e-book/133981/kiezdeutsch-sprachliche-und-kommunikative-merkmale-im-sprechsprachlichen>.

220. Koerner K. Toward a History of Modern Sociolinguistics / K. Koerner // *American Speech*. – 1991. – № 66, 1. – P. 57–70.

221. Kramer J. Zweisprachigkeit in den Benelux-Ländern. Mit 11 Karten. – Hamburg: Buske, 1984. – 235 S.

222. Krogh S. Das Ostjiddische im Sprachkontakt: Deutsch im Spannungsfeld zwischen Semitisch und Slawisch / S. Krogh. – Tübingen: Niemeyer, 2001. – 78 S.

223. Labov W. Sociolinguistic patterns, in C. B. Paulston and G. R. Tucker (eds.), *The early days of sociolinguistics: memories and reflections*. – Dallas, TX: The Summer Institute of Linguistics, 1997. – P. 147–158.

224. Labov W. The social motivation of a sound change / W. Labov. – *Word*, 1963. – P. 18–42.

225. Labov W. The Social Stratification of (r) in New York City Department Stores / William Labov // N. Coupland, & A. Jaworski, A. (Eds.). *Sociolinguistics: A Reader*. New York: St Martin's Press, 1966. – P. 168–178.

226. Labov W. *The Social Stratification of English in New York City* / W. Labov. – Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2006. – 485 p.

227. Matras Ya. Archive of endangered and smaller languages. Yiddish (East) / Yaron Matras. – *Language Contact*. Manchester University [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://languagecontact.humanities.manchester.ac.uk/ELA/languages/Yiddish.html/>.

228. Mauraenen A., Metsä-Ketelä M. Introduction: English as a Lingua Franca / A. Mauraenen // *Nordic Journal of English Studies*. – 2006. – Vol. 5, № 2. – P. 1–8.

229. Meining S. Kommunistische Judenpolitik. Die DDR, die Juden und Israel. – Hamburg: Dobst, 2002. – 493 S.
230. Mills K. Rescuing Yiddish for Future Generations / K. Mills [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.indiana.edu/~rcapub/v23n1/p23.html>.
231. Milroy L. Observing and analysing natural language: A critical account of sociolinguistic method / Ann Lesley Milroy // Oxford: Basil Blackwell, 1987. – 232 p.
232. Milroy L., Gordon M. Sociolinguistics. Method and Interpretation / Lesley Milroy and Matthew Gordon // Blackwell Publishing, 2003. – 261 p.
233. Milroy L., Margrain S. Vernacular language loyalty and social network/ Lesley Milroy, S. Margrain // Language in Society. – 1980, № 9. – P. 43–70.
234. Nida E. A. Morphology; The Descriptive Analysis of Words / Eugene Nida. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1949. – 342 p.
235. Paulston Ch., Tucker G. R. The early days of sociolinguistics: memories and reflections / Christina Bratt Paulston and G. Richard Tucker (eds.). Publications in Sociolinguistics 2. Dallas: Summer Institute of Linguistics, 1997. – 362 p.
236. Schmidtová D. Analyse der ausgewählten Merkmale der Judensprache anhand von Online-Zeitschriften Bravo und Xpress: Diplomarbeit / D. Schmidtová. – B.: Masaryk-Universität, 2014. – 100 S.
237. Sebba M. London Jamaican: language systems in interaction / Mark Sebba // London: Arnold, 1993. – 192 p.
238. Seidlhofer B. Common ground and different realities: world Englishes and English as a lingua franca / Barbara Seidlhofer // World Englishes. – 2009. – Vol. 28(2). – P. 236–245.

239. Seidlhofer B. English as a lingua franca and communities of practice / Barbara Seidlhofer // Sabine Volk-Birke and Julia Lippert, eds. Anglistentag 2006 Halle Proceedings. – Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2007. – P. 307–318.
240. Shuy R. W. A brief history of American sociolinguistics, 1949–1989. / Roger W. Shuy // Christina Bratt Paulston and G. Richard Tucker (eds.). The early days of sociolinguistics: memories and reflections. Publications in Sociolinguistics 2. Dallas: Summer Institute of Linguistics, 1997. – P. 11–32.
241. Spolsky B., Cooper R. The Languages of Jerusalem, Oxford Studies in Language Contact. – Oxford, Clarendon Press: 1991. – P. 6–25.
242. Swales J. Genre Analysis / J. Swales. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 272 p.
243. The SAGE Handbook of Sociolinguistics / Ruth Wodak, Barbara Johnstone, Paul E Kerswill (eds.). – SAGE Publications Ltd, 2010. – 648 p.
244. Thompson I. Yiddish / Irene Thompson // About World Languages. – June 24, 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aboutworldlanguages.com/Yiddish>.
245. Timm E. Historische jiddische Semantik: Die Bibelübersetzungssprache als Faktor der Auseinanderentwicklung des jiddischen und des deutschen Wortschatzes / E. Timm, Mitarbeit v. G. A. Beckmann. – Tübingen: Max Niemeyer, 2005. – 736 S.
246. Torgersen E., Kerswill P., Fox S. Ethnicity as a source of changes in the London vowel system / Eivind Torgersen, Paul Kerswill, Susan Fox // Frans Hinskens (ed.). Language variation – European perspectives. Selected Papers from the Third International Conference on Language Variation in Europe. – Amsterdam: Benjamins, 2006. – P. 249–263.
247. Trudgill P. The social differentiation of English in Norwich / P. Trudgill. – C.: Cambridge University Press, 1974. – 211 p.

248. Vaynraykh M. Geshikhte fun der yidisher shprakh: bagrifn, faktn, metodn / M. Weinreich. – New York: YIVO, 1973. – Band I. – XIV p.; 356 p.
249. Vaynraykh M. Geshikhte fun der yidisher shprakh: bagrifn, faktn, metodn / M. Weinreich. – New York: YIVO, 1973. – Band II. – XII p.; 400 p.
250. Watt D., Milroy L. Patterns of variation and change in three Newcastle vowels: Is this dialect levelling? / D. Watt, L. Milroy // Foulkes P., Docherty G. J. (eds.). Urban Voices: Accent Studies in the British Isles. – London: Arnold, 1999. – P. 25–46.
251. Weigel W. F. Yiddish. Description / William F. Weigel. – Jewish Language Research Website, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jewish-languages.org/yiddish.html>.
252. Weinreich M. Prehistory and early history of Yiddish: Facts and conceptual framework / M. Weinreich // The field of Yiddish: Studies in Yiddish language, folklore, and literature / ed. U. Weinreich. – New York: Linguistic Circle of New York, 1954. – P. 73–101.
253. Weinreich M. History of the Yiddish Language: Chicago, University of Chicago Press, 1980. – 270 p.
254. Weinreich M. Geschichte der jiddischen Sprachforschung / M. Weinreich. – University of South Florida, 1993. – 326 S.
255. Weinreich U., Labov W. and Herzog M. I. 1968. Empirical foundations for a theory of language change / U. Weinreich, W. Labov, M. I. Herzog // Directions for Historical Linguistics, a Symposium, W. P. Lehmann and Y. Malkiel. – Austin, TX: Texas Press, 1968. – P. 95–195.
256. Weissberg J. Jiddisch. Eine Einführung / J. Weissberg. – Frankfurt am Main, 1988. – 290 S.
257. Wenger E. Communities of Practice / E. Wenger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 336 p.

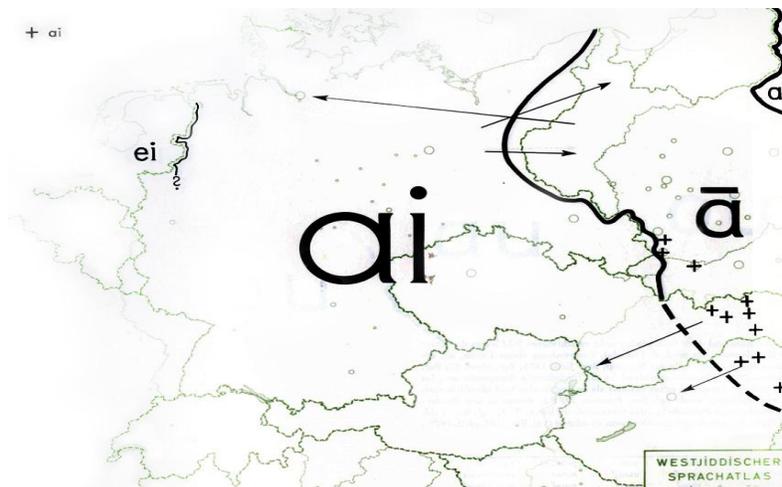
258. Wexler P. Two-tiered relexification in Yiddish: Jews, Sorbs, Khazars, and the Kiev-Polessian dialects / P. Wexler. – New York, 2002. – P. 45–58.
259. Wolffsohn, M. Die Deutschland-Akte. Juden und Deutsche in Ost und West. Tatsachen und Legenden. – 2. Aufl. – München: Edition bei Bruckmann, 1996. – 396 S.
260. Wolfram W. Ethnic varieties / Walt Wolfram // C. Llamas, L. Mullany & P. Stockwell, *The Routledge Companion to Sociolinguistics*. – London: Routledge, 2007. – P. 77–83.
261. Wolfram W., Fasold R. W. The study of social dialects in American English / W. Wolfram, R. W. Fasold // Englewood Cliffs: Prentice Hall., 1974. – 239 p.
262. Wolfram W., Schilling-Estes N. On the social basis of phonetic resistance: The shifting status of Outer Banks / W. Wolfram and Natalie Schilling-Estes // *Sociolinguistic variation: Data, theory and analysis*, ed. by Jennifer Arnold, Renee Blake, Brad Davidson, Scott Schwenter and Julie Solomon. – Stanford CA: CSLI Press, 1996. – P. 69–82.
263. Wolfram W. Ethnic varieties / W. Wolfram // C. Llamas, L. Mullany & P. Stockwell, eds. *The Routledge Companion to Sociolinguistics*. London: Routledge, 2007. – P. 77–83.
264. Zukunft Nr. 11/2010 // Zentralrat der Juden in Deutschland [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zentralratdjuden.de/ru/article/3155>.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Территориальные варианты языка идиш в Европе на рубеже XIX-XX вв.

[ai]: westjiddisch → "schraiben" - ('schreiben'), "fraint" - ("Freund")

ostjiddisch: → "lat" - ('Leute'), "wass" - ('weiss')

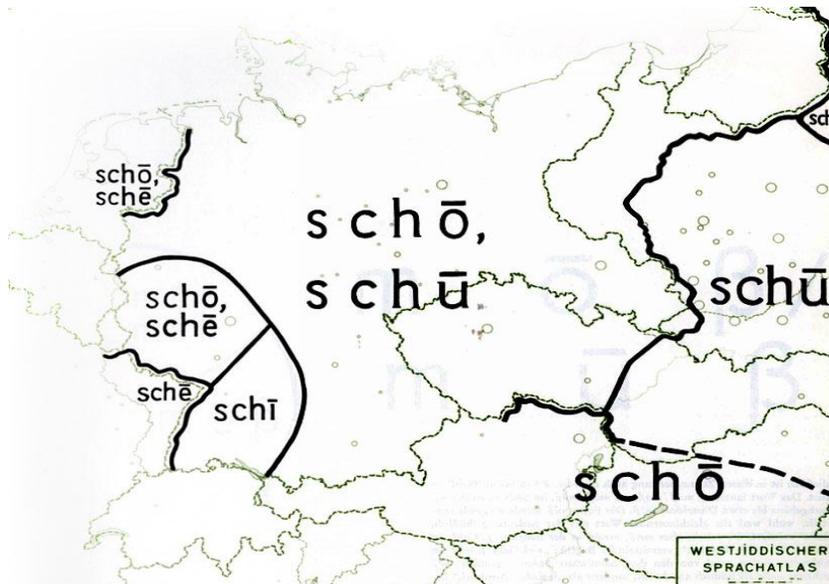
[au]: westjiddisch → "maul" - ('Mund')

ostjiddisch → "boich"/"buich" - ('Bauch')

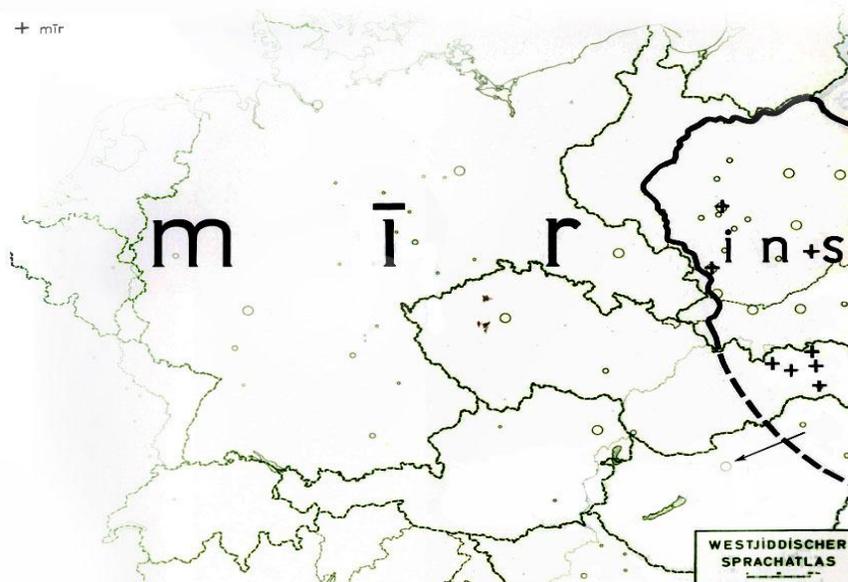
westjiddisch → "scho"/ "schu"- ('Stunde')

ostjiddisch → "schu"/"sche" - ('Stunde')

westjiddisch → "mir" - ('wir')

ostjiddisch → "ins" - ('wir')

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Фонемный состав немецкого вокализма и консонатизма

Немецкий вокализм

Немецкая фонетика имеет достаточно сложную систему гласных звуков, состоящую из 16 фонем. Все они передаются соответствующими буквами — *a, e, i, o, u, ä, ö* и *ü*. В заимствованиях и именах собственных также используются буква *y* и реже *é*. В зависимости от долготы гласного выделяют пары: /a:/ и /a/, /e:/ и /ɛ/, /i:/ и /ɪ/, /o:/ и /ɔ/, /u:/ и /ʊ/, /ɛ:/ и /ɛ/, /ø:/ и /œ/, а также /y:/ и /ʏ/

Монофтонги

Фонема

Характеристика

Варианты
произношения

/a/ краткий, неогубленный гласный переднего ряда
нижнего подъёма или заднего ряда нижнего

[a]

	подъёма как в слове <i>Kamm</i>	
/a:/	(долгий,) неогубленный гласный переднего или заднего ряда нижнего подъёма как в слове <i>kam</i>	[a(:)]
/ɛ/	краткий, неогубленный гласный переднего ряда средне-нижнего подъёма как в слове <i>Stelle</i>	[ɛ]
/ə/	краткий, неогубленный гласный переднего ряда средне-нижнего подъёма или шва как в слове <i>bitte</i>	[ɛ]/[ə]
/ɛ:/	долгий, неогубленный гласный переднего ряда средне-нижнего или средне-верхнего подъёма как в слове <i>Käse</i>	[ɛ:]/[e:]
/e:/	(долгий,) неогубленный гласный переднего ряда средне-верхнего подъёма как в словах <i>stehlen</i>	[e(:)]
/ɪ/	краткий, ненапряжённый неогубленный гласный переднего ряда верхнего подъёма как в слове <i>Mitte</i>	[ɪ]
/i:/	(долгий,) неогубленный гласный переднего ряда верхнего подъёма как в слове <i>Miete</i>	[i(:)]
/ɔ/	краткий, огубленный гласный заднего ряда средне-нижнего подъёма как в слове <i>offen</i>	[ɔ]
/o:/	(долгий,) огубленный гласный заднего ряда средне-верхнего подъёма как в словах <i>Ofen</i> или <i>Roman</i>	[o(:)]
/œ/	краткий, огубленный гласный переднего ряда средне-нижнего подъёма как в слове <i>Hölle</i>	[œ]
/ø:/	(долгий,) огубленный гласный переднего ряда средне-верхнего подъёма как в словах <i>Höhle</i> или <i>Ödem</i>	[ø(:)]
/ʊ/	краткий, ненапряжённый огубленный гласный заднего ряда верхнего подъёма как в слове <i>Mutter</i>	[ʊ]
/u:/	(долгий,) огубленный гласный заднего ряда верхнего подъёма как в словах <i>Mut</i> или <i>Kuh</i>	[u(:)]
/ʏ/	краткий, ненапряжённый огубленный гласный переднего ряда верхнего подъёма как в слове <i>müssen</i>	[ʏ]
/y:/	(долгий,) огубленный гласный переднего ряда верхнего подъёма как в словах <i>müßig</i> или <i>Physik</i>	[y(:)]

Дифтонги		
Знаки транскрипции	Характеристика	Варианты написания
[aʊ]	Дифтонг, начинающийся с произнесения [a] (как в слове <i>Schwamm</i>) и переходящий в немецкое [ʊ] с закруглением губ: как в слове <i>Haus</i>	au
[aɪ]	Аналогично, дифтонг, начинающийся с произнесения [a] и переходящий в немецкое [ɪ]: как в слове <i>Heim</i>	ei, ai, eu, au
[ɔʏ]	Дифтонг, начинающийся с [ɔ] (как в слове <i>Gott</i>) и переходящий в [ʏ], причем округление губ прекращается в конце ([ʏ] становится похожей на [ɪ]): как в слове <i>Eule</i>	eu, äu, oi

Немецкий консонантизм

В немецком языке насчитывается 25 фонем, отражающих согласные звуки. Фонемы разбиваются по парам, сходным по месту и способу образования, однако различным по признаку звонкости. Это пары /p-b, t-d, k-g, s-z, ʃ-z/, а также в некоторых случаях /tʃ-ɟʒ, ʃ-v/. Глухие взрывные согласные /p, t, k/ в большинстве вариантов имеют различную аспирацию в зависимости от положения в слове: в начале слова она сильнее всего (например, *Taler* ['tʰa:lɐ]), в середине при отсутствии ударения слабее (*Vater* ['fa:tʰɐ]) и самая слабая в конце (*Saat* [za:tʰ]). В сочетаниях /ft, ʃp/ аспирация отсутствует (*Stein* [ʃtaɪn], *Spur* [ʃpu:ɐ]). Звонкие /b, d, g, z, ʒ/ в южнонемецких диалектах оглушаются, при этом на транскрипции к ним применяют дополнительные значки [b̥, d̥, g̥, z̥, ʒ̥].

Звук	Характеристика	Пример
ʔ	Глухой гортанный взрывной согласный звук, характерная черта немецкого произношения; в качестве самостоятельного звука в немецкой	<i>beachten</i> /bɛ'ʔaxtɐn

	фонетике рассматривается редко.	
b	Звонкий губно-губной взрывной; в южных диалектах оглушается ([b̥]).	<i>Biene</i> /'bi:nə, bi:nə/, <i>aber</i> /'a:bər, 'a:bər/
ç	Глухой палатальный спирант, является аллофоном звука [x].	<i>Ich</i> /ɪç/, <i>Furcht</i> /fʊrçt/, <i>Frauchen</i> /fraʊçən/
d	Звонкий альвеолярный взрывной, в южных вариантах оглушается ([d̥]).	<i>dann</i> /dan, ɔan/, <i>Laden</i> /'la:dən, la:ɔən/
dʒ	Звонкая постальвеолярная аффриката, встречается только в словах иностранного происхождения, а в южных вариантах сливается с [tʃ].	<i>Dschungel</i> /'dʒʊŋəl/
f	Глухой губно-зубной спирант	<i>Vogel</i> /'fo:gəl/, <i>Hafen</i> /'ha:fən/
g	Звонкий велярный взрывной, в южных вариантах проихносится глухо ([g̊]).	<i>Gang</i> /'gaŋ, ɔaŋ/, <i>Lager</i> /'la:gər, la:ɔər/
h	Глухой глоттальный щелевой согласный	<i>Haus</i> /haʊs/, <i>Uhu</i> /'u:hu/
j	Палатальный аппроксимант	<i>jung</i> /jʊŋ/, <i>Boje</i> /'bo:jə/
k	Глухой велярный взрывной	<i>Katze</i> /'katsə/, <i>Strecke</i> /ʃtrɛkə/
l	Альвеолярный латеральный аппроксимант	<i>Lamm</i> /lam/, <i>alle</i> /'alə/
m	Губно-губной носовой согласный	<i>Maus</i> /maʊs/, <i>Dame</i> /da:mə/
n	Переднеязычный носовой согласный	<i>Nord</i> /nɔrt/, <i>Kanne</i> /'kanə/
ŋ	Велярный носовой согласный	<i>Lang</i> /laŋ/, <i>singen</i> /'ziŋən/
p	Глухой губно-губной взрывной	<i>Pate</i> /'pa:tə/, <i>Mappe</i> /'mapə/
pf	Глухая губно-зубная аффриката	<i>Pfaffe</i> /'pfa:fə/, <i>Apfel</i> /'apfəl/
г р в	Альвеолярный дрожащий согласный ([r]), увулярный дрожащий согласный ([R]) и звонкий увулярный спирант ([ʀ]); все три звука являются аллофонами. Их разделение локально, причём [r] встречается чаще в южных вариантах. В конечном слоге /r/ вокализируется [ʀ], особенно после долгих гласных не под ударением,	<i>rot</i> [ro:t, ro:t, ʀo:t], <i>starre</i> ['ʃtarə, 'ʃtarə, 'ʃtʰarə], вокализация: <i>sehr</i> [ze:ʀ], <i>besser</i> ['bɛsə]

	переходя в [v].	
s	Глухой альвеолярный спирант	<i>Straße</i> /'stra:sə/, <i>Last</i> /last/, <i>Fässer</i> /'fæsər/
ʃ	Глухой постальвеолярный спирант	<i>Schule</i> /'ʃu:lə/, <i>Stier</i> /'sti:r/, <i>Spur</i> /ʃpu:r/
t	Глухой альвеолярный взрывной	<i>Tag</i> /ta:k/, <i>Vetter</i> /'fetər/
ts	Глухая альвеолярная аффриката	<i>Zaun</i> /tsaʊn/, <i>Katze</i> /'katsə/
tʃ	Глухая постальвеолярная аффриката	<i>Deutsch</i> /dɔʏtʃ/, <i>Kutsche</i> /'kʊtʃə/
v	Звонкий губно-зубной спирант, иногда описывается как губно-зубной аппроксимант ([ʋ]).	<i>Winter</i> /'vɪntər/, <i>Löwe</i> /'lø:və/
x	Глухой веларный спирант, аллофон к [ç], а также к /g/ в северных вариантах	<i>Lachen</i> /'laxən, 'laχən/, в северных вариантах: <i>sag</i> /za:x, za:χ/
z	Звонкий альвеолярный спирант, оглушается в северных вариантах ([z̥])	<i>sechs</i> /zɛks, z̥ɛks/, <i>Wiese</i> /'vi:zə, 'vi:z̥ə/
ʒ	Звонкий постальвеолярный спирант, встречается в заимствованиях. В южных вариантах оглушается ([ʒ̥]).	<i>Genie</i> /zɛ'ni:, z̥ɛn'i:/, <i>Plantage</i> /plan'ta:zə, plan'ta:z̥ə/

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Список участников эксперимента

Таблица 1.

Список участников эксперимента по определению фоностилистических переменных

<i>Женщины</i>	<i>Возраст</i>	<i>Страна</i>	<i>Женщины</i>	<i>Возраст</i>	<i>Страна</i>
1. Andrea B.	48	Германия	13. Jana M.	32	Германия
2. Anna O.	21	Германия	14. Julia G.	26	Германия
3. Annett R.	42	Германия	15. Lara S.	43	Германия
4. Amalia S.	56	Германия	16. Lea D.	61	Германия
5. Dana J.	34	Германия	17. Lena P.	49	Германия
6. Daniela F.	27	Германия	18. Lina S.	26	Германия
7. Debora A.	41	Германия	19. Maria H.	36	Германия
8. Diana S.	28	Германия	20. Nadin S.	31	Германия

9. Elena B.	57	Германия	21. Rahel F.	71	Германия
10. Hanna T.	51	Германия	22. Sarah D.	58	Германия
11. Inga F.	33	Германия	23. Viktoria K.	52	Германия
12. Isabel W.	45	Германия	-	-	-

Продолжение таблицы 1.

<i>Мужчины</i>	<i>Возраст</i>	<i>Страна</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Возраст</i>	<i>Страна</i>
24. Abraham K.	24	Германия	35. Lewin M.	50	Германия
25. Alex K.	28	Германия	36. Mark L.	37	Германия
26. Avrum B.	40	Германия	37. Markus K.	41	Германия
27. Benjamin A.	47	Германия	38. Nathan D.	56	Германия
28. Daniel P.	32	Германия	39. Noah R.	64	Германия
29. David T.	25	Германия	40. Norbert T.	55	Германия
30. Gabriel K.	22	Германия	41. Ruben S.	49	Германия
31. Jakob H.	43	Германия	42. Samuel A.	61	Германия
32. Jan E.	58	Германия	43. Simon L.	23	Германия
33. Joseph S.	29	Германия	44. Yaron S.	44	Германия
34. Leon T.	64	Германия	-	-	-

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

Фрагмент текста (1)

Leon K., представитель еврейской общины г. Дюссельдорфа

די שטאָט N איז געבויט אין דרײַ רינגען. ערשטער רינג: די סאַמע מיט, דער האַנדלס-מאַרק. צווייטער: די גרויסע אייגנטלעכע שטאָט, מיט די פֿיל היזער, גאַסן, געסלעך, ליקלעך אַרום מאַרק, וווּ דער רובֿ געדיכטער געפֿינט זיך. דריטער: פֿאַרשטעטלעך. ווען אַ פֿרעמדער וואָלט צום ערשטן מאָל אין N זיך געטראָפֿן, וואָלט עס אים גלייך, ווי מיט אַ מאַגנעט, צו דער מיט-שטאָט, צום צענטער, אַ צי געטאָן: דאָרט איז דער רויש, דער קאָך, דאָרט איז דער עיקר-עיקר, דאָס האַרץ, דער פּולס פֿון שטאָט.

di shtot N iz geboyt in dray ringen. ershter ring: di same mit, der handels-mark. tsveyter: di groyse eygentlekhe shtot, mit di fil **hoyszər**¹, gasn, geslekh, liklekh arum mark, vu der rov gedikhter gefint zikh. driter: forshtetlekh. ven a fremder volt tsum ershtn mol in N. zikh getrofn, volt es im glaykh, vi mit a magnet, tsu der mit-shtot, tsum tsenter, a zi **getan**²: dort iz der roysh, der kokh, dort iz der iker-iker, dos harts, der puls vun shtot.

¹ ид. הַיִּזְעָר /'hɑɪzər/ & нем. *Häuser* /'hɔɪzər/ ⊥ с.ид. ['hɔɪzər] 'домá'

² ид. גֶּעָטָן /gə'tɔn/ & нем. *getan* /gə'ta:n/ ⊥ с.ид. [gə'ta:n] причастие II от ид. *ton/tun* и нем. *tun* 'делать'

Фрагмент текста (2)

Лина С., 26, студентка

ווען אַ פֿרעמדער וואָלט צום ערשטן מאָל אין N זיך געטראָפֿן, וואָלט עס אים גלייך, ווי מיט אַ מאַגנעט, צו דער מיט-שטאָט, צום צענטער, אַ צי געטאָן: דאָרט איז דער רויש, דער קאָך, דאָרט איז דער עיקר-עיקר, דאָס האַרץ, דער פּולס פֿון שטאָט. פֿרישער שניטקראָם, פֿריש פּאַפּיר, דאָן אַלטע און פֿאַרשווייסטע זאַכן און פֿאַרשיידענע פֿאַרשטויבטייטן און אַלעס אַנדערע, וואס וויל פֿון געברויך ניט אַרויס.

ven a fremder volt tsum ershtn **mal**³ in N zikh getrofn, volt es im glaykh, vi mit a magnet, tsu der mit-stot, tsum tsenter, a zi **getan**⁴: dort iz der roysh, der kokh, dort iz der iker-iker, **das**⁵ harts, der puls vun **shtat**⁶. frisher shnitkram, frish papir, dan alte un farshveyste zakhn un farsheydene farshtoybikaytn un ales andere, vos vil fun geboyrn nit aroys.

³ ид. מאָל /'mɔl/ & нем. *Mal* /'ma:l/ ⊥ с.ид. ['ma:l] 'раз'

⁴ ид. געטאָן /gə'tɔn/ & нем. *getan* /gə'ta:n/ ⊥ с.ид. [gə'ta:n] причастие II от ид. *ton/tun* и нем. *tun* 'делать'

⁵ ид. דאָס /'dɔs/ & нем. *das* /'das/ ⊥ с.ид. ['das] артикль среднего рода

⁶ ид. שטאָט /'ʃtɔt/ & нем. *Stadt* /'ʃtat/ ⊥ с.ид. ['ʃtat] 'город'

ПРИЛОЖЕНИЕ V

Фрагменты интервью

1. Рахель Ф., 71, пенсионерка

איך בין געבוירן אין פראנקפורט. מיינע עלטערן האָבן געהאַט א געשעפֿט פֿון גרינס און פֿרוכט. אין איין טאָג זאָגט מײן מוטער מיר: איך וויל, אַז דו זאָלסט אַרבעטן אין געשעפֿט. זאָג איך: גוט, איך גיי אין געשעפֿט.

ikh bin geboyrn in frankfurt. mayne eltern **habn gehabt**⁷ a gesheft fun grins und frukht. in eyn tog zogt mayn muter mir: ikh vil, az du zolst arbetn in gesheft. **zag**⁸ ikh: gut, ikh gey in gesheft.

האָב איך נישט געאַרבעט נאָך דער חתונה צען יאָר. די פרוי דאַרף זײן אין שטוב און נישט שײן זאָל אַרויסגיין אַרבעטן.

hob ikh nisht gearbet nokh der khasene tsen yor. di froy darf zayn in shtub nisht sheyn zol aroysgeyn arbetn.

איין מאָל האָב איך אָנגעהויבן שרײַבן אָף ייִדיש. איך האָב זיך פֿאַרליבט אין ייִדיש. האָב איך געשריבן, האָב געשיקט אין די בלעטער. איך וויל דאָס בוך אַרויסגעבן.

eyn **mal**⁹ hob ikh ongheybn shraybn af yidish. ikh hob zikh farlibt in yidish. hob ikh geshribn, hob geshikt in di bleter. ikh vil dos bux aroysgebn.

⁷ ид. /hɔbm gə'hat/ & нем. *haben gehabt* /ha:bn gə'ha:pt/ ⊥ с.ид.

[ha:bn gə'ha:pt] '(они) имели'

⁸ ид. /'zɔg/ & нем. *sag* /'za:k/ ⊥ с.ид. ['za:g] 'говоря'

⁹ ид. /'mɔl/ & нем. *Mal* /'ma:l/ ⊥ с.ид. ['ma:l] 'раз'

2. Аврум Б., 47, музыкант

איך בין אַברום לאיב בורשתאין. עלטער – 40 יאַר, מיט אַ ווייב און 5 גרויסע קינדער.
ikh bin avrum leyb burshteyn. eltər – fertsik **yar**¹⁰, mit a vayb un finf groyse kinder.

איך רעד יידיש פֿון דעם געבוירנע שטוב וואָס מיין מאַמע און טאַטע האָבן גערעדט יידיש.
ikh **red**¹¹ yidish fun dem geboyrene shtub vus mayn mame un tate hobn geredt yidish.

מיין טאַטנס עלטערן זענען געקומען פֿון פּוילן און גערעדט יידיש.
mayn tatns eltern zenen gekumen fun poyln un geredt yidish.

מיין מאַמעס עלטערן זענען געקומען פֿון דײַטשלאַנד און גערעדט דײַטשיש און ענגליש מיט מיין מאַמע.
mayn mames eltern zenen gekumen fun daytshland un geredt daytshish un english mit mayn mame.

און איך רעד יידיש און מיר זיצן דאָ אין יונג יידיש אין *די ליבראַרע.
un ikh **red**¹¹ yidish un mir zitsn **da**¹² in yung yidish in *di librare.

ווי זאָגט אין יידיש די *ביבליאַליטעק פֿון ביכער אויף יידיש.
vi **zagt**¹³ in yidish di *biblialitek fun bikher oyf yidish.

¹⁰ ид. יאַר /'jɔr/ & нем. *Jahr* /'ja:r/ ⊥ с.ид. ['ja:r] 'год'

¹¹ ид. רעד /'rɛɪd/ & нем. *rede* /'re:t/ ⊥ с.ид. ['re:d] 'говорю'

¹² ид. דאָ /'dɔ/ & нем. *da* /'da:/ ⊥ с.ид. ['da:] 'тут'

¹³ ид. זאָגט /'zɔkt/ & нем. *sagt* /'za:kt/ ⊥ с.ид. ['za:kt] 'говорит'

